

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО
НАУЧНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ «ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
«КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

ВЫПУСК 10

НАЛЬЧИК • 2020

УДК 902(470.6)+39(470.6)
ББК 63.48(235.7)+63.529(235.7)
А 87

Редакторы:

Бгажноков Барасби Хачимович
доктор исторических наук

Фоменко Владимир Александрович
кандидат исторических наук, доцент

А 87 Археология и этнология Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Выпуск 10. – Нальчик: Редакционно-издательский отдел КБИГИ, 2020. – 152 с.

Тематический сборник включает в себя статьи, разрабатывающие актуальные вопросы археологии и этнологии Северного Кавказа. В издании публикуются материалы древних и средневековых памятников Северного Кавказа, а также региональные этнологические исследования; рассматриваются проблемы средневековой истории народов Кабардино-Балкарии и с определенных регионов.

Издание рассчитано на научных и музейных работников, преподавателей, краеведов, широкую аудиторию читателей.

На обложке изображение серебряной рельефной пластины из горита с золотыми накладками (Семибратний курган, № 2. Раскопки В.Г. Тизенгаузена, 1875–1876. Эрмитаж); на титульной странице – серебряный позолоченный фалар (курган у г. Кореновска, 1968. Краснодарский музей).

ISBN 978-5-91766-182-7

THE INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH –
AFFILIATED FEDERAL STATE BUDGETARY SCIENTIFIC ESTABLISHMENT
“FEDERAL SCIENTIFIC CENTER “KABARDIAN-BALKARIAN SCIENTIFIC CENTER
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES”

ARCHEOLOGY AND ETHNOLOGY OF THE NORTH CAUCASUS

ISSUE 10

NALCHIK • 2020

UDK 902(470.6)+39(470.6)
BBK 63.48(235.7) + 63.529(235.7)
A 87

Editors:

Bgazhnokov Barasbi Khachimovich,
Doctor of Historical Sciences

Fomenko Vladimir Aleksandrovich,
Candidate of Historical Sciences, assistant professor

A 87 Archeology and ethnology of the North Caucasus. Collection of research papers. Issue 10. – Nalchik: Issuing office of KBIHR, 2020. – 152 p.

Subject collection includes articles developing topical questions of archeology and ethnology of the North Caucasus. Materials of ancient and medieval monuments of the North Caucasus and also regional ethnological researches are published in the issue. The problems of medieval history of people of Kabardino-Balkaria and adjacent regions are examined.

The issue is addressed to scientists, museum staff, lecturers, local historians, vast audience of readers.

There is a picture of silver relief lamination of gorytos with gold plate caps (Semi-bratniy mound № 2. Diggings of V.G. Tizengauzen, 1875–1876. The Hermitage Museum); there is a silver gilt plate (mound near Korenovsk town, 1968. Krasnodar museum).

ISBN 978-5-91766-182-7

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бгажноков Б.Х.</i> (Нальчик). Преемственность этнического развития протоабхазо-адыгского населения	7
<i>Бгажноков Б.Х.</i> (Нальчик). К вопросу о диффузиях и миграциях в ранней истории черкесов	15
<i>Бакушев М.А.</i> (Ростов-на-Дону). Поселение северокавказской культурно-исторической общности у станицы Змейской в Северной Осетии	25
<i>Березин С.Я.</i> (Армавир), <i>Березин Я.Б.</i> (Москва). Погребения эпохи раннего железа из курганного могильника Прогресс-2 на реке Малка ...	42
<i>Бурков С.Б.</i> (Владикавказ). Проблемы этнокультурных реконструкций населения Центрального Предкавказья по данным археологии III в. до н.э. – IV в. н.э. в монографических изданиях XXI в. (вопросы историографии)	59
<i>Фоменко В.А.</i> (Нальчик). Археологические памятники Эссентукского микрорегиона	101
<i>Гучева А.В.</i> (Нальчик). Цвето- и звуко- структурация сакрального в музыкальной модели мира черкесов (адыгов)	108
<i>Кармов Р.К.</i> (Пятигорск). Первые упоминания этнонима «абаза» в историографии	115
<i>Остахов А.А.</i> (Москва). Продовольственное обеспечение черкесского воинства (XVIII–XIX вв)	122
<i>Абаева Асият М., Абаева Асуана М.</i> (Нальчик). Вклад Якоба Райнегтса в развитие европейского кавказоведения XIX века	132
<i>Абаева Асият М., Абаева Асуана М.</i> (Нальчик). Формирование представлений о Кавказе в общественном сознании Германии XIX века	142
<i>Сведения об авторах</i>	148

CONTENT

<i>Bgazhnokov B.Kh.</i> (Nalchik). The ethnic development continuity of the proto-abkhaz-adyghe population	7
<i>Bgazhnokov B.Kh.</i> (Nalchik). On the question of diffusions and migrations in the early history of the circassians	15
<i>Bakushev M.A.</i> (Rostov-on-Don). Settlement of the north-caucasian cultural and historical community near Zmeyskaya village in North Ossetia	25
<i>Berezin S.Y.</i> (Armavir), <i>Berezin Y.B.</i> (Moscow). Burials of the early iron age from the Progress-2 burial mound on the Malka river	42
<i>Burkov S.B.</i> (Vladikavkaz). Problems of ethnic and cultural reconstructions of the population Central Pre-Caucasus according to the data of archeology of the III century BC–IV century ad in monographic publications of the XXI century (questions of historiography)	59
<i>Fomenko V.A.</i> (Nalchik). Archaeological monuments of the Essentuki microregion	101
<i>Gucheva A.V.</i> (Nalchik). Color and sound structuration of the sacred in the musical model of the circassian (adyghe) world	108
<i>Karmov R.K.</i> (Pyatigorsk). The first mention of the ethnonym «abaza» in historiography	115
<i>Ostakhov A.A.</i> (Moscow). Food supply of the circassian army (XVIII–XIX cent.)	122
<i>Abaeva Asiyat M., Abaeva Asuana M.</i> (Nalchik). Jacob Reinegs's contribution into the development of the european caucasus studies of the XIX-th century	132
<i>Abaeva Asiyat M., Abaeva Asuana M.</i> (Nalchik). Formation of opinions about the Caucasus in the public consciousness of Germany in the XIX century	142
<i>The authors of this issue</i>	150

Б.Х. Бгажноков
(г. Нальчик)

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ЭТНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРОТОАБХАЗО-АДЫГСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Ставится вопрос о происхождении и преемственности этнического развития протоабхазо-адыгов на протяжении нескольких эпох, начиная с энеолита заканчивая железным веком и периодом античности. Рассматриваются вопросы евразийских связей и различных влияний, в центре которых оказались древние жители западного и Северного Кавказа. Затрагиваются также вопросы этнической атрибуции ряда археологических культур, формирования физического облика черкесов, проблемы этнонимии. Подчеркивается, что генезис и древняя история протоабхазо-адыгов прочно связаны как с восточным так и с западным культурным взаимодействием и влиянием.

Ключевые слова: Западный Кавказ, Евразия, анатолийские хатты, кавказская ветвь хаттов, протомеоты, меото-черкесские племена, киммерийцы.

1.

Предполагается, что до последнего глобального потепления в VIII–VII тыс. до н.э. протоабхазо-адыгские племена составляли единую общность. А затем распались на две ветви: анатолийскую и кавказскую¹.

Но естественные преграды и удаленность друг от друга не могли уничтожить полностью следы их былой общности. Отсюда сохранявшаяся на протяжении многих веков преемственность и близость многих черт материальной и духовной культуры анатолийских и кавказских хаттов. В области культурных традиций это общие названия некоторых божеств, представление о жрецах, именуемых Людьми Бога грозы, почитание боярышника как священного дерева, овечьей шкуры, которая вывешивалась перед собранием и служила символом долголетия, большого потомства, послушания и т.д.

Я оставляю сейчас все это в стороне для более подробного рассмотрения. Не останавливаюсь по тем же соображениям на многочисленных соответствиях структурно-грамматического строя хаттского и современных абхазо-адыгских языков, на большом списке лексико-семантических совпадений и параллелей. Особо отмечу только, что не были преданы забвению связанные с хатто-каскайской общностью этнические имена. В частности, сохранилось представление об особом статусе имени *Хатт* – букв. «животворящий». У анатолийских хаттов в качестве самоназвания. У кавказцев (проточеркесов) в качестве престижного имени, отвращающего зло и обеспечивающего обладателю этого имени (фамилии) здоровье, силу, удачу. Это имена и фамилии типа *Хьэтыжь* – «Славный хатт», *Хьэтыхьу* – «Хаттский муж», *Хьэтыкъуэ* – «Сын хатта», *Хьэтэжьыкъуэ* – «Сын славного хатта», *Хьэтыгу* – «Хаттское сердце» и др.

Любопытно, что в осетинском нартском эпосе сообщается о некоем *хаттагском языке*. То есть о языке другого, близкого им соседнего кавказского

народа под названием *хатты*. Это, несомненно, черкесы, которых в обычных условиях осетины называли и называют *касконами/кашконами* или *касагами*. В целом это свидетельствует о том, что в древности индоиранцы, арии в целом знали и, по всей вероятности, использовали для обозначения коренного населения Северного Кавказа оба этнонима: *хатты* и *касы*.

Единый для хатто-каскайцев экзоним *кас/каска*, как следует уже из этих примеров, не исчез. В Северо-Восточной Анатолии он закрепился в форме *каска/кашка* за той группой хаттского населения, которая, не подчинившись власти хетто-лувийцев, сохранила свою самостоятельность². Основа этого названия, как отмечалось, восходит к индийскому *kas* – «сверкать, сиять», *kasih* – «солнце, свет, сияние»³ и соотносится с названием Бога луны у хаттов – *Каску*. Отсюда соответствующие коннотации слова, ставшего индоевропейским названием хаттов – «почитающий луну народ»⁴ или «сияющий, луноподобный народ».

Практически такое же название у отделившихся от хаттов или касков касситов – *каšši* иди *kas, kas-sa, kas-si*⁵ при самоназвании (эндоэтнониме) *галцу, galči*⁶, на что следует обратить особое внимание. Похоже, что перед нами композит *gal-či*, в основе которого лежит черкесское *гъэл-цIу*, первый компонент которого *гъэл* является усеченной формой слова *гъэлын* – «жечь/сжечь», «опалить/спалить», а второй компонент *цIу* означает «блеск», «блестящий». Получаем в итоге слово с внутренней формой «очищенный (обожженный пламенем), блестящий (народ)». Это означает, что термины *galči* и *Каšši* в языковом сознании касситов были семантически идентичны, даже тождественны, что предполагает наличие здесь семантического заимствования (возможно, калькирования). На это указывал, кстати, К. Яритц. Справедливо полагая, что в эндоэтнониме касситов – *galči* содержится значение, близкое, идентичное тому, что заключено в экзоэтнониме – *каšši*, он склоняется к тому, что не только название, но и самоназвание касситов семантически связано с главным божеством и первопредком касситских царей – *Каšši, Кашшу*.

Показательна в свете этих фактов и взаимозаменяемость этнических имен *хабиру* (самое крупное и воинственное касситское племя) и *кас/каси*. Еще в 1916 г. Г. Хьюзинг указывал на письменные источники, в которых касситов по одному и тому же поводу и событию называют то *хабирами* (*hapiri, habiri*), то *касами* (*kas, sa-kas, kas-sa, kas-si*)⁷.

Не исключено добавим к этому, что к имени касситского племени *хабир/хабиру/хабиру* восходит обозначение крупного племени *хебур/хебар* в Армянской географии. В свою очередь термин *хебур/хебар* является, по всей вероятности, обозначением кабаров или древних кабардинцев, позволяя предположить, они является ответвлением касситов (каспов).

Остается только сказать, что на Кавказе в форме «черкес» экзоним *кас/каска/кашка* стал и остается в настоящее время общим (индоевропейским по происхождению) обозначением адыгского населения. С *касами* или черкесами ассоциируются вполне ожидаемо и закономерно генеалогические предания о Кафкасе сыне Таргамоса, о Кавказе как горной, населенной *касами* (черкесами) стране, о горе Каспий (Казбек) и Каспийском море, о стране *Caucasi* Певтингеровой карты, *Кашак* арабского географа Масуди, *Каса* хазарского царя Иосифа, *Касахии* Константина Багрянородного и т.д.

Вспомним в этой связи и библейские сказания о Гомере (сыне Яфета), соединившие в одно целое народы Малой Азии и Кавказа. Они являются в каком-то смысле отражением былой общности языков и культур в этом

пространстве, включая сюда язык и культуру киммерийцев. На рубеже II–I тыс. до н.э. киммерийцы стали связующим звеном между местным протомеотским (проточеркесским) населением Кавказа и Юго-Восточной Европы, что требует особого, специального рассмотрения.

2.

Существует множество гипотез происхождения киммерийцев. На наш взгляд, одной из самых убедительных остается при этом гипотеза их происхождения и развития в тесном взаимодействии с протомеотами (проточеркесами) начавшаяся в начале I тыс. до н.э. на просторах Прикубанья и Малки. Киммерийцы, согласно этой гипотезе, образовались в результате этнической интеграции с местным населением переселившихся на Северный Кавказ скотоводов и земледельцев Северного Причерноморья, носителей позднесрубной (березовской) культуры. Причиной переселения срубников на Западный Кавказ явилось, как полагают, увеличение засушливости и уменьшение продуктивности южнорусских степей⁸.

На каком-то этапе, возможно, еще до конца VII века до н.э. состоялось превращение киммерийцев в народ, сформировавшийся в результате смешения носителей локального северокавказского варианта позднесрубной культуры с проточеркесами. В настоящее время Л.И. Членова и вслед за ней В.А. Фоменко культуру позднесрубников, инкорпорированных в местное протомеотское население, выделяют под названием каменноостско-березовской и сближают ее с кобанской культурой Центрального Кавказа⁹.

Можно предположить, одним словом, что киммерийцы это группа протомеотских племен, носителей каменноостско-березовского локального варианта кобанской культуры. Так же как некоторые другие меото-иранские племена (сираки, аорсы, аспургианы и др.) в течении первых веков первого тысячелетия н.э., они постепенно смешались с более многочисленными в общей массе меото-черкесскими племенами Западного Кавказа – пессами, псаканами, синдами, торетами, керкетами, кавкасами, амазонами, санигами, зихами.

О том, что киммерийцы схожи с черкесами и, возможно, тождественны им писали А.Б. Башмаков¹⁰ и ряд других известных ученых.

Г.В. Вернадский¹¹, присоединяясь к Ростовцеву, склонялся к тому, что все же киммерийцы по происхождению это фракийцы, то есть иранцы. Но при этом остался приверженцем версии инкорпорации киммерийцев, уцелевших после 700 года до н. э. под ударами скифов, в состав местных племен, прежде всего синдов. Выясняется, – пишет он, – что под давлением сифского наступления киммерийцы разделились на две части. «Одна группа осела в Крыму и Северокавказском регионе, где они смешались с местными племенами, известными как синды. Другая группа киммерийцев отошла на запад и в конце концов была разбита скифами реке Днестр»¹².

С этого времени и, видимо, еще раньше киммерийцев воспринимали уже не как иранских пришельцев, а как коренных кавказцев (яфетидов). Не случайно ассирийцы называли киммерийцев *гимирами* (*gimir*), включая тем самым в число местных племен, ведущих свое происхождение от Яфета и его сына Гомера. Весьма показательна и дальнейшая история киммерийцев (точнее их потомков), которая продолжается и в настоящее время. По всей вероятности, в период античности и раннего средневековья потомки киммеро-меотских племен вошли в состав Черкесии под названием *кэмгуий* – кемгуй (Л.Я. Любе) или темиргойцев. Затем князь Болеток разделил владения кемгуев на три удела: собственно Темиргой,

Хатукай и Хегак¹³. Так и сейчас называют три исторически самых древних и значительных подразделений черкесского народа.

В период средневековья вместе с Кабардой, объединившей меотские или касские племена Центрального Предкавказья, эти уделы или княжества вошли в состав Черкесии, которая стала преемницей Кафкасии или Страны *Caucasi* Певтингеровой карты (III век), *Каскунов* и *Кашаков* грузинских летописей, Страны *Каса* царя Иосифа, *Касахии* византийского императора Константина Багрянородного, *Касогы* древнерусских летописей и др. Считая эту преемственность вполне естественной и очевидной для Северного Кавказа, Ф. Брун подчеркивал, что в черкесах «нельзя не узнать потомков обитателей Касахии императора Константина, Кешехов арабских писателей и касогов Нестора»¹⁴.

Еще Е.И. Крупнов подчеркивал в данной связи, что единство языка и культуры основного ядра носителей майкопской культуры не прерывалось на Кавказе никогда. Даже в эпоху средневековья, когда самобытное развитие адыгских обществ «протекало в условиях частичного включения в местную среду инородных для Кавказа этнических элементов – ираноязычных»¹⁵. Значимость такой постановки вопроса как исходной трудно переоценить. Во-первых, она согласуется с положениями антропологов о формировании понтийского типа на Западном и Центральном Кавказе во взаимодействии с индоевропейцами и группами племен Малой и Передней Азии. Во-вторых, становятся более понятными и очевидными главные причины и условия формирования сходных черт в облике, в языке, в материальной и духовной культуре жителей Передней Азии, Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы.

По мнению В.В. Бунака, понтийский антропологический тип сформировался в процессе воздействия на местное, в том числе на проточеркесское, население племен Малой Азии. Предполагается, что они распространились в эпоху неолита вдоль восточного побережья Черного моря¹⁶. В.П. Алексеев, в свою очередь, полагает, что понтийский антропологический тип мог сформироваться здесь еще в донеолитический период¹⁷.

Новые данные об анатолийских и северокавказских связях позволяют считать, что в основном это были контакты близких или родственных по языку и культуре групп населения. Подвергшись с другой стороны влиянию индоевропейских племен, физический тип древних жителей Западного и Северного Кавказа сложился в основном во II тыс. до н.э. К настоящему времени соотносимая с понтийским типом индосредиземноморской расы «черкесская краниологическая серия» эпохи бронзы обнаружена на обширной территории, охватывающей пространство между Прикубаньем и Тереком. М.Г. Абдушелишвили называет его местным «адыгским типом», включая сюда современных кабардинцев, адыгейцев, черкесов, абазин¹⁸.

В то же время В.П. Алексеев, сравнивая особенности антропологического типа восточных адыгов с соответствующими месту их обитания палеоантропологическими материалами, приходит к выводу о том, что «преемственность современных кабардинцев и бесленейцев с древними жителями Центрального Предкавказья восходит по меньшей мере к эпохе поздней бронзы – началу I тысячелетия до нашей эры»¹⁹. Тем самым лишний раз подтверждается, что жители Центрального Предкавказья и Прикубанья уже в эпоху бронзы были объединены в одну культурно-языковую и территориальную общность. По всей вероятности она сохранялась без особых изменений в течение нескольких тысячелетий, до периода Нового времени, что существенно дополняет и корректирует недостаточно

аргументированную гипотезу переселения черкесов на восток в районы Пятигорья и Нижнего Терека в XIII–XIV вв. н.э.

3.

О преемственности этнокультурных связей и этнического развития адыгов на Северном Кавказе свидетельствуют и данные археологических культур. В эпоху медно-каменного (энеолит) и затем бронзового веков в этом качестве выступают дарквети-мешоковская, майкопская, дольменная культуры, занимающая промежуточное положение между ними ново-свободненская культура, наконец, в начале железного века – культура, получившая название кобанской. В целом это взаимно дополняющие друг друга культуры. Связанные причудливым образом материально, а также последовательно во времени, представленные практически в одном и том же ареале Кавказа, основные черты этих культур позволяют лучше понять каким образом, когда и на каком пространстве формировалась общность языка и культуры протоабхазо-черкесских племен.

Традиция такой трактовки этнической истории черкесов началась, с Е.И. Крупнова, его учеников и последователей. Показано, в особенности в монографии Е.И. Крупнова «Древняя история Кабарды», что по всем данным создателями и носителями майкопской культуры являются родственные адыгские родо-племенные группы. Единство языка и культуры этих групп, по мнению Е.И. Крупнова, не прерывалась никогда, даже в эпоху средневековья, когда самобытное развитие адыгских обществ «протекало в условиях частичного включения в местную среду инородных для Кавказа этнических элементов – ираноязычных»²⁰.

О том же пишет Р.М. Мунчаев. В майкопском населении он видит с одной стороны местный этнический массив, говоривший на западнокавказских (абхазо-адыгских) языках, а с другой тесно с ним связанные группы малоазийцев, возможно, хаттского племени кашков, живших в это время на северо-востоке Понта²¹.

Скептически отзываясь о новейших гипотезах этноязыковой принадлежности майкопцев, Р.М. Мунчаев пишет: «...получается, что в эпоху ранней бронзы на Северном Кавказе обитали и тюрки, и семиты, и индоевропейцы, т.е. представители всех крупных языковых семей, кроме кавказской. Действительно, где же жили в это время коренные народы Северного Кавказа, в частности абхазо-адыгские племена? Или они тогда вообще не существовали? В таком случае, когда они появились на Кавказе и откуда?»²². К сожалению, современные исследователи истории Кавказа предпочитают чаще всего либо старательно обходить эти вопросы. Либо отвечать уклончиво в том смысле, что, судя по всему, черкесы когда-то жили и перемещались на Кавказе, но когда, где, в каком количестве, под какими именами уже не имеет значения, так как в настоящее время этот народ практически уже не существует. Тем самым, проблема из сугубо исследовательской переносится в иную, далекую от науки плоскость.

Между тем в связи с ареалом распространения майкопской, дольменной и кобанской культур о прочной связи с ней абхазо-адыгских племен высказывались помимо Е.П. Крупнова, Л.И. Лавров, Л.Н. Соловьев, В.И. Марковин, Я.А.Федоров, А.Ю. Скаков и другие известные кавказоведы. По словам В.И. Марковина «с конца III – начала II тыс. до н.э. и позже, несмотря на ощутимое влияние скифской культуры, сарматское воздействие и даже греческое внедрение на территорию Западного Кавказа, можно говорить о местном (абхазо-адыгском – Б.Б.) населении как об общем монолите»²³.

Согласно последним данным майкопская культура охватывает значительную часть Восточного Причерноморья и Северного Кавказа в пространстве от Туапсе и Таманского полуострова до Дагестана. Хронологически ее определяют в пределах конца IV – третьей четверти III тысячелетия до н.э.²⁴. В представлении С.Н. Кореневского она охватывает период с 3900 по 2800 гг. до н.э.²⁵. Дольменная культура или культура испунов²⁶ возникла на Западном и Северо-Западном Кавказе позже чем майкопская культура, но длительное время развивалась синхронно и в тесном взаимодействии с ней. Например, В.А. Трифонов считает, что бытование культуры дольменов охватывает период от 3200 до 1800 гг. до н.э.²⁷ (по прежним данным В.А. Марковина – от 2700 до 1400 гг. до н.э.²⁸).

Культура новосвободненского или майкопско-новосвободненского типа представлена большой группой памятников Среднего Закубанья в верховьях реки Фарс (левый приток Большой Лабь), а также в Центральном и Восточном Предкавказье, всего около ста поселений и погребений, включая Долинское поселение близ Нальчика. Эта культура соединяет в себе черты «майкопского» и «дольменного» стилей. А.А. Йессен относил ее к периоду среднебронзового века – 2300–2000 гг. до н.э.²⁹.

По уточненным современным данным радиоуглеродного анализа, которые приводит А.Д. Резепкин, большинство новосвободненских памятников относится к IV тыс. до н.э.; некоторые из них можно датировать даже второй половиной V тыс. до н.э. Все они привнесены на Северный Кавказ, по его мнению, носителями мегалитических культур Западной и Центральной Европы³⁰.

Предполагается, таким образом, что новосвободненская культура развивалась и бытовала практически синхронно с домайкопской и майкопской культурой, а в некотором отношении была даже старше самых известных памятников майкопа.

В любом случае невозможно отрицать, что названные культуры своеобразно дополняли друг друга и состояние такой, можно сказать, дополнительной дистрибуции, в равной степени характеризует специфику каждой из них. Но при этом «майкопский стиль» формировался (особенно в части погребального инвентаря) по преимуществу во взаимодействии с народами Передней Азии. В то же время дольменная культура и культура новосвободненского типа сложилась, главным образом, под влиянием народов Европы, у которых, особенно на Пиренеях и на ближайших к ним островах, практика захоронения в дольменах широко и разнообразно представлена со времен неолита. Вслед за этим во Франции и в других областях Западной и Центральной Европы развивается культура воронковидных кубков с практикой захоронения в галерейных гробницах (дольменах) под курганной насыпью³¹.

А.Д. Резепкин и некоторые другие исследователи, как сказано выше, считают, что носители этой культуры, поселившиеся на Средней Кубани в конце V – начале IV тыс. до н.э. дали толчок для развития новосвободненской культуры. Соглашаясь с этим в принципе, следует отметить, что сама по себе традиция захоронений в мегалитических гробницах дольменного типа (в том числе и подкурганных) распространена по всей Евразии и не связана жестко с языком и этнической принадлежностью местного населения.

Очевидная и непрерывная связь западно-европейских мегалитических культур, как полагают, восходит к традициям, которые можно объяснить распространением мегалитических сооружений (менгиров, кромлехов и дольменов) из одного центра, находящегося в Лос-Мильяре, в провинции Альмерия (Испания)³². Не исключено при этом, что распространение дольменов

шло сначала от островов Средиземного моря на Пиренейский полуостров. Так, мегалитическая культура Бону-Игину на острове Сардиния, представленная также и дольменами, охватывает период с 4600 до 3300 г. до н.э.; причем в орбите этой культуры находятся, как полагают, аналогичные мегалитические памятники Корсики³³ и далее во Францию, Англию, в Центральную и Западную Европу, на Западный Кавказ.

По всей вероятности, на Северном Кавказе, инициированная индоевропейцами практика захоронения в подкурганых гробницах дольменного типа оказалась под сильным влиянием майкопской культуры. Об этом красноречиво свидетельствует богатый вещевой материал и инвентарь новосвободненских поселений и погребений – практически целиком майкопского типа. Соответственно под заметным влиянием местного (протоабхазо-адыгского населения) оказались и сами индоевропейцы на их новой северокавказской родине.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бгажноков Б.Х. Средиземноморско-черноморская трансгрессия и процессы этнической дивергенции хатто-абхазо-адыгской общности // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2020. № 1 (44). С. 7–11.

2. Singer I. Who were the Kaška? // Phasis 10 (1). Tbilisi: Tbilisi State University, 2007. P. 166.

3. König Fr.W. Der Burgbau zu Susa. Nach dem Bauberichte des Königs Dareios I. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche, 1930. S. 62. 74+XVI s.

4. Гиоргадзе Г.Г. К вопросу о локализации и языковой структуре каспских этнических и географических названий // Переднеазиатский сборник. Вып. 1. Вопросы хеттологии и хурритологии. М.: Изд. Восточной литературы, 1961. С. 209–210. С. 161–210.

5. Hüsing G. Die einheimischen Quellen zur Geschichte Elams. 1. Teil. Altelamische Texte. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1916. S. 94. 98 s.

6. Jaritz K. Die Kassitischen Sprachreste // Anthropos. Bd. 52. Wien, 1957. S. 871.

7. Hüsing G. Die einheimischen Quellen zur Geschichte Elams. 1. Teil. Altelamische Texte. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1916. S. 94–95. 98 s.

8. Махортыч С.В., Иевлев М.М. О путях и времени формирования раннекочевнических образований на юге Европейской части СССР в позднейший предскифский период // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991; Он же: Machortych S.V., Ievlev M.M. Über die Anfangsperiode der Geschichte der Kimmerier // Asta Archaeologica Carpathica. V. XXXI, 1992.

9. Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник (На примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск, 1984; Фоменко В.А. Северо-Западный и Центральный Кавказ в древности и средневековье (вторая половина II тыс. до н.э. – середина II тыс. н.э.). Нальчик, 2015. С. 16.

10. Baschmakoff A.A. Cinquante siècles d'évolution ethnique autour de la Mer hoire. Paris: Geuthner 1937. P. 140. X + 177 p.

11. Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь: ЛЕАН, 1996. С. 241. 448 с.

12. Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь: ЛЕАН, 1996. С. 71. 448 с.

13. См. об этом: Люлье Л.Я. Черкесия. Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1927. С. 12.

14. Брун Ф. Следы древнего речного пути из Днепра в Азовское море // Черноморье. Сборник исследований по исторической географии южной России (1852–1877). Ч. I. Одесса. С. 120.

15. Крупинов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957. С. 67, 99.

16. Бунак В.В. Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении // Сб. трудов Музея антропологии и этнографии АН СССР. Т. XIV. М.–Л., 1953.

17. Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа: краниологическое исследование. М., 1974. С. 132.
18. Абдушлишвили М.Г. Антропология древних и современных народов Кавказа // Народы Кавказа. Антропология, лингвистика, хозяйство. М., 1994. С. 44.
19. Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа: краниологическое исследование. М., 1974. С. 196.
20. Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957. С. 67, 99.
21. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. С. 413.
22. Мунчаев Р.М. Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ч. 1. М., 1994. С. 165–166.
23. Марковин В.И. Курган Псынако – памятник дольменной культуры Кавказа. Нальчик, 2011. С. 52.
24. Мунчаев Р.М. Майкопская культура. С. 171.
25. Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья (Майкопско-новосвободская общность. Проблемы внутренней типологии). М., 2004. С. 64.
26. Существует цикл сюжетов черкесского нартского эпоса, в котором дольмены представлены как дома, в которых живут странные маленького роста люди под названием *испы/исп*. Широкое распространение имеет вследствие этого местное обозначение дольменов: *испун/испыун* – «дома испов». Его используют часто археологи (В.А. Марковин, Н.Г. Ловпаче и др.), что позволяет, следуя сложившейся традиции, называть дольменную культуру Кавказа *культурой испунов*.
27. Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита-средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001. С. 79.
28. Марковин В.И. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М., 1997. С. 398.
29. Иессен А.А. Майкопская культура и ее датировка // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. М., 1962. С. 19–22.
30. Резеткин А.Д. Новосвободненская культура (На основе материалов могильника Клады). Труды ИИМК РАН. Т. XXXVII. СПб., 2012. С. 80–86.
31. Daniel G. The prehistoric chamber tombs of France. A geographical, morphological and chronological survey. London, 1960; Bar H. Les pierres sacres, dolmens et menhirs uest france. Paris, 1979.
32. Элиаде М. История веры и религиозных идей. От каменного века до элевсинских мистерий. М., 2009. С. 145.
33. Lewthwalte J. The neolithic of Corsica // Ancient France 6000–2000 bc. Edinburgh, 1986. P. 164–165.

В.КН. BGAZHNOKOV

THE ETHNIC DEVELOPMENT CONTINUITY OF THE PROTO-ABKHAZ-ADYGHE POPULATION

Here is raised the question about the origin and continuity of the ethnic development of the Proto-abkhaz-adygs over several eras, from the Eneolithic to the Iron Age and the period of antiquity. The issues of Eurasian relations and various influences, in the center of which were the ancient inhabitants of the Western and Northern Caucasus, are considered. The issues of ethnic attribution of a number of archaeological cultures, the formation of the physical appearance of the Circassians, and the problems of ethnonymy are also touched upon. It is emphasized that the genesis and ancient history of the Proto-Abkhaz-Adygs are firmly connected with both Eastern and Western cultural interaction and influence.

Key words: Western Caucasus, Eurasia, Anatolian Hutts, Caucasian branch of Hutts, protoeotes, Meot-Circassian tribes, Cimmerians.

Б.Х. Бгажноков
(г. Нальчик)

К ВОПРОСУ О ДИФФУЗИЯХ И МИГРАЦИЯХ В РАННЕЙ ИСТОРИИ ЧЕРКЕСОВ

Ставятся вопросы формирования физического (понтийского) типа черкесов, а также основных черт и особенностей древней культуры и культурной динамики народа. Подчеркивается, что эти процессы были связаны и обусловлены различными по содержанию и масштабам миграциями и диффузиями. Рассматривается восточный (азианический) и западный (европейский, арийский) вектор взаимодействия проточеркесов с народами Евразии. Выдвигается гипотеза, согласно которой одной из главных причин угасания майкопской культуры была миграция северокавказского населения на Ближний Восток и в Индию.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Передняя Азия, Индия, Южная Европа, индоевропейцы, протоабхазо-адыги, черкесы, всадническая культура.

1. О роли диффузий и миграций в формировании физического типа и культурных традиций черкесов

В предыдущих наших публикациях отмечалось, что кавказско-анатолийская версия раннего этногенеза абхазо-адыгских народов согласуется с данными о возникновении на Кавказе хатто-каскайской этнической общности и понтийского физического типа этой общности во взаимодействии с группами племен Передней Азии и Европы. Отмечалось также, что эти процессы были связаны с многовекторными перекрестными миграциями и диффузиями в Евразии. Становятся объяснимыми в результате главные причины и условия формирования сходных черт не только во внешнем облике, но и в языке, в материальной и духовной культуре жителей Передней Азии, Северного Кавказа, Южной Европы.

Что касается внешнего облика, то понтийский антропологический тип северокавказцев (проточеркесов) сформировался, согласно выводам В.В. Бунака, в неолите в результате воздействия на местное население племен Малой Азии, распространявшихся вдоль восточного побережья Черного моря, проникая еще дальше вглубь Северного Кавказа¹.

С.Н. Корневский рассматривает дополнительно и другие, наиболее «доказуемые археологическими материалами» пути, которыми жители Передней Азии направлялись в Предкавказье. Это перевалы Центрального Кавказа и верховьев Кубани, а на восточном фланге Большого Кавказа Кодорский перевал².

По-видимому, в III–II тыс. до н.э. физический тип кавказской ветви хатто-каскайцев сложился в своих основных чертах. К числу этих черт относится большая длина тела, малая ширина лба, узкое, высокое и средневысокое лицо, малая длина и большая ширина носа, толстые губы. Отмечается также слабое и умеренное развитие волос на груди и на лице, прямые волосы, светлые глаза, малая ширина глазной щели, прямой лоб, резко выступающий подбородок и др. В Восточной Черкесии эти черты соединяются с некоторыми чертами кавкасионской разновидности переднеазиатского типа. А именно: широкое и умеренно высокое лицо, толстые губы, большее развитие

волос на груди и лице, карие глаза, широкий разрез глазной щели, умеренный наклон лба, опущенный иногда с горбинкой кончик носа и др.

Одновременно с этим происходило взаимовлияние и сближение северокавказцев с населением Передней Азии и Европы по некоторым характерным чертам культуры.

Что касается южных, переднеазиатских культурных влияний, то хорошо известно и отмечено воздействие на Северный Кавказ древнейших цивилизаций Месопотамии: Халафа, Гавра, Эль Убейда (Шумера). Выясняется, что еще до становления майкопской культуры переднеазиатские племена принесли с собой традиции изготовления круговой керамики. По пути на Северный Кавказ эти традиции фиксируются в памятниках докуро-аракского периода Южного Кавказа: Лейла-тепе в Азербайджане, Берикдееби в Грузии, Техут в Армении и др. В этой же плоскости рассматривается обилие бирюзы и лазурита в курганных могильниках Северного Кавказа. По мнению М. Ивановой, Северо-Западный Иран и юг Центральной Азии, где в большом количестве добывались эти минералы, были в гораздо большей степени связаны с Северным Кавказом, чем даже Месопотамия, откуда осуществлялась, как полагают, так называемая Урукская культурная экспансия³.

Высказывается также мысль о том, что в раннем бронзовом веке в окрестностях озера Урмия сформировалась ирано-кавказская контактная зона, население которой в своем движении на север привело к возникновению майкопской культуры. В свою очередь майкоп ознаменовался появлением целого ряда культурных новаций, достигших Восточной Европы⁴.

Еще раньше свой взгляд на специфику майкопско-переднеазиатских связей был предложен В.А. Трифоновым и А.Д. Резепкиным, но, правда, с акцентом на прямо противоположном направлении культурных влияний, новаций и миграций – с Северного Кавказа через Азербайджан в регионы северо-западного Ирана. В частности, как памятники майкопского типа, возникшие в условиях «единой культурной среды» или «культурного единства Северного Кавказа и Передней Азии» рассматривает В.А. Трифонов десятки курганных захоронений, относящихся к эпохе ранней и средней бронзы (3700–3200 до н.э.). Это памятники в Си Гирдан, Лейлан и Брак на северо-западе Ирана и в Арслан-тепе на востоке Турции⁵.

В 1968–1969 гг. в местности Си Гирдан в 30 км от озера Урмия О. Мускарэлла раскопал шесть курганов⁶, которые, как выяснилось позже, были майкопскими во всех отношениях – по масштабу и конструкции насыпей, погребальному обряду, составу и типам инвентаря. Повторяется величина и конфигурация курганов, форма и пропорции каменных гробниц с галечной (булыжной) вымосткой. Положение покойников также точно, как у майкопцев – на правом боку в позе адорации, под густым слоем охры. Обнаружен фрагмент серебряного сосуда, напоминающий знаменитые серебряные кубки из майкопского кургана Ошад, а также в большом количестве, выполненная в майкопском стиле лощенная круглодонная керамическая посуда со следами применения медленного гончарного круга⁷.

Поразительное сходство с майкопскими демонстрируют бронзовые топоры и тесла Си Гирдана, ничем практически не отличаясь от тех, что найдены на Северном Кавказе: в Лечинкае (Кабардино-Балкария), в кургане Ошад (Адыгея)⁸ и др. Обращают внимание и на другие совпадения. На очертания пары собачек, отлитых из бронзы и серебра, из новосвободненских гробниц и на изображения собачек на месопотамских, сузанских и иранских печатях, на сходство известных фигурок в позе адорации на крюке с изображениями на месопотамских рельефах и печатях и др.⁹

В.А. Трифонов считает «преждевременным и едва ли правомерным» говорить в данной связи о перемещении каких-либо групп северокавказского – «майкопского» населения Кавказа в приурмийскую область и в противоположном направлении¹⁰. А.Д. Резепкин, в отличие от этого, рассматривает эти факты как прямое свидетельство миграции северокавказцев, носителей майкопской культуры на Восток. Характер курганных насыпей и погребального обряда в местности Си Гирдан пишет он позволяет считать, что эти памятники «были оставлены носителями позднего этапа майкопской культуры, продвинувшимися с земель Северного Кавказа через территорию Азербайджана в область Переднего Востока»¹¹. Этим же путем распространялись элементы майкопской культуры еще дальше в сирийско-анатолийские районы.

Установившийся таким образом канал культурного взаимодействия и обмена между Кавказом и Передней Азией оказал заметное влияние на историю хатто-каскайских племен, на сложные процессы этнической сепарации, парциации, консолидации внутри кавказско-анатолийского населения. В частности, касситский народ сформировался, насколько мы понимаем, в результате отделения (сепарации) части анатолийских хаттов (хатто-каскайцев) в процессе их взаимодействия и консолидации, как с народами Месопотамии, так и с хатто-каскайцами Кавказа.

В этом контексте следует рассматривать и пышный погребальный обряд тринадцати «Царских гробниц» Аладжа-Хююка на территории современной Турции. Они датируются первой половиной III тыс. до н.э. и являются, несомненно, памятниками культуры анатолийских хаттов. Останки лежали в могилах на правом боку, в характерной для майкопа позе адорации головой на юг. Рядом с покойниками располагалось множество металлических, в том числе золотых изделий, напоминающих находки из майкопского кургана Ошад. В их числе сосуды, ювелирные изделия, оружие. Большую известность получили солнечные диски, напоминающие найденный в кургане Ошад скипетр из пучка золотых и серебряных стрел с насаженными на них бычками. С некоторой долей сомнения можно сказать и о майкопском происхождении металлических изделий Чатал-Хююка, напоминающих цилиндрические печати. Очень похожие на изготовленные из камня майкопско-северокавказские образцы¹², они в меньшей степени напоминают месопотамские.

Что же касается «Царских гробниц» Аладжа-Хююка, то весь этот культурный комплекс был привнесен с Северного Кавказа из центров развития майкопской археологической культуры¹³. Однако в данном случае майкопское культурное воздействие осуществлялось, видимо, не прямо через Западный Кавказ, а через установившийся канал связи с ирано-северокавказской контактной зоной.

Мы убеждаемся, таким образом, что одним из важнейших был для проточеркесов восточный (азианический) вектор взаимодействия с народами Евразии. Но нам предстоит рассмотреть еще и европейский (арийский) вектор диффузий и миграций, оказавший на северокавказцев столь же заметное влияние.

2. Взаимодействие кавказско-анатолийских племен с праиндоевропейским населением Европы

В период энеолита особенно тесно были связаны хатто-каскайцы с племенами трипольской культуры в областях Северного и Западного Причерноморья, включая культуру Кукутени в Восточной Румынии. Известны

также связи майкопско-анатолийских племен с Юго-Восточной Европой в целом, с индоевропейским населением Понтийско-Прикаспийских областей, включая Приманьчье, степи Калмыкии, Приазовье, Поднепровье. В погребениях этих областей находят обычные для майкопской культуры захоронения человека, лежащего скорченным на правом боку с руками у лица (поза зародыша или адорации). Встечаются изготовленные на необычайно высоком для того времени уровне керамические, металлические (в том числе ювелирные) изделия майкопского производства.

В связи с распространением майкопской культуры в Юго-Восточной Европе широкое признание получила концепция «степного майкопа». В рамках этой концепции отмечаются и рассматриваются обратные, степные влияния на развитие Северного Кавказа¹⁴, особенно в той части, которая касается распространения здесь курганных могильников. По мнению В.А. Трифонова, в целом распространение элементов майкопской культуры в Юго-Восточной Европе, особенно между Нижним Днестром и Бугом «можно рассматривать как результат инфильтрации связанного с ней населения»¹⁵, то есть населения, которое можно рассматривать как кавказско-анатолийское или хатто-каскайское.

В зоне активного культурного взаимодействия с майкопцами находилось, как полагает С. Хансен, население всей Западной Европы вплоть до Атлантики¹⁶. С культурой воронковидных кубков в этих областях сближает майкоп традиция курганных захоронений, характер мегалитических сооружений, форма и способы изготовления отдельных изделий из керамики. В наибольшей степени совокупность всех подобных признаков присуща Новосвободненским и Нальчикским памятникам неолитического периода. И это побуждает некоторых исследователей (А.Д. Резепкин и др.) признать участие индоевропейцев (до их распада и разобщения) в формировании новосвободненского этапа и варианта майкопской культуры, а в дальнейшем и в развитии необычайно выразительной дольменной культуры.

Все это согласуется в целом с концепцией экспансии индоевропейских племен¹⁷, их тесного взаимодействия с создателями майкопской культуры, а в дальнейшем и с их потомками, носителями дольменной, северокавказской, кобанской культур.

В течение длительного времени Кавказ оставался «страной», с которой индоевропейцы щедро делились своими культурными находками и достижениями, получая взамен не менее щедрые дары и уроки восточной цивилизации. Можно вспомнить в данной связи множество базовых лексических единиц общих как для черкесов, так и для различных групп индоевропейского населения. В их числе такие слова и понятия, как *уэркъ* – «сословие профессиональных воинов-всадников», *махъсымэ* (ср. *сома*) – национальный хмельной напиток, *быгу* – название быка-производителя у шапсугов, *ажэ* – «козел», *шы* – «лошадь», *нысэ* – «сноха, невестка», *уэщ* – «топор». Общее число таких слов достигает десятков, даже сотен единиц.

Во взаимодействии с индоевропейцами северокавказцы приручили лошадь, о чем свидетельствуют древнейшие находки домашней лошади в Северном Причерноморье и в ареале от Дона до Заволжья¹⁸. Отсюда черкесское, по всей вероятности, происхождение названия лошади¹⁹ и культ коня почти у всех северокавказских и европейских народов.

О том, что одомашнивание лошади и верховая езда на лошади (в том числе с использованием тяжело нагруженных повозок) – это новшество, которое впервые было введено в IV тысячелетии до н.э. пастушеским населением понтийско-каспийской зоны, пишет также D.W. Энтони²⁰.

В индоиранско-северокавказской контактной зоне сформировалась, видимо, всадническая культура, которую в III–II тыс. до н.э. племена Юго-Восточной Европы и Северного Кавказа принесли (в ходе миграции) в Переднюю Азию и Индию. В их числе были «коневожденные подвижные и активные племена белозерской культуры», господствовавшие в южно-русских степях и на Северном Кавказе²¹.

С движением северокавказцев в Восточное Закавказье и в Переднюю Азию связывают обычно близость археологических комплексов (прежде всего металлических изделий – луристанская и кобанская бронза) северо-западных областей Ирана и Северного Кавказа²². Мотивы всадника и коня в этих комплексах занимают центральное место.

Известно также, что у черкесов всадническая культура была доведена до совершенства и сохранялась вплоть до 50–60-х годов XX столетия, а черкесская конница была признана лучшей в мире. Как важнейший социальный институт предстает традиционная всадническая культура черкесов. В нашем понимании это разветвленная ценностно-нормативная система использования лошадей и верховой езды, включавшая в себя множество взаимосвязанных компонентов. В их числе:

- методика вскармливания будущих скакунов и традиции выращивания особых пород, приспособленных к условиям местности и повседневного, прежде всего, военного быта,

- забота о сохранении чистоты этих пород,

- выездка и тренировка скакунов, приближенная к условиям боевых действий,

- высокое искусство изготовления седла, боевого всаднического пояса с подвесками (пластинами) впереди и по бокам, великолепной конской сбруи с украшениями в виде бляшек,

- культ коня, его посвящение и захоронение вместе с умершим или погибшим всадником и т.д.

- торжественные и многолюдные (до многих сотен и тысяч участников) поминки по умершему (погибшему) наезднику с множеством повторяющихся ситуации битвы состязаний, устраиваемых, прибывшими на поминки в большом количестве всадниками.

Жесткие требования предъявлялись к самому наезднику, а именно: к манере держаться в седле, к освоению всех видов и приемов верховой езды и управления боевым конем; отработке специфических приемов, позволяющих одержать верх над противником²³. Среди них:

- взятие штурмом дома (крепости) – *унэщIыхьэ*,

- выбивание противника из седла направленным ударом груди своего боевого коня в грудь коня противника – *шыбгъауэ*,

- сражение конных и пеших – *шурэльэс*,

- борьба двух групп всадников за обладание бараньей шкурой – *фэзэбэн*,

- стрельба в цель на полном скаку лошади – *псэгъауэ*.

Вплоть до середины XX столетия эти и многие другие упражнения и приемы, необходимые для эффективных боев с противником, черкесские наездники постоянно отработывали в походах, на всех крупных празднествах и торжествах.

Касаясь боевых искусств черкесского всадничества невозможно обойти вниманием тактический прием, известный под названием *шукIапсэрышэ* – букв. «ведение за собой веревки всадников». Согласно этой тактике во время сражения всадники имитировали побег с поля боя и увлекали за собой разгоряченных, предвкушавших легкую победу противников. Через некоторое время, выбрав удобный момент, черкесы мгновенно с особым

изыществом (не поднимая коня на дыбы) разворачивались на 180 градусов лицом к преследователям и сами с победным криком бросались на них с пашкой наголо. Застигнутый врасплох и обескураженный таким поворотом битвы противник обычно терпел поражение. Резкий и неожиданный разворот на 180 градусов был главной составной частью *шуклапсэрышэ*. Под названием *шу дэжI* – «проход всадников» он отрабатывался и демонстрировался на всех публичных зрелищах.

Остается сказать, что происхождение описанной тактики приписывают обычно парфянам. Одной из самых главных называют ее также в военном искусстве скифов. В то же время, вне всякого сомнения, этот прием был заимствован у черкесов и никто не исполнял его с таким блеском как черкесы.

Особого внимания заслуживает и разветвленный, единственный в своем роде всаднический этикет черкесов. Выдержанный в духе рыцарского отношения к женщинам и старшим по возрасту мужчинам он был хорошо, во всех деталях разработан как система наполненных нравственным содержанием правил поведения всадников в обществе, во всех типовых социальных, жизненных ситуациях. Например, желая вступить в разговор с женщиной или старшим по возрасту или рангу мужчиной, всадник обязан был сначала спешиться (как минимум, – привстать на стремянах). Встретив женщин (женщину), всадник также должен был спешиться – обычно за 30–40 метров до приближения к ним (к ней) и стоять, (держа коня под уздцы) лицом к удаляющимся женщинам еще 30–40 метров. Лишь после этого он мог сесть на коня и, развернувшись направо, продолжить путь.

При встрече в пути двух всадников младший из них обязан был предложить старшему свои услуги оруженосца. Для этого он пристраивался слева от старшего и следовал за ним, оставив все свои дела, до тех пор, пока тот его не отпустит поблагодарив в самых изысканных выражениях. Этот обычай, известный под именем *шудэгъазэ*, практиковался до самого последнего времени.

Большое место занимали в системе всаднической культуры взаимное соответствие смелости, стойкости и воинской выучки всадника и коня, их крепкая и трогательная дружба. Ей посвящались исторические рассказы, легенды, героические песни, а имена знаменитых боевых коней были известны не менее чем имена храбрых наездников. В многочисленных песнях и преданиях черкесов воспет *Жаманшэрык* – верный конь и «сподвижник» Андемыркана, самого известного рыцаря Кабарды, жившего в первой половине XVI века. Рассказывают, что многочисленные враги и завистники Андемыркана сумели одолеть его, только заманив на охоту без его верного коня, которого предусмотрительно крепко заперли. Андемыркан умер стоя, опершись на меч с именем *Жаманшэрыка* на устах²⁴.

Похоже, таким образом, что не случайно обозначение коня в черкесском языке совпадает с обозначением брата – *шы*. С другой стороны это может свидетельствовать (в силу этимологической мотивированности данного слова, отсутствующей в индоевропейских языках) также и о том, что некоторые арийские и индоарийские названия коня и терминов, связанных с конем были заимствованы из языка протоабхазо-адыгов. Так, на почве абхазо-адыгского языка сформировался индоарийский термин *асва-sani* «конюх», «приобретающий коней», который повторяет название покровителя (бога) коней и коневодства у черкесов и абхазов – *Шышанэ / Ашашанэ*²⁵. Отметим также, что известен составленный, находившимся на службе у хеттов миттанийцем Киккули коневодческий трактат, в котором сам Киккули именуется почтительно *aššušani*.

3. Миграции проточеркесов на Ближний Восток и Индию и угасание майкопской культуры

Одной из сложных проблем или загадок остается причины угасания или «внезапного исчезновения» (А. Касьян) майкопской культуры в конце IV тыс. до н.э. По нашему мнению, свою, возможно решающую, роль в этом сыграли миграции проточеркесов на Ближний Восток и в Индию. При этом следует согласиться с самого начала с О.М. Джапаридзе, который исчезновение майкопской культуры связывал с экспансией индоевропейских племен, считая, что усиление северных влияний содействовало становлению северокавказской культуры на основе майкопской культуры²⁶.

Но дело не только в этом, но и в оттоке северокавказского населения в Переднюю Азию и Индию. Есть основания предполагать, что на рубеже III тыс. до н.э. после активного взаимодействия с северокавказцами индоевропейцы ушли двумя волнами на Восток, увлекая за собой значительную часть наиболее активного и подвижного местного в основном проточеркесского населения. Такая постановка вопроса перекликается, кстати, и с идеями Пауля Кречмера об исторической связи жителей Прикубанья с Индией²⁷.

О валидности изложенной гипотезы свидетельствуют, кроме всего прочего, многочисленные предания черкесов об их миграции на Восток, в том числе и в Индию, сопровождающиеся иногда сообщениями о возвращении на Родину новых людей, обогащенных опытом странствий и новыми знаниями. С миграциями в Индию и обратно, возможно, связаны некоторые имена, сохранявшиеся и сохраняющиеся в настоящее время. Например.: *Индар*, *Индарокъуэ* – личные имена и фамилии, *Индыл* – название Волги, *Индыш* – название притока Кубани в ее верхнем течении, свидетельствующее, похоже, о том, что и сама Кубань, когда-то именовалась Индом. Наконец, прочно связано с Индией этническое имя *синды*, производная от этого имени фамилия *Сантыкъ/Сантыкъуэ*.

Таким образом, датируемая концом IV – началом III тыс. до н.э., первая волна широкомасштабной индоевропейской миграции, стала, возможно, одной из главных причин загадочного исчезновения майкопской культуры.

Однако и задолго до арийской или арийско-северокавказской экспансии на Восток сформировалось, как сказано выше, культурное сотрудничество и даже «культурное единство Северного Кавказа и Передней Азии» (В.А. Трифонов). Вполне возможно, что оно сопровождалось перемещением больших масс переднеазиатского населения на Северный Кавказ и с другой стороны миграцией северокавказцев, носителей домайкопской и майкопской культур в Иран и на Ближний Восток в целом. Не вдаюсь при этом в изложенные ранее подробности этих перемещений. Замечу только еще раз, что по данным археологов майкопцы оставили в Передней Азии заметные следы в виде множества привнесенных на новое место погребальных памятников, средств и способов производства, характерных обычаев, обрядов, вещей.

Что же касается второй волны миграции индоевропейцев на Восток, то она приходится на II тыс. до н.э., когда часть арийско-северокавказских масс (включая хеттов) оседает на Ближнем Востоке, а другая часть проходит в Индию. Существует мнение, что при этом одна, меньшая из ветвей индоиранцев продвинулась в Западный Иран и вступила в тесный контакт с касситами, затем с хурритами. Другая, гораздо большая ветвь, вторглась в Индию и навязала местному населению свой язык, ставший затем

известным под названием санскрит²⁸. Уменьшение удельного веса местного проточеркесского населения Северного Кавказа ознаменовалось тем временем формированием северокавказской культуры, усилением позиций мигрировавших сюда степных племен, носителей катакомбной и срубной культур. Весьма показательно при этом, что в основе термина катакомба лежит черкесское слово *гъуэмб* – «подземный ход».

Вслед за этим, в ходе развития кобанской культуры вновь активизируется воздействие на Центральный и Западный Кавказ народов Передней Азии и Европы. Особенно касается это касситов, достигших больших высот в изготовлении изделий из бронзы²⁹, а затем в первой половине первого тысячелетия до н.э. воинственных киммерийцев. Формируется колхидо-кобанская культура с ее локальными вариантами, включая сюда протомеотскую, каменномогильно-березовскую³⁰ и др.

Возникает на этой основе культурная общность, охватывающая значительную часть Западного и Северного Кавказа. В состав этой общности входили в основном близкие по языку и культуре абхазо-адыгские, но также и некоторые другие исконно кавказские и некавказские племена, которые также были включены в разные по масштабу и содержанию процессы миграции и диффузии. Древний Северный Кавказ был представлен, конечно, не только проточеркесскими (хатто-каскайскими), но и другими племенными группами, особенно в районах, граничащих с Северным Причерноморьем и Восточным Кавказом.

Таким образом, допуская, что дарквети-мешоковская, майкопская, дольменная и затем во многом и кобанская культуры составляют материальную основу общности древних адыгских и абхазо-адыгских племен, необходимо сделать предметом специальных комплексных исследований особое место как в культуригенезе, так и в этногенезе черкесов различных по направленности и содержанию диффузий и миграционных процессов. Однако акцент должен быть сделан во всех этих случаях все же не на актах масштабной миграции, а на культурном взаимодействии населения, в рамках которой активизировались процессы инфильтрации одних этнических групп в другие, взаимный обмен и естественное движение средств и способов материального и духовного производства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бунак В.В. Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении // Сб. трудов Музея антропологии и этнографии АН СССР. Т. XIV. М.–Л., 1953.

2. Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. (Майкопско-новосвободская общность. Проблемы внутренней типологии). М., 2004. С. 92.

3. Iwanowa M. Kaukasus und Orient: Die Entstehung des «Maikop-Phänomens» im 4.Jt. v. Chr. // Prahistorische Zeitschrift. 2012, 87 (1). S. 2.

4. *Idem.* S. 23.

5. Трифонов В.А. Некоторые вопросы Переднеазиатских связей майкопской культуры // Краткие сообщения института археологии РАН. Вып. 192. М., 1987. С. 18–26.

6. Muscarella O.-W. The Tumuli at Se Girdan // Metropolitan Museum Journal. Vol. 2. 1969; *Idem.* The Tumuli at Se Girdan: Second Report // Metropolitan Museum Journal. Vol. 4. 1971.

7. Hansen S. Gold and silver in the Maikop Culture // Metalle der Macht – Frühes Gold und Silber Metals of power – Early Gold and Silver. Halle, 2014. S. 392; Трифонов В.А. Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры. С. 20.

8. Трифонов В.А. Курганы майкопского типа в северо-западном Иране // Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина. СПб., 2000. С. 249.
9. Трифонов В.А. Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры. С. 23.
10. Трифонов В.А. Курганы майкопского типа в северо-западном Иране. С. 261–262.
11. Резепкин А.Д. Новосвободненская культура (На основе материалов могильника Клады). Труды ИИМК РАН. Т. XXXVII. СПб., 2012. С. 114.
12. Нехаев А.А. Погребение майкопской культуры из кургана у села Красногвардейское // Советская археология. 1986. № 1. С. 246–247; Бочковой В.В., Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., Резепкин А.Д. Поселение майкопской культуры «Чекон» // Археология и этнография понтийско-кавказского региона. Краснодар, 2013. С. 11.
13. Frankfort H. The Art and Architecture of the Ancient Orient. New Haven and London, 1996. P. 231–233; Acurgal E. Die Kunst der Hethiter. München, 1979. S. 20; *Idem*. Hatti uygarlilari. Ankara, 2015. P. 7–8.
14. Нечитайло А.Л. Специфика культурных групп Майкопской общности // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л., 1991. С. 14.
15. Трифонов В.А. Западные пределы распространения майкопской культуры // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 16. № 3. 2014.
16. Hansen S. Communication and exchange between the Northern Caucasus and Central Europe in the fourth millennium BC // Von Maikop bis Trialeti. Gewinnung und Verbreitung von Metallen und Obsidian in Kaukasien im 4.–2. Jt. V. Chr. Bonn, 2010. P. 297–316.
17. Mallory J.P. In Search of the Indo-Europeans // London, 1989; Gimbutas M. The Civilization of the Goddess // San-Francisco, 1991.
18. См. об этом: Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. С. 558–559.
19. Джаукян Г.Б. Взаимоотношение индоевропейских, хуррито-урартских и кавказских языков. Ереван, 1967. С. 112; Старостин С.А. Индоевропейско-севернокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988. С. 114–115.
20. Anthony D.W. The Horse, the Whul, and Language: How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. Princeton. N.Y.: Princeton University Press, 2007.
21. Алиев И. Рец.: Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970 // ВДИ. 1973. № 3.
22. Ghirshman R. Persia from the Origins to Alexander the Great. London, 1964.
23. Бгажноков Б.Х. Черкесское игрище. Нальчик, 1991; Бгъэжьнокъуэ Б. Шэркэс (адыгэ) шуджэгу лэужьыгъуэхэр (Конь и всадник в культуре адыгов) // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2014. № 4 (23). С. 7–21.
24. Адыгэ Гуэрыуатэхэр 2-нэ том. (Адыгский фольклор. Т.2). Нальчик, 1989. С. 285–286.
25. Лавров Л.И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2009. С. 211; Джанашия Н.С. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми, 1960. С. 31.
26. Джанаридзе О.М. К этнической истории грузинских племен. По данным археологии. Тбилиси, 1976. С. 331.
27. Kretschmer Paul. Inder am Kuban // Anzeig der Akademie der Wissenschaft in Wien. Philosophische historische Klasse. 80. Jahrgang, 1943. Brunnen, München, Wien, 1944. S. 35–42.
28. Cameron G. History of Early Iran. Chicago, Illinois: The University of Chicago Press, 1936. P. 136.
29. Ghirshman R. Persia from the Origins to Alexander the Great. London: 1964.
30. Анфимов Н.В. Сложение меотской культуры и ее связи со степными культурами Северного Причерноморья // Проблемы скифской археологии. М., 1971; Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник (На примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск, 1984.

B.KH. BGAZHNOKOV**ON THE QUESTION OF DIFFUSIONS AND MIGRATIONS
IN THE EARLY HISTORY OF THE CIRCASSIANS**

The questions of the formation of the physical (Pontic) type of the Circassians, as well as the main features and characteristics of the ancient culture and cultural dynamics of the people are raised. It is emphasized that these processes were connected and caused by migrations and diffusions, different in content and scale. The article considers the eastern (Asian) and western (European, Aryan) vectors of interaction between the Protocherkes and the peoples of Eurasia. It is hypothesized that one of the main reasons for the extinction of the Maikop culture was the migration of the North Caucasian population to the Middle East and India.

Key words: North Caucasus, Western Asia, India, Southern Europe, Indo-Europeans, proto-Abkhaz-Adygs, Circassians, equestrian culture.

Бакушев М.А.
(г. Ростов-на-Дону)

ПОСЕЛЕНИЕ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ У СТАНИЦЫ ЗМЕЙСКОЙ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

Единственное поселение северокавказской культурно-исторической общности в Северной Осетии, расположено у станицы Змейской. В сезоне 2014 года в ходе охранно-спасательных раскопок Змейского катакомбного могильника были выявлены фрагменты керамики, происходящие из разрушенного слоя поселения, а также три хозяйственные ямы, периода средней бронзы. В статье дается культурно-хронологический анализ найденной керамики, а также находок из хозяйственных ям. С помощью остеологического анализа предварительно определяется состав стада, а также на основании находок из хозяйственных ям делается вывод о существовании развитого металлургического производства на поселении. В конце статьи делается вывод о перспективности дальнейшего изучения памятника с целью получения новых данных о поселенческой культуре северокавказской культурно-исторической общности.

Ключевые слова: Северная Осетия-Алания, поселение, северокавказская культурно-историческая общность, охранно-спасательные раскопки, древняя металлургия, типология керамики, хозяйство древнего населения, древнее животноводство.

Поселение северокавказской культурно-исторической общности, расположенное у станицы Змейской в Кировском районе Северной Осетии-Алании (рис. 1) было обнаружено Д.В. Деопиком и Е.И. Крупновым в 1957 году при раскопках поселения кобанского времени, расположенного на этой же территории¹. Культурный слой среднебронзового времени был обнаружен лишь у подножия холма, на котором велись исследования и в северной части раскопа (рис. 2). К этому времени исследователи отнесли «мешковидную» яму и сосуд из нее, небольшую серию керамики со шнуровым орнаментом в нижних слоях кобанского поселения, ряд орудий и кремневых отщепов². Материалы северокавказской культурно-исторической общности были ими опубликованы частично, в рамках публикации материалов кобанского поселения.

В 1961 году отряд Ленинградского государственного университета проводил обследования памятников эпохи бронзы, раннего железа и средневековья у станицы Николаевской и у кирпичного завода в станице Змейской. В публикации, посвященной погребению эпохи средней бронзы у станицы Николаевская автор не рассматривает аналогии керамике со Змейского поселения и не приводит новых данных с него по материалам эпохи средней бронзы³, что, видимо, связано с их отсутствием в ходе работ 1961 года.

В сезоне 2014 года в ходе охранно-спасательных раскопок Змейского катакомбного могильника в пределах центральной и восточной частей Раскопа III (рис. 2) были выявлены отдельные фрагменты керамики, происходящие из разрушенного слоя поселения северокавказской культурно-исторической общности, а также три хозяйственные ямы, впущенные в материковый слой и таким образом, сохранившиеся. В южной и центральной части Раскопа I также были обнаружены отдельные

керамические фрагменты, относящиеся к описываемому поселению. Предварительные результаты работ были опубликованы А.Ю. Чечиной⁴. В публикации она выделила пять типов керамических сосудов периода средней бронзы, а также описала некоторые типы керамических изделий специального назначения, предметы из камня и кости, предварительно датировав поселение в пределах III тыс. до н.э.

В настоящее время работа по анализу материалов, полученных в ходе раскопок 2014 года завершена и назрела необходимость в их полной публикации, учитывая важность памятника для изучения этнокультурных процессов в регионе в эпоху средней бронзы.

Поселение располагалось на северном склоне Кабардино-Сунженского хребта неподалеку от прохода Эльхотовские ворота (рис. 1) на второй и частично на третьей терской террасах (рис. 2). Оно, по всей видимости, имеет восточную границу по краю второй террасы, в месте, где терраса изгибается к югу по дуге, упираясь в третью терскую террасу. На третьей террасе южную границу определяют находки керамики и хозяйственных ям поселения в пределах раскопа Д.В. Деопика 1957 года. Скорее всего, южной границей следует считать южную оконечность третьей террасы. Западная граница определена условно, так как она уничтожена построенными здесь кирпичными заводами и автомобильной трассой. Северная граница поселения, частично выходит за пределы плоскости второй террасы и по всей видимости, проходит по ее северному склону. На первой террасе, в пределах Раскопа I (рис. 2), были найдены отдельные фрагменты керамики (рис. 3, 1) на уровне терского галечного слоя, что показывает топографическую ситуацию здесь в среднебронзовое время. Скорее всего, в тот период современной первой терской террасы не существовало. На ее месте находился галечный терский берег, а современная вторая терраса была первой. Доказательством этого служит тот факт, что в вышележащих над терской галькой пачках слоев, керамики эпохи средней бронзы не обнаружено. Несомненно, что галечный берег использовался в хозяйственных нуждах и именно этим объясняется попадание керамических фрагментов на уровень древней гальки. Керамика, найденная в русле древнего ручья на Раскопе I, которое было зафиксирована в желтой глине, расположенной выше галечного слоя, несомненно является смывом с расположенных выше участков поселения, со второй террасы.

Поселение северокавказской культурно исторической общности сохранилось до наших дней лишь на отдельных участках или в материковом слое, куда были впущены хозяйственные ямы. Причиной его разрушения послужило то, что на этом же месте с X–VIII вв. до н.э. располагалось поселение кобанской культуры и его могильник⁵. Границы этих разновременных поселений практически совпадают. Позже здесь же располагалась окраина раннеаланского поселения, а в период раннего средневековья находился могильник другого поселения. Эта же территория с X века была использована под Змейский катакомбный могильник, а в XX веке часть территории всех указанных выше памятников заняли кирпичные заводы и автодорога М-29. Несмотря на значительные разрушения, раскопки позволили добыть археологический материал и исследовать неповрежденные объекты поселения, что дало ценный материал для определения его хронологической и культурной принадлежности, а также основы его хозяйства.

Керамика из разрушенного культурного слоя эпохи средней бронзы в пределах Раскопа III была найдена в различных пластах, начиная с третьего и до четырнадцатого, расположенного в южной части раскопа на краю площадки второй терской террасы. Определенное количество керамических фрагментов было найдено и в хозяйственных ямах кобанского и раннеаланского

времени. Так как они тоже происходят из разрушенного культурного слоя поселения северокавказской культурно-исторической общности, то будут описаны вместе с керамикой из пластов. Места расположения этих ям (рис. 2), совпадает с зоной находок керамики эпохи средней бронзы в условиях пластах, что маркирует границу поселения на участке Раскопа III.

Одним из показательных типов керамики являются крупные горшки-корчаги (тип XIX по Н.А. Николаевой⁶) (рис. 3, 2, 8; 4, 5, 6, 5, 1–3, 10). Цвет поверхности коричневый и светло-коричневый. Они имеют диаметр устья от 21 до 33 см. Венчик незначительно расширяется и имеет край, срезанный горизонтально или скосом наружу. Горловина невысокая. Под ней шаровидное раздутое тулово, постепенно сужающееся к низу и, по всей видимости, заканчивающееся плоским дном. Сосуды безручные; орнаментированы по плечикам и в верхней части тулова. В основном орнамент представляет собой врезные ломаные линии или штамп в виде ломаной линии или каплевидных вдавлений. Интересен орнамент светло-коричневоглиняной корчаги (тип XXI) из Раскопа I (рис. 3, 3) на плечиках, у горловины расположен ряд шишечек, под которыми имеются несколько горизонтальных шнуровых линий, под которыми располагаются треугольники, состоящие из нескольких рядов линий, также нанесенные на поверхность шнуровым орнаментом. По форме к горшкам-корчагам близко стоит сосуд (рис. 4, 7) с узким дном, удлинённым туловом, максимально расширяющийся под плечиками, и орнаментом в виде рядов ломанных и прямых линий на плечиках (рис. X по Н.А. Николаевой).

К типу XVII (корчаги) относится крупная вертикальная овальная в сечении ручка, крепившаяся к тулову сосуда (рис. 5, 8).

Наиболее массовым керамическим материалом эпохи средней бронзы в слоях Раскопа III являются сосуды типа XI, которые Н.А. Николаева обозначила как «кратеры»⁷ (рис. 3, 1, 10–12; 4, 1, 4, 8; 5, 9, 11, 12, 14). Выделить предложенные ею варианты невозможно в связи с фрагментарностью найденных образцов. Цвет поверхности – светло-коричневый. Сосуды имеют утоньшенный, слегка отогнутый наружу венчик, сферическое тулово и, видимо, плоское узкое дно. К краю венчика или сразу под ним крепится верхним концом овальная в сечении вертикальная ручка. Нижним концом ручка крепилась к плечикам сосудов. В типе выделяются сосуды малых размеров (диаметр венчика от 13 до 20 см) и больших (диаметр венчика 22–26 см). Этот тип сосудов наиболее богато орнаментирован, что позволяет интерпретировать их как столовую посуду (сосуды малых размеров), или столово-кухонную (сосуды больших размеров). Орнаментация представляет собой вертикальные, горизонтальные линии, выполненные шнуром, а также мотив треугольника, также состоящих из шнуровых линий. Орнаментировались плечики сосудов и спинки ручек. На ручках орнамент выполнен в виде горизонтальных шнуровых полос и шнуровых полос и косых крестов выполненных в той же технике (рис. 3, 10, 12). В одном случае под ручкой располагались три шишечки-налепа (рис. 4, 8).

«Чугунки» (тип XIX) по типологии Н.А. Николаевой⁸ относится к единичным типам керамики. Очень близок по форме к типу XI, однако, не имеет ручек (рис. 3, 9, 14; 5, 15, 17). Цвет поверхности – коричневый. Орнамент располагается на плечиках и представляет собой ряд горизонтальных линий выполненных шнуром, между которыми располагаются ряды треугольных вдавлений острием вверх (рис. 3, 14), ряды горизонтальных шнуровых линий, между которыми находятся ломанные шнуровые линии, а под орнаментальной зоной – ряд пятиконечных вдавлений (прутом) (рис. 3, 9), либо орнаментальная зона, ограниченная горизонтально линиями, выполненными шнуром и разделенная на несколько частей рядами

вертикальных шнуровых линий между которых располагаются пять рядов треугольных вдавлений острием вверх (рис. 5, 15, 17).

Остальные фрагменты, представляющие собой стенки коричневоглиняных, светло-коричневоглиняных и охристо-коричневых сосудов имеют орнаментацию в виде горизонтальных в вертикальных шнуровых линий (рис. 3, 5, 6, 13; 5, 13, 19), треугольников, выполненных шнуровым орнаментом (рис. 3, 7; 5, 6, 7, 20, 21) рядами вдавлений «елочкой», точечных и каплевидных вдавлений (рис. 3, 4; 4, 3; 5, 1).

Из более чем 190 хозяйственных ям, исследованных в пределах Раскопа III к северокавказской культурно-исторической общности были отнесены три. Это ямы 102, 158 и 171 (рис. 2). Они располагаются в восточной части раскопа. Две из них (ямы 102 и 158) находятся близко друг от друга, а яма 171 на расстоянии около 45 м к западу от них.

Яма 102 (рис. 6, I, II) круглой формы. Размер по оси С-Ю – 1,21 м; по оси В-З – 1,32 м. Глубина – 1,23 м. Стенки идут вертикально вниз до глубины 0,66 м, затем резко расширяются до 1,99 м по оси С-Ю. Заполнение – темно-серый суглинок. Из керамики надо отметить сосуд типа XI по Н.А. Николаевой, имеющий орнаментацию на плечиках в виде пяти рядов треугольных вдавлений и овальную в сечении ручку, крепящейся к краю венчика и плечикам сосуда (рис. 6, 11). Среди керамики интерес представляет фрагмент стенки, вероятно сосуда типа XXXII (куявская амфора) (рис. 6, 9) с орнаментов в виде треугольников выполненных шнуровыми линиями, фрагмент котелка (?) с подпрямоугольной в плане ручкой, имеющей вертикальное сквозное отверстие (рис. 6, 8), венчик которого по дуге загнут внутрь, а также каменные и керамические предметы, видимо, применявшиеся для литейного производства. К ним надо отнести керамические трубку-сопло (рис. 6, III, 4) и льячку со следами плавления металла (рис. 6, III, 2). Видимо к этому же производству имеют отношение каменный пест (рис. 6, III, 1), фрагмент терки (рис. 6, III, 7) и терочник (рис. 6, III, 7). Среди костей животных до вида были определены⁹ 44 кости домашнего быка или коровы от двух особей, две кости домашней козы от особи старше двух лет, самки, лучевая кость домашней овцы от особи моложе полутора лет, череп лошади и нижняя челюсть кабана или дикой свиньи.

Яма 158 (рис. 7, I, II) круглой формы. Диаметр 1,48 м; ко дну расширяется до 1,67 м. Дно плоское, глубина 1,61 м. Заполнение – темно-коричневый суглинок с включениями углей и фрагментов костей животных. В заполнении ямы были найдены 99 фрагментов коричневоглиняных сосудов, из которых надо отметить формообразующие и орнаментированные фрагменты. Особый интерес представляют фрагменты сосудов типа XXXII по Н.А. Николаевой. Они имеют ноздреватые небольшие ручки на плечиках под невысокой горловиной (рис. 7, III, 3, 8, 13, 14), слегка отогнутый наружу венчик и богатую орнаментацию горизонтальными, вертикальными и диагональными шнуровыми линиями и рядами вдавлений на плечиках. Цвет поверхности – светло-коричневый. К типу XIX (чугунки) по всей видимости, относится венчик и часть плечиков светло-коричневоглиняного сосуда со слегка отогнутым венчиком и орнаментом в виде рядом шнуровых горизонтальных линий и треугольных вдавлений остриями вверх между ними (рис. 7, III, 7). Вероятнее всего к этому же типу относится дно коричневоглиняного сосуда (рис. 7, III, 4). Тип XVII (корчаги) представлен широкой овальной в сечении ручкой, энеолитического облика, крепившейся на тулове светло-коричневоглиняного крупного сосуда (рис. 7, III, 10). Ручка имеет в основаниях горизонтальные «усы», делающие основание шире. Ручка сужается к спинке. Два фрагмента представляют собой слегка отогнутые венчики крупных сосудов (рис. 7, III, 2, 11). Вероятно к типу XVII относится и

стенка светло-коричневоглиняного сосуда с орнаментом в виде двух рядов треугольников, образованных шнуровыми линиями (рис. 7, III, 9).

Из костей животных до вида были определены кости домашнего быка или коровы моложе 6 месяцев, одной особи быка или коровы 4-5 лет, двух особей быка или коровы старше 4,5 лет. Также были определены до вида кости от одной особи домашней овцы 19–23 месяцев и берцовая кость одной особи домашней свиньи.

Яма 171 – округлой формы (рис. 8, I, II). Северная часть была срезана современной траншеей. Размер по оси В–З – 2,66 м. Размер вскрытой части по оси С–Ю – 1,69 м, ко дну яма незначительно расширяется. Глубина 0,44 м. Дно плоское. Заполнение: слой 1 – темно-коричневый суглинок, мощность до 0,27 м, в средней части сходит на «нет.» В слое 1 у южной стенки – линза светло-коричневого суглинка, мощностью до 0,14 м; слой 2 – светло-коричневый суглинок; в средней части ямы выходит на поверхность, а у северной стенки касается дна. Мощность от 0,05 до 0,16 м; слой 3, придонный – серо-коричневый суглинок с большим количеством костей животных. Мощность до 0,31 м. Слой 3 не доходя до южной стенки сходит на «нет.» В заполнении ямы 171 были найдены 22 фрагмента стенок коричневоглиняных и светло-коричневоглиняных сосудов из которых надо отметить сосуд XI типа с широким устьем, двумя ручками и орнаментом на плечиках в виде трех рядов шнуровых линий между которыми располагаются треугольные вдавления (рис. 8, III, 3). В заполнении ямы была найдена светлоглиняная льячка, идентичная льячке из ямы 102 (рис. 8, III, 1). Передняя стенка не сохранилась. Льячка имеет круглую форму с невысокими бортиками. Короткая и широкая ручка заканчивается как и в первом случае двумя выступами, обращенными вниз. Как орудие в металлургическом производстве, так же как и в яме 102, следует рассматривать две крупные серые гальки (рис. 9, III, 4, 7), имеющие следы сколов на одной из сторон и, видимо использовавшихся для дробления руды или примесей для плавки металла. Среди находок имеются и две первые фаланги крупного рогатого скота с овальными сквозными отверстиями, прodelанными с передней стороны костей (рис. 8, III, 5, 6). Для таранных костей животных, найденных на участке кожевенного производственного комплекса на поселении Безыменное-II эпохи бронзы, авторы исследования предполагают, что они как то были связаны с производством, однако отмечают скорее не технологический, а обрядовый характер связи¹⁰. Аналогичные изделия из фаланг крупного рогатого скота имеются среди материалов Гинчинской культуры восточного Кавказа, однако и там их назначение не ясно. В заполнении ямы 171 был найден также кремневый скол из местного серого кремня (рис. 8, III, 2).

Из костей животных, найденных в яме, до вида были определены кости теленка менее 10 месяцев от рождения, кости быка или коровы 18–28 месяцев, одной особи моложе 1,5 лет, одной особи около 2,5 лет, одной особи 3–4 лет, одной особи старше 5 лет. Также были определены кости одной особи овцы или козы моложе одного года и четырех особей старше двух лет. Кости овец относились к одной особи 18–28 месяцев, трем особям моложе двух лет, двум особям старше двух лет. Кости домашних коз в яме 171 происходили от одной особи 8–10 месяцев и одной особи старше двух лет. До вида были определены также кости домашней свиньи от одной особи 8–10 месяцев.

Змейское поселение, на сегодняшний день, является уникальным памятником северокавказской культурно-исторической общности в Северной Осетии: это единственный поселенческий памятник на территории республики. При этом надо отметить, что поселения северокавказской культурно-исторической общности редки и в сопредельных регионах.

Так, в Кабардино-Балкарии поселения известны у сел Этоко. Светловодское, Зольское, а в Ингушетии — у села Алхаста¹¹, но и там культурные слои незначительны. Несомненно, что археологические работы будущего позволят открыть и другие поселенческие памятники в регионе, так как только в Северной Осетии известен ряд исследованных в разной степени могильников того же периода, близ которых поселения пока неизвестны. Это могильники у Дзуарикау, Ногира, Хознидона, Дигоры, Николаевской, Заманкула, Чиколы, Новоосетинской, Терской и у города Владикавказа; при этом у станицы Змейская наблюдается обратная картина: несмотря на многолетние исследования на этой территории синхронный поселению могильник до сих пор не найден.

Территориально наиболее близким Змейскому поселению является Николаевский могильник, расположенный в 12 км южнее за Кабардино-Сунженским хребтом. Там, в 1961 годы был исследован ряд погребений и в некоторых из них были найдены сосуды, схожие с сосудами с поселения у Змейской. Так, в погр. 4 встречены сосуды типов XIX и XXXII. Автор публикации датировал их второй четвертью или серединой II тыс. до н.э.¹². Аналогичная керамика имеется и в материалах курганов в Кабардинском парке Нальчика¹³, а также среди керамики могильников Дзуарикау и Ногир в Северной Осетии¹⁴.

В 1980 г. Н.А. Николаева предложила выделить из северокавказской культурно-исторической общности кубано-терскую культуру, куда входили памятники постмайкопского и докатакомбного времени предгорий Осетии, Кабарды и Верхнего Прикубанья, разделенную на два варианта: степной и предгорный¹⁵. Культура была выделена на основе погребальных памятников, однако Змейское поселение территориально должно входить в предгорный вариант. Против выделения кубано-терской культуры выступил В.И. Марковин, отметив, что инвентарь этой культуры ничем принципиально не отличается от комплекса материалов, характерных для северокавказской культуры¹⁶. Он относил памятники центральных районов Северного Кавказа к кабардино-пятигорскому варианту северокавказской культурно-исторической общности¹⁷.

Хронология Змейского поселения определяется датировкой некоторых видов керамических сосудов. По Н.А. Николаевой сосуды типов XI, XXXII бытуют продолжительное время и датируются XXII–XIII вв. до н.э.¹⁸. Корчаги типа XVII могут датироваться XXI–XIV вв. до н.э. Сосуды типа XIXа характеризуют заключительный этап культуры (северокавказской культурно-исторической общности) и датируются XIV–XIII в. до н.э.

А.Л. Нечитайло для памятников верхнего Прикубанья северокавказской культуры выделяет три группы, раннюю, среднюю и позднюю, описывая характерные особенности материальной культуры каждой из групп. Она отмечала, что на среднем этапе развития культуры в керамике, наряду с орнаментальными мотивами ранней группы появляются и новые. Это рельефные валики, треугольники, покрывающие плечики сосудов, угольчатые штампы. У сосудов орнаментировалась верхняя половина до наибольшего расширения, особенно плечики¹⁹. Несомненно, что большая часть сосудов со Змейского поселения относится к среднему этапу, однако здесь встречены отдельные сосуды, орнаментированные ломаными линиями и елочкой, характерными для раннего (первого) этапа. В то же время в слоях были встречены и сосуды позднего периода существования поселения, что позволяет датировать памятник в целом XIX–XIV вв. до н.э., пик развития которого приходится на средний (второй) этап северокавказской культурно-исторической общности, на XVII–XVI (возможно и XV) вв. до н.э.²⁰. Этим же периодом, вероятнее всего, датируются и исследованные хозяйственные ямы поселения у станицы Змейской.

Змейское поселение являлось долговременным стационарным поселением, на котором было развито скотоводство, земледелие и ремесленное производство. Касаясь вопроса скотоводства отмечу, что ввиду небольшой выборки (остеологические материалы всего из трех хозяйственных ям) мы можем судить о составе стада лишь приблизительно. Большинство костей животных, найденных в пластах не имеют хронологического определения, так как происходят из хронологически смешанных слоев. Из костей найденных в закрытых комплексах хозяйственных ям эпохи средней бронзы удалось определить до вида 33 особи животных, из которых 12 особей были определены как быки или коровы (36%), пять особей как овцы или козы (15%), восемь особей как овцы (25%), четыре особи как козы (12%), две особи как свиньи (6%), одна особь как лошадь (3%) и одна особь как дикий кабан или дикая свинья (3%). Предварительно можно говорить о незначительном превышении количества мелкого рогатого скота над крупным, малом количестве свиней и второстепенной роли охоты в системе питания древних жителей Змейского поселения. На этом основании представляется верным, что основой хозяйства было скотоводство при меньшей роли земледелия. Близость Терека и его частые разливы, вместе с благоприятными климатическими условиями, вероятно, обеспечивали достаточную кормовую базу для разведения рогатого скота, а рельеф местности предполагал и наличие удобных пастбищ. Не исключено, что ввиду значительного количество мелкого рогатого скота на поселении было развито ткачество и обработка шкур, однако на данном этапе следы этих видов производств не выявлены.

Раскопки показали, что на Змейском поселении было развито металлургическое производство. В свете изучения металлургии поселения и северокавказской культурно-исторической общности в целом, несомненный интерес представляет хозяйственные ямы 102 и 171 (рис. 6, 8) в которой был найден комплекс предметов, применявшихся в металлургии. Среди предметов в яме 102 присутствует керамическая льячка в форме неглубокой мисочки с массивной ручкой с двумя выступами внизу для придания устойчивости предмету на горизонтальной поверхности (рис. 6, III, 2). На внутренней поверхности сохранились следы копоти и окислов. Льячка сохранилась не полностью — отсутствует канал для перелива металла в форму. В этот же набор входит и конусовидная трубка-сопло с бортиком в нижней части и сужающимся кверху сквозным отверстием (рис. 6, III, 4). Каменные изделия, найденные в этой хозяйственной яме, скорее всего, также использовались в металлургии. Это фрагмент терки (рис. 6, III, 7) и терочник шайбовидной формы (рис. 6, III, 6). Вероятно каменные изделия служили для перетирания руды или веществ, использовавшихся для получения сплавов металлов. Схожую функцию имел и каменный пест, обломок которого также был найден в яме 102 (рис. 6, III, 1).

В заполнении хозяйственной ямы 171 был найден фрагмент льячки аналогичной льячке из ямы 102 (рис. 8, III, 1), а также две серые гальки, вероятно служившие пестами (рис. 8, III, 4, 7). Не исключено, что две первые фаланги крупного рогатого скота (рис. 8, III, 5, 6) найденные в этой яме так же использовались в производстве, однако их функциональное назначение пока не ясно. Среди находок на поселении нет образцов металлических изделий, которые можно было бы отнести ко времени существования поселения северокавказской культурно-исторической общности и связать с найденными предметами металлургического производства, однако, несомненно, будущие исследования и открытие могильника позволят восполнить этот пробел.

Поселение у станицы Змейской уже на данном этапе позволяет, пусть и не в полной мере, охарактеризовать бытовую культуру северокавказской культурно-исторической общности Центрального Кавказа, известной

в основном по курганным могильникам. Изучение бытовых памятников только начато и перед исследователями стоят многочисленные нерешенные вопросы, связанные с типами жилищ, планиграфией поселений, хронологическими аспектами, вопросами ремесла и хозяйства и некоторыми другими. Поселение у станицы Змейской, несмотря на то, что сохранилось частично, в ходе будущих полевых работ, несомненно, даст новые материалы, которые помогут в решении стоящих перед исследователями задач в изучении северокавказской культурно-исторической общности.

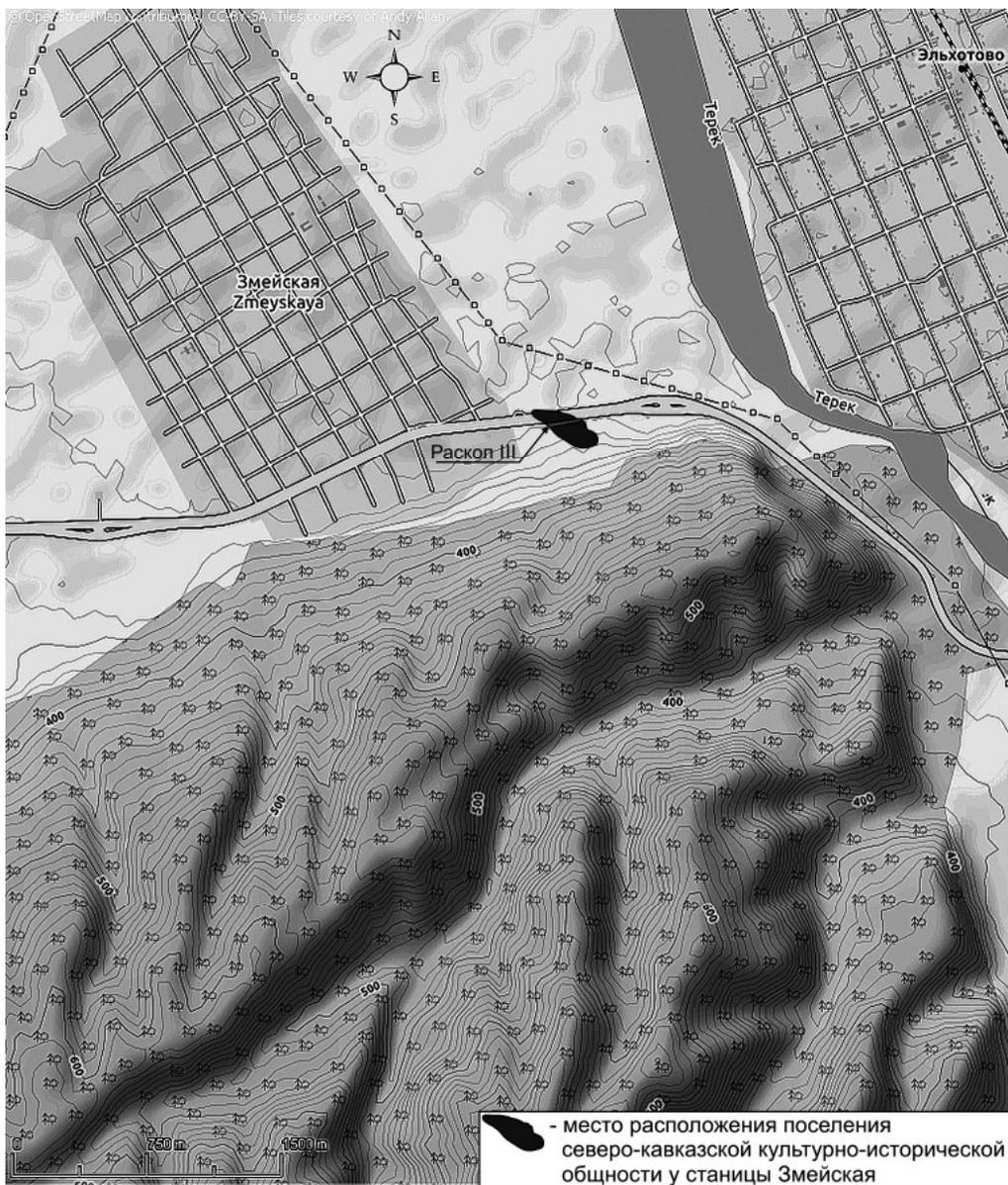

Рис. 1. Ситуационный план места расположения поселения северокавказской культурно-исторической общности у станицы Змейской.

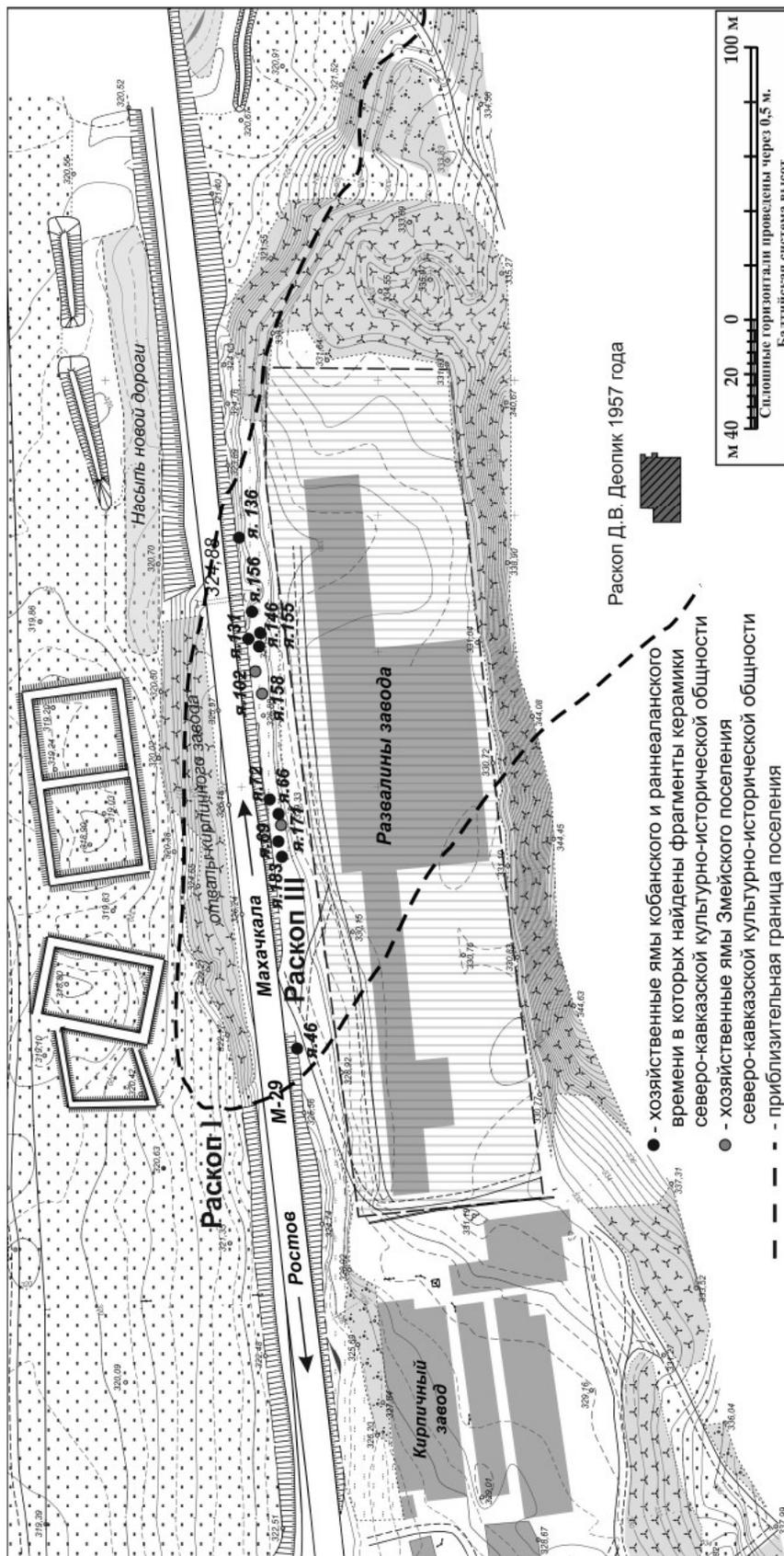

Рис. 2. Топографический план поселения северокавказской культурно-исторической общности у станции Земской.

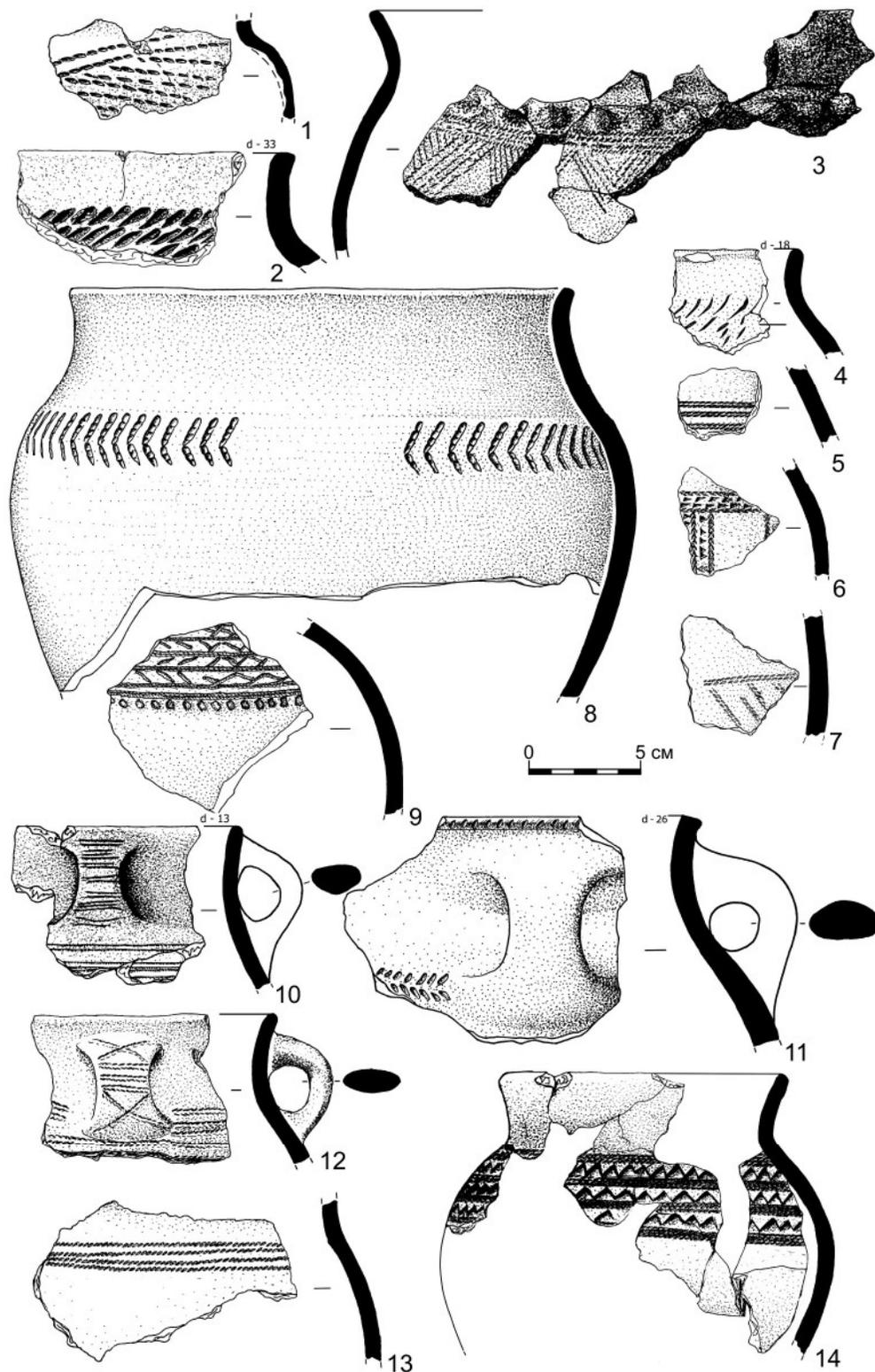

Рис. 3. 1-14 – керамика поселения северокавказской культурно-исторической общности. 1-13 – Раскоп I. 1 – галечный слой; русло древнего ручья; 4-14 – Раскоп III. 7, 8 – пласт 3; 4-6 – пласт 4; 5 – пласт 5; 9-12 – пласт 9; 13 – пласт 10.

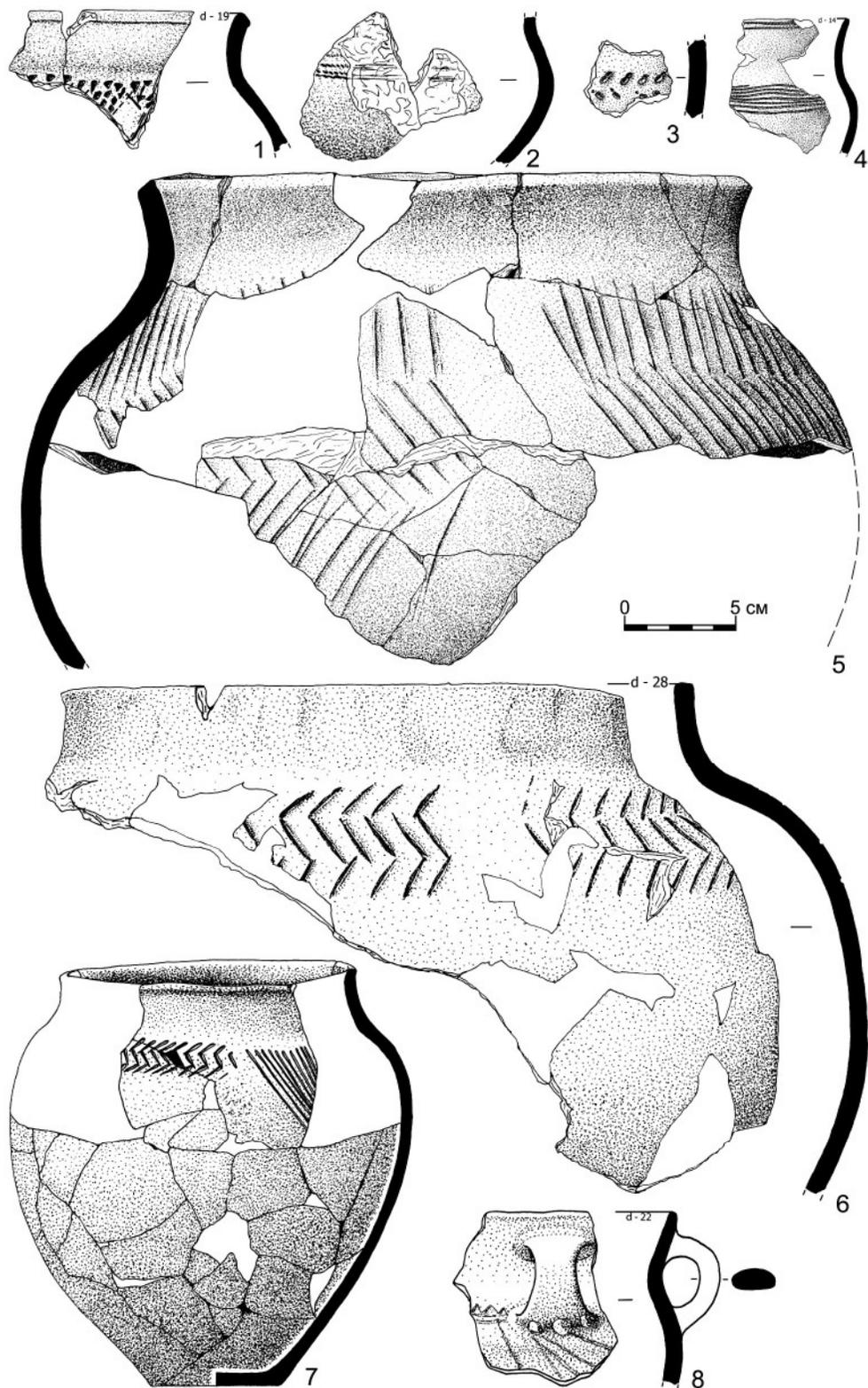

Рис. 4. Раскоп III. 1-7 – керамика поселения северокавказской культурно-исторической общности. 1,2 – пласт 11; 3, 4 – яма 46 (раннеаланского времени); 5, 7 – пласт 12; 8 – пласт 14 (по склону).

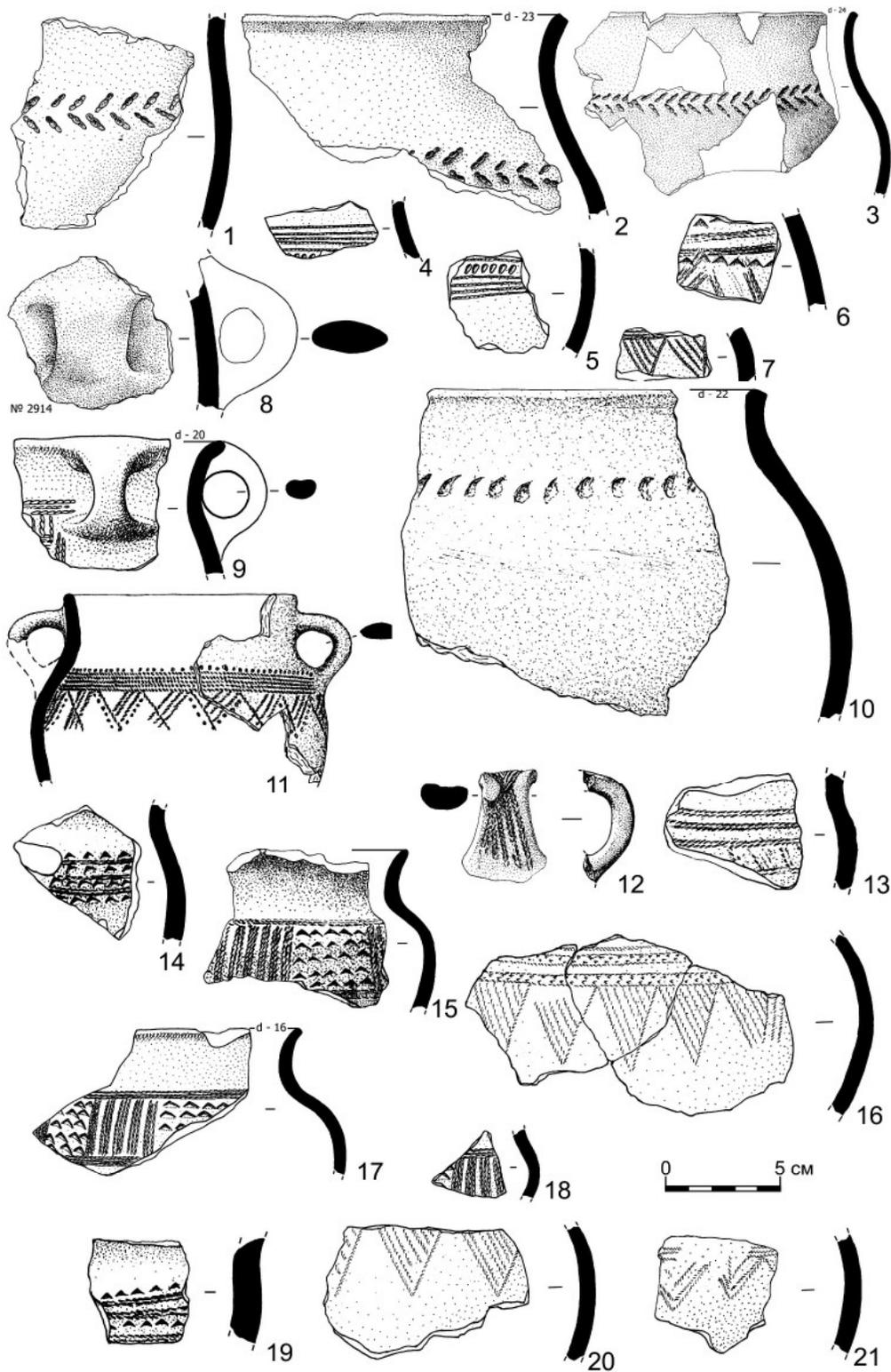

Рис. 5. Раскоп III. 1-23 – керамика поселения северокавказской культурно-исторической общности в хозяйственных ямах кобанского и раннеаланского времени. 1-3, 8 – яма 45; 4,5 – яма 66; 6,7,9 – яма 69; 10-12 – яма 72; 13 – яма 146; 14, 15, 17, 18 – яма 131а; 16 – яма 155; 19 – яма 136; 20 – яма 156; 21 – яма 183.

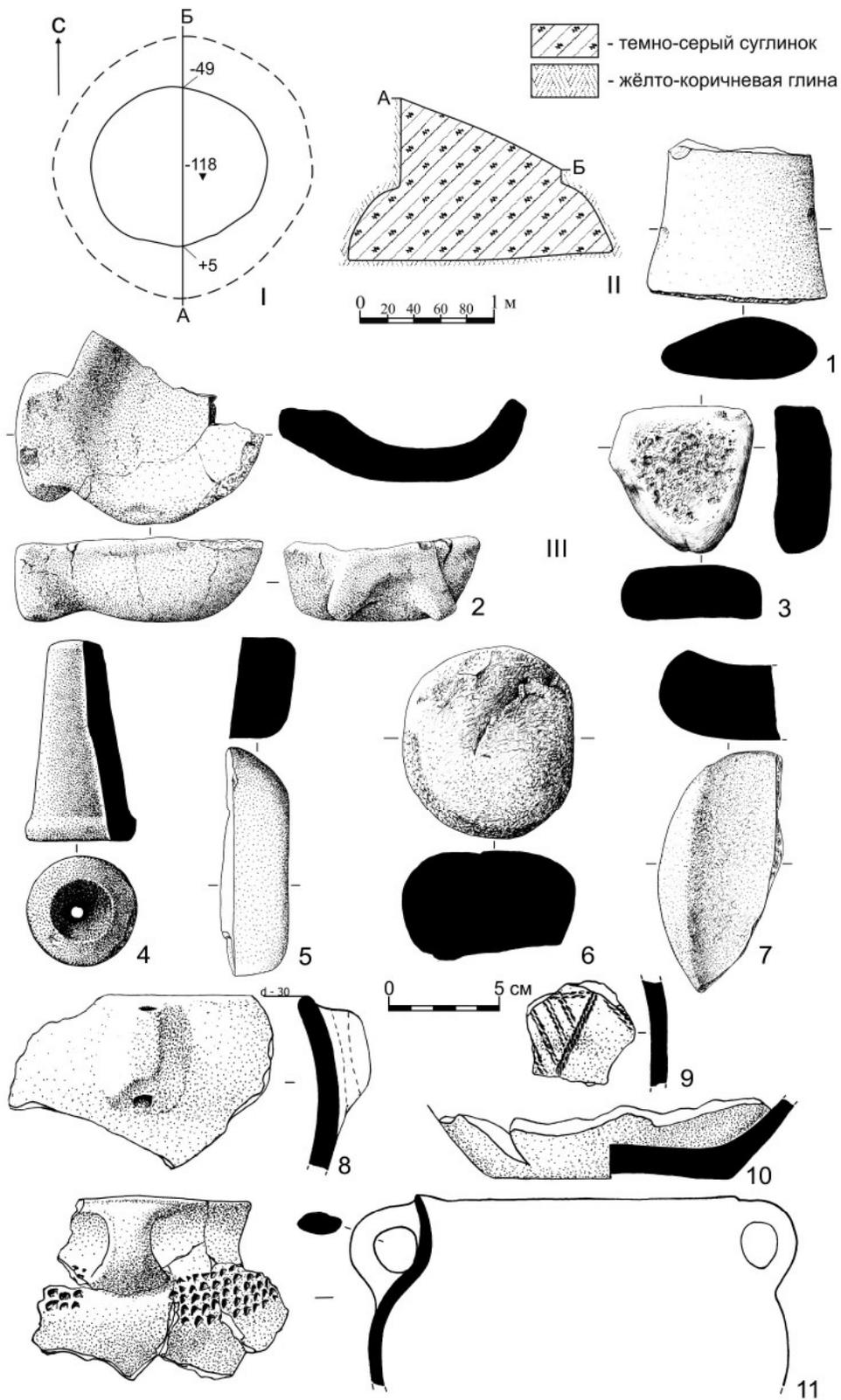

Рис. 6. Раскоп III. Яма 102. I – план; II – разрез по линии А–Б; III – находки. 1,3, 5–7 – камень; 2, 4, 8–11 – керамика.

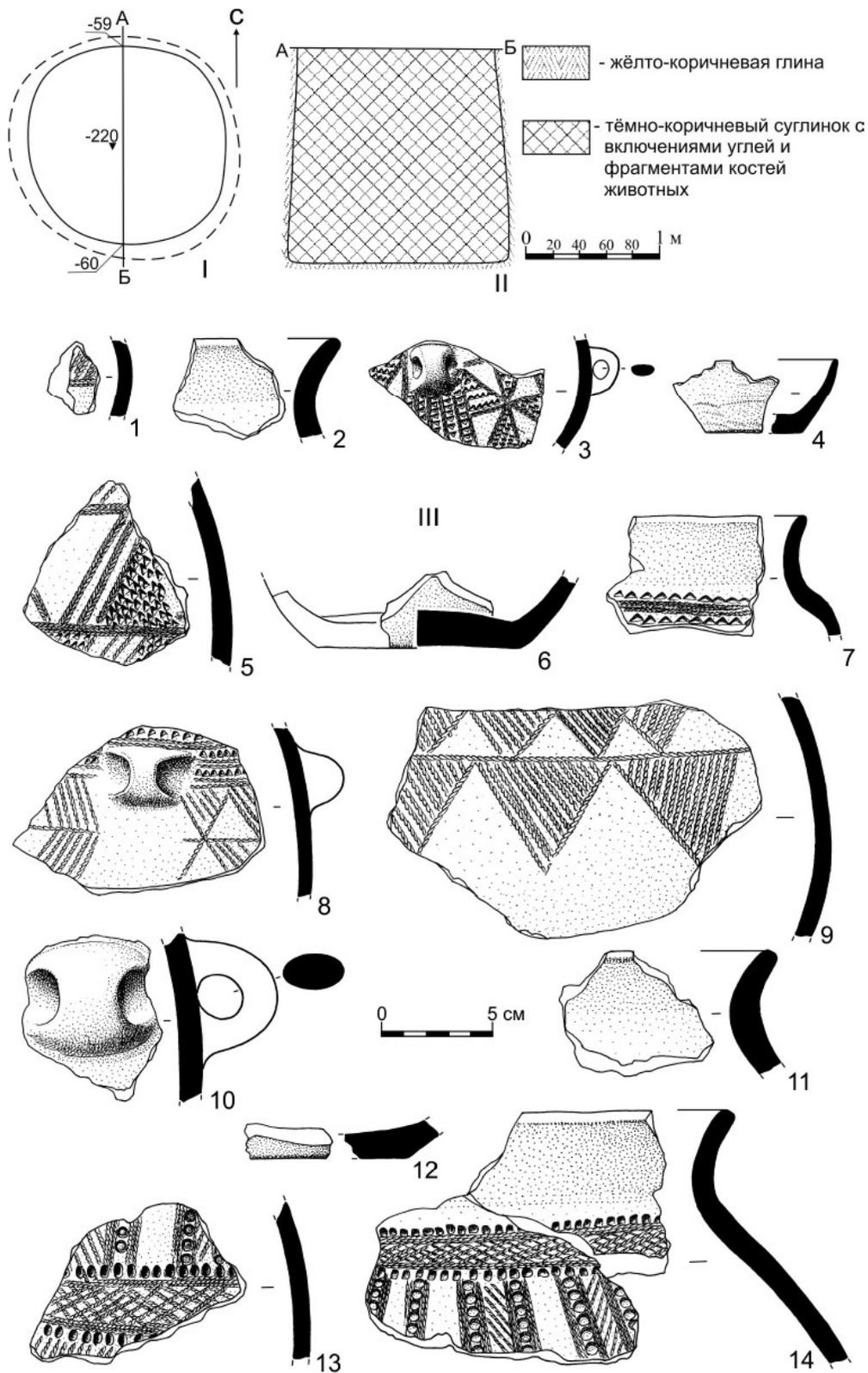

Рис. 7. Раскоп III. Яма 158. I – план; II – разрез по линии А-Б; III – находки. 1-14 – керамика.

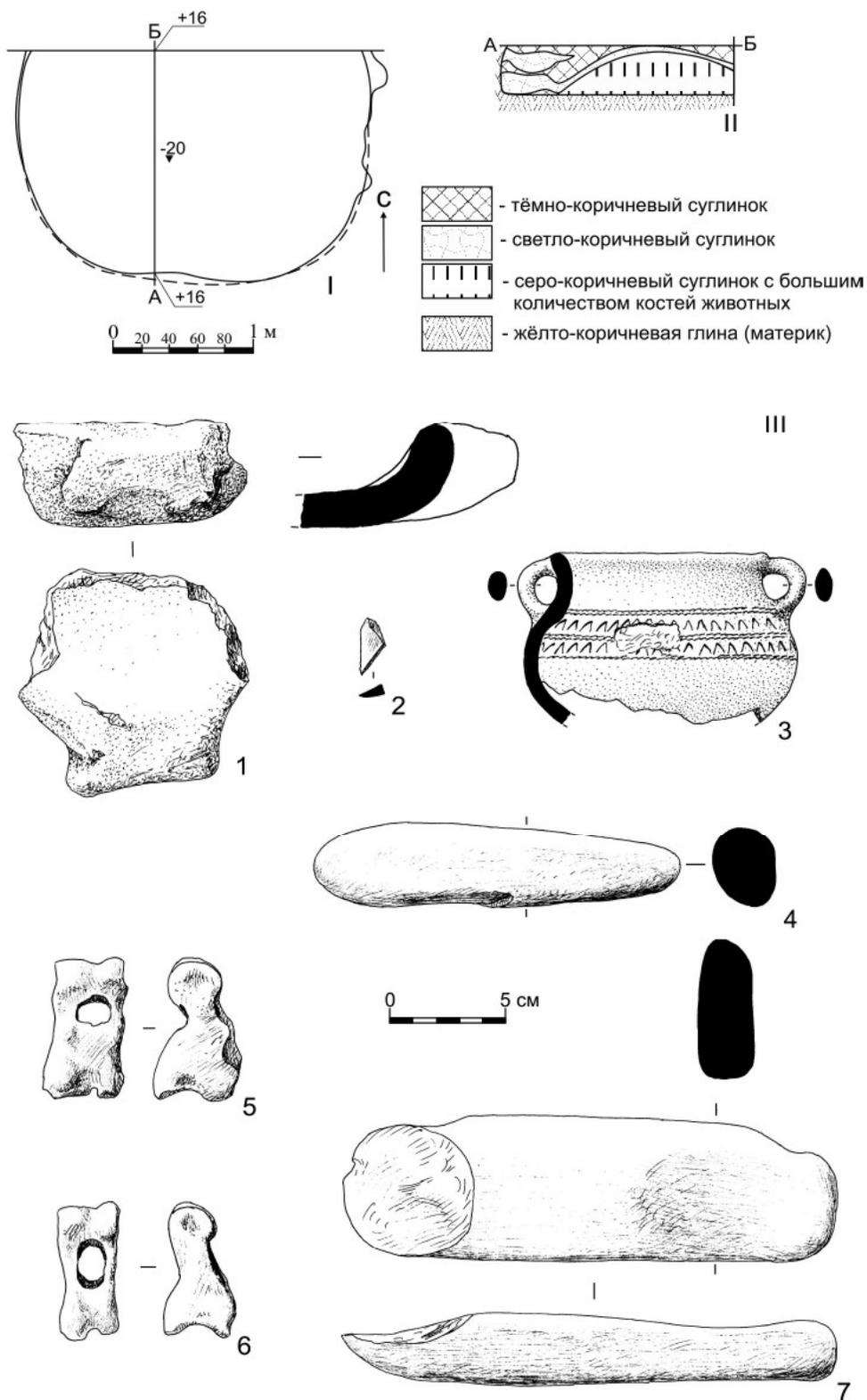

Рис. 8. Раскоп III. Яма 171. I – план; II – разрез по линии А-Б; III – находки. 1–3 – керамика; 2 – кремень; 4, 7 – камень; 5, 6 – кость.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Деопик Д.В., Крупнов Е.И.* Змейское поселение кобанской культуры // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961. С. 12.
2. *Деопик Д.В., Крупнов Е.И.* Змейское поселение... С. 34.
3. *Газдапуста́н Дюла.* Могила эпохи средней бронзы в Северной Осетии // СА. № 2. 1969. С. 140–146.
4. *Чечина А.Ю.* Змейское поселение периода средней бронзы в Северной Осетии. // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.). Круглый стол, посвященный 80-летию со дня рождения С.Н. Братченко. Материалы. 2016. С. 105–108.
5. *Бакушев М.А.* Погребальный памятник кобанской культуры у Эльхотовских ворот: Змейский могильник // Археология и этнология Северного Кавказа. № 7. Нальчик, 2017. С. 88–105.
6. *Николаева Н.А.* Этно-культурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н.э. контексте древней истории Европы и Ближнего Востока (выделение индоевропейской линии развития). М., 2011. С. 46–51.
7. *Николаева Н.А.* Этно-культурные процессы... С. 48.
8. *Николаева Н.А.* Этно-культурные процессы... С. 53.
9. Кости животных были определены до вида доцентом кафедры генетики Южного Федерального университета, кандидатом биологических наук, археозоологом Ю.Я. Мягковой.
10. *Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.* Таранные кости крупного рогатого скота эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2014. № 2. С. 44.
11. *Марковин В.И.* Северокавказская культурно-историческая общность // Археология. Эпоха бронза Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 261.
12. *Газдапуста́н Дюла.* Могила эпохи средней бронзы... С. 143–145.
13. *Деген Б.Е.* Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика // Материалы и исследования по археологии СССР. М.–Л., 1941. Табл. I–III.
14. *Николаева Н.А., Сафронов В.А.* Курганный могильник эпохи бронзы у с. Дзуарикау // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980. С. 18–81.
15. *Николаева Н.А.* Выделение КТК ранне- и среднебронзового века на Северном Кавказе // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980. С. 97–120.
16. *Марковин В.И.* Северокавказская культурно-историческая общность... С. 257.
17. *Марковин В.И.* Северокавказская культурно-историческая общность... С. 283.
18. *Николаева Н.А.* Периодизация кубано-терской культуры (конец III – начало II тыс до н.э.) // Вестник ВГУ. Серия: история, политология, социология. № 2. 2011. С. 137–139.
19. *Нечитайло А.Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978. С. 88.
20. *Марковин В.И.* Северокавказская культурно-историческая общность... С. 283.

M.A. BAKUSHEV

SETTLEMENT OF THE NORTH-CAUCASIAN CULTURAL
AND HISTORICAL COMMUNITY NEAR ZMEYSKAYA VILLAGE
IN NORTH OSSETIA

The only settlement of the North-caucasian cultural and historical community in North Ossetia is located near Zmeyskaya village. In the 2014 season, during the security and rescue excavations of the Zmeysky catacomb burial ground, fragments of ceramics originating from the destroyed layer of the settlement were revealed, as well as three household pits from the middle bronze age. The article provides a cultural and chronological analysis of the found ceramics,

as well as finds from household pits. With the help of osteological analysis, the composition of the herd is preliminarily determined, and on the basis of findings from household pits, it is concluded that there is a developed metallurgical production in the settlement. At the end of the article, it is concluded that further research of the monument is promising in order to obtain new data about the settlement culture of the North-caucasian cultural and historical community.

Key words: North Ossetia-Alania, settlement, North-Caucasian cultural and historical community, security and rescue excavations, ancient metallurgy, typology of ceramics, economy of the ancient population, ancient animal husbandry.

С.Я. Березин (г. Армавир),
Я.Б. Березин (г. Москва)

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ПРОГРЕСС-2 НА РЕКЕ МАЛКА

В статье представлены материалы 10 погребений эпохи раннего железа, раскопанные авторами в 2009–2011 годах на курганном могильнике Прогресс-2 на границе Ставропольского края и Кабардино-Балкарии. Половина из них относится к началу I тыс. до н.э., 1 – связывается с савроматами и датируется IV вв. до н.э., еще 4 датируются в пределах III–I вв. до н.э. и оставлены сарматами – сираками. Инвентарь погребений довольно скромнен, представлен керамикой, украшениями и мелкими бытовыми предметами. Погребения эпохи раннего железа курганного могильника Прогресс-2 являются, на сегодняшний день, наиболее южной точкой, где зафиксировано продвижение к горам ранних кочевников, скифов, савроматов и сарматов.

Ключевые слова: Ставропольский край, Кабардино-Балкария, р. Малка, курган, погребение, савроматы, сарматы.

В 2009–2011 годах археологическая экспедиция ГУП «Наследие» (г. Ставрополь) проводила научно-исследовательские работы на курганном могильнике «Прогресс-2», насчитывавшем 11 насыпей. Работами руководили авторы публикации, держатель Открытых Листов С.Я.Березин. Было раскопано 5 курганов (№№ 1–5), в которых обнаружено 84 погребения. Могильник расположен на левом берегу р. Малка, на первой высокой береговой террасе, примерно в 1 км северо-западнее центральной части одноименного села Зольского района КБР. Это стык предгорной равнины и первого, наиболее низкого, яруса главного Кавказского хребта. Высота над уровнем моря в районе могильника примерно 650 м.

Основная масса захоронений относится к различным периодам эпохи бронзы. Небольшая часть исследованных материалов опубликована¹. Данная работа посвящена публикации комплексов, относящихся к раннему железному веку. Авторы благодарны Д.Г. Полковскому за компьютерную верстку иллюстраций к данной статье.

Кург. 1. Пог. 18. Погребальное сооружение определить не удалось, вероятно, грунтовая яма. Одинокое, представлено костяком взрослого человека, располагавшегося вытянуто на спине головой на запад-юго-запад. Кости грудной клетки и таза находились в положении на спине. Правая рука вытянута вдоль костяка, левая несколько согнута в локтевом суставе, кисть ее находилась на левом крыле таза. Правая нога вытянута, левая согнута в колене. Вплотную с востока к крестцу погребенного располагался небольшой фрагмент корродированного бронзового предмета (стерженек?). Точную форму и предназначение определить не удалось, возможно, это была подвеска.

Фактическое отсутствие погребального инвентаря делает затруднительной датировку захоронения. Такие признаки, как вытянутое на спине положение покойного, ориентировка в западном секторе, кисть одной руки на крыле таза позволяют, хотя и с некоторой долей условности, отнести его к сарматскому времени. О датировке такого типа погребений нам уже приходилось писать².

Кург. 2. Погр. 1. Форма погребального сооружения осталась не ясной. Представлено костяком, вероятно, взрослого человека, костяк очень плохой сохранности. Располагался скорчено на левом боку, головой на юго-восток. Кости рук согнуты в локте и прижаты к грудной клетке. Ноги, вероятно, согнуты в коленях, коленями на юго-запад.

К югу от черепа располагался развал керамического сосуда. Керамика снаружи светло-серого цвета со следами копоти, внутри светло-коричневая. На изломе видна примесь мелкозернистого песка. Поверхность неровная шероховатая. Сосуд сильно фрагментирован, не восстановился. Вероятно, представлял собой горшок небольшого размера, диаметр дна 9 см. По фрагменту дна можно сказать, что дно ровное, место перехода в придонную часть плавно закруглено. По технологическим особенностям керамического сосуда его можно отнести к периоду раннего железа.

Кург. 2. Погр. 11. Погребальное сооружение представляло собой грунтовую яму, вытянутой по линии юго-запад-северо-восток. Ширина погребения в центральной части 0.96м, глубина от уровня фиксации 0.19–0.22 м.

Погребение одиночное. Костяк взрослого человека, располагался вытянуто на спине, головой на северо-северо-восток. Под костяком и у стенок ямы прослеживается древесный тлен, вероятно, от (гробовины).

С западной стороны от кисти правой руки, вплотную к ней, располагался керамический сосуд – кувшин, сделанный на гончарном круге. Стоял на дне вертикально, ручкой на запад. Светло-серого цвета, с черными пятнами вторичного прокала. Поверхность хорошо заглажена, имеются мелкие слюдяные вкрапления. Высота сосуда 23.8 см, наибольшая ширина тулова 18.8 см, диаметр венчика 11.5 см, диаметр дна 11 см. Дно кувшина слегка вогнуто. Горловина кувшина переходит в отогнутый наружу венчик. Тулово орнаментировано вертикальными парными пролощенными полосками, верхняя часть горловины орнаментирована тремя широкими горизонтальными канавками. Верхняя часть сосуда и средняя часть горловины соединены витой ручкой, округлой в разрезе. К сожалению, часть горловины сосуда отбита в древности, но, судя по линии профиля, кувшин был снабжен носиком-сливом.

Кувшин из погребения 11 находит хорошие аналогии в выделенном М.П. Абрамовой типе 3 кувшинов III–I вв. до н.э.³. Наибольшее сходство, по пропорциям, витой ручке и орнаменте на горловине он обнаруживает с кувшином из погребения 17 Чегемского курган-кладбища в Кабардино-Балкарии. Автор раскопок в Чегеме Б.М. Керевов считает, что данное погребение можно уверенно датировать II в. до н.э. по малоазийскому канфару⁴. Это позволяет сузить дату погребения 11 кург. 2 до II–I вв. до н.э.

Обращает на себя внимание северная ориентировка погребенного, в целом, мало характерная для подкурганых погребений Предкавказья сарматского времени⁵. Однако, она все же, спорадически встречается. В частности, группа из трех захоронений этого же хронологического периода была раскопана у села Китаевка в центральной части Ставропольского края⁶.

Кург. 3. Погр. 2. Контуры могильной ямы в насыпи кургана не зафиксировались, вероятно, оно представляло собой грунтовую яму. Погребение одиночное. Костяк взрослого человека располагался скорчено, на правом боку, головой на юго-восток. Правая рука была согнута в локте, кисть находилась перед лицевыми костями черепа. Левая рука согнута в локте, кисти предплечья располагались под прямым углом к корпусу, кисть согнута в кулак(?). Ноги сильно согнуты в коленях, стопы подтянуты к тазовым костям. Тленов, пигментов не зафиксировано. Погребение безынвентарное.

Скорее всего, относится к эпохе раннего железа. Более подробное обоснование ниже.

Кург. 3. Пог. 3. Находилось в западной поле кургана. Было обнаружено по каменной наброске над погребением. Наброска представлена крупным и средним булыжником, уложенным достаточно плотно. Ее длина около 1 м, вытянута по линии запад – восток.

Погребальное сооружение – грунтовая яма подпрямоугольной формы, вытянута по линии восток – запад, длина 1.49 м, ширина 0.73 м. Стенки на прослеженном участке вертикальные, дно несколько вогнуто к средней части ямы.

Погребение одиночное. Костяк подростка(?) располагался вытянуто на спине, головой на восток. Кости очень плохой сохранности. Кости грудной клетки, позвоночника и таза находились в положении «на спине». Кости левой руки практически не сохранились, правая лежала вытянуто вдоль корпуса. Ноги лежали вытянуто, параллельно одна другой. Кости стоп не сохранились. Тленов, пигментов не зафиксировано. Погребение безынвентарное. Предварительно, захоронение можно отнести к сарматскому времени.

Кург. 3. Погр. 4. Яма вытянутой овальной формы, длинной стороной ориентирована по линии восток – запад, длина 1.56 м, ширина 0.9 м. Стенки на прослеженном участке вертикальные, дно относительно ровное.

Погребение одиночное. Скелет взрослого человека, лежал скорченно, на левом боку, головой на восток. Левая рука была сильно согнута в локте, тыльная сторона кисти располагалась под подбородком. Правая рука также согнута в локте, предплечье находилось на локтевом сгибе левой руки, кисть направлена пальцами к черепу.

Тленов, пигментов не зафиксировано. Погребение безынвентарное. Скорее всего, относится к эпохе раннего железа. Более подробное обоснование ниже.

Кург. 4. Погр. 2. Контур могильной ямы не выявлялся. Камни – булыжники средних размеров, оконтуривали костяк с трех сторон, кроме южной, и частично, лежали на ногах погребенного.

Погребение одиночное. Костяк лежал скорченно, на левом боку, головой на восток. Сохранность костей очень плохая. Костяк очень сильно скорчен. Руки согнуты в локтях под острым углом, кисти находились перед лицевой частью черепа. Ноги сильно разрушены, ясно лишь, что они также были согнуты в коленях под острым углом. Погребение безынвентарное, тлены и пигменты отсутствовали. Скорее всего, относится к эпохе раннего железа. Более подробное обоснование ниже.

Кург. 4. Ритуальный комплекс 1. Представлял собой два керамических сосуда и кость животного в обрамлении отдельных камней. Один из сосудов и камень «наползли» на череп костяка 2 погребения 3. Комплекс находился вплотную к юго-западу от черепов погребенных из погребения 3, на 0.15–0.2 м выше них, в насыпи кургана.

1. Керамический сосуд – горшок, серо-коричневого цвета со следами золы. Горшок имеет неровную форму, в древности был реставрирован (с одной стороны в верхней и нижней части имеется по два сквозных отверстия диаметром 0.6–0.7 см). Дно плоское, венчик немного отогнут наружу. Высота горшка 13.4 см, диаметр дна 9.7 см, диаметр венчика 11.4 см.

2. Керамический сосуд – корчага (?), темного серо-коричневого цвета. Поверхность неровная, залощена. Сосуд полностью восстановить не удалось, сохранившаяся высота 19 см.

Во время раскопок указанные выше сосуды были выделены в отдельный ритуальный комплекс, так как находились несколько выше основного слоя погребения. После расчистки стало ясно, что они относятся к захоронению 3 и далее рассматриваются как единый комплекс.

Кург. 4. Погр. 3. Контуры могильной ямы в насыпи кургана не прослеживались. Погребение было обнаружено по костям скелетов и камням во время выборки грунта.

Погребение парное, сохранность костей хорошая. **Костяк 1** (юго-восточный) лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад-запад. **Костяк 2** располагался параллельно первому, в 0.10–0.20 м от него с северо-западной стороны. Поза второго погребенного почти аналогична первому. Гленов и пигментов зафиксировано не было.

Инвентарь весьма многочислен: четыре керамических сосуда, два бронзовых зеркала, железный нож, костяной предмет, фрагментированные железные предметы и заупокойная пища в виде костей мелкого рогатого скота.

1. Бронзовое зеркало 1. Располагалось с южной стороны черепа костяка 1, частично заходя под него. Округлой формы, слегка вогнуто, одной стороны немного срезано для крепления ручки, ширина 13 см, длина по оси ручки 11.6 см, толщина 0.5 мм. В месте крепления ручки имеется 2 сквозных отверстия диаметром 0.3 см и по самому краю 2 обломанных сквозных отверстия того же диаметра. Сохранился так же след от ручки, вероятно, деревянной – прямоугольной формы с закругленными углами, ширина 5 см. Она примерно на 1.5 см заходила на поверхность зеркала.

2. Бронзовое зеркало 2. Находилась северней черепа костяка 2, лежало под наклоном, ручкой на юго-восток. Цельнолитое, форма округлая, слегка вытянуто по оси ручки, ручка прямоугольная, конец ручки не обработан. Размеры: 10.7x10.1 см, размеры ручки: 5x2 см. Толщина ручки доходит до 0.7 см на конце, толщина зеркала 0.1–0.3 см.

3. Предмет костяной – ворворка(?). Находился на левом крыле тазовых костей. Выполнен из головки кости животного, имеет сквозное отверстие в центральной части. Диаметр 2.2 см, диаметр отверстия 0.7 см, толщина 0.7 см.

4. Фрагмент железного предмета. Лежал между верхней частью левой половины грудной клетки костяка 2 и левой плечевой костью. Длина 2.3 см, толщина 0.5 см.

5. Фрагменты железного предмета. Находились северней бедренной кости левой ноги костяка 2. Вытянутой неопределенной формы, длиной 2.5 см и 5.5 см, толщиной около 0.4 см. Предназначение определить не удалось.

6. Фрагмент керамического сосуда, светло-серого цвета. Располагался к юго-западу от черепа костяка 1 в 0.1 м от него. Представлен дном сосуда с придонной частью. Диаметр дна 5 см. На внутренней части круговые концентрические валики.

7. Керамический сосуд – серолощенная миска. Находилась в 0.1 м к юго-востоку от правой кисти руки костяка 1. Дно слегка вогнуто, диаметр венчика 23.2 см, диаметр дна 11.5 см высота 6.1 см.

8. Керамический сосуд – горшок. Стоял с западной стороны от керамической миски (находка 7), вплотную к ней. Темного серо-коричневого цвета, покрыт сажей. Высота сосуда 13.8 см, диаметр венчика 13.5 см, диаметр дна 12 см. Венчик отогнут наружу, дно ровное.

9. Керамический сосуд – кувшинчик. Находился в 0.2 м к юго-востоку от берцовых костей правой ноги костяка 1. Стоял вертикально, ручкой на юго-восток. Светлого серо-коричневого цвета, поверхность шероховатая. Венчик слегка отогнут наружу, расширяется к средней части тулова, дно ровное, с одной стороны от верхней части тулова до нижней крепится ручка, округлая в сечении. Высота сосуда 12 см, диаметр дна 7.2 см.

10. Предмет железный – нож. Находился с южной стороны миски (находка 7), немного глубже миски. Был в комплексе с костями животного: лопатка и мелкий фрагмент кости. Нож с горбатой спинкой и черешком.

Однолезвийный, лезвие вогнуто, к спинке нож утолщается. Черешок небольшой, возможно обломан, имеется заклепка в месте перехода черешка в лезвие. Длина лезвия 8,5 см, ширина 1,8–2 см, толщина спинки 0,3 см. Длина черешка от места перехода в лезвие 3,1 см, диаметр заклепки около 0,4 см.

11. Кости животного. Представлены лопаткой и фрагментами ребер особи мелкого рогатого скота. Располагались в миске (находка 7) и рядом с ней.

Определяющее значение для датировки погребения имеют найденные в нем зеркала. Зеркало, находка 1, относится к варианту 1 типа III по классификации И.И. Марченко. Для памятников Прикубанья исследователь предлагает датировать эти зеркала второй половиной IV–III вв. до н.э.⁷. В свою очередь, Т.М. Кузнецова, опираясь на причерноморские аналогии, предлагает для подобного зеркала из кургана 19, погребение 1, кург. мог. Чограй II дату V–IV вв. до н.э.⁸.

Зеркало, находка 2, имеет большое сходство с зеркалом из разрушенного в 1935 г. подкурганного погребения у сел. Заюково, Кабардино-Балкария⁹. К сожалению, датировка заюковского зеркала осталась не ясна. В.И. Козенкова предположительно относит его к скифскому времени. Возможно, подобные зеркала являлись местным подражанием скифским зеркалам с металлической ручкой. Полной аналогией зеркалу из Прогресса-2 является находка из коллективного склепа под станицей Новомарьевской вблизи г. Ставрополь. Склеп имеет довольно размытую датировку в пределах III–I вв. до н.э.¹⁰

Интересны два лепных, довольно грубых горшка с плоским дном (рит. компл. 1, нах. 1 и находка 8 из погребения). Они находят многочисленные аналогии в савроматской керамике Дона и Поволжья, отдел III плоскодонной посуды по К.Ф. Смирнову¹¹. Сосуды этого типа обычны на всем временном протяжении савроматской культуры, однако исследователь отмечает, что в IV в. до н.э. «..тулово приобретает более правильные шаровидные очертания.., исчезает орнамент в виде горошин или округлых ямок под венчиком»¹². Именно эти признаки мы наблюдаем на рассматриваемых сосудах.

Крупная лепная миска (находка 7) имеет некоторые аналогии среди керамики сарматского времени III–I вв. до н.э. с территории Центрального Предкавказья¹³. Вместе с тем, некоторые черты ее формы (близкое к полусферическому тулово, слабо выделенный венчик) отсылают к мискам более раннего времени¹⁴. Как нам кажется, датировка погребения укладывается в IV в. до н.э., может быть, с небольшим заходом в предшествующее и последующее столетия. Остальные предметы из погребения имеют длительный период бытования и не могут уточнить его хронологию.

Кург. 4. Погр. 7. Контуры могильной ямы не зафиксированы. Над погребенным находилась разрозненная наброска из мелкого и среднего булыжного камня. Погребение одиночное. Костяк взрослого человека располагался вытянуто на спине, головой на восток. Правая рука вытянута вдоль корпуса, кости кисти отсутствовали. Левая также вытянута, слабо согнута в локте, кисть лежала в паховой области. Ноги вытянуты, кости голени снесены техникой. Погребение безынвентарное, тлены и пигменты не зафиксированы. Для этого захоронения верны предположения, высказанные для погр. 18 кург. 1, его можно отнести к сарматскому времени в целом.

Кург. 4. Погр. 13. В грунте заполнения более раннего погребения 12 стенки ямы погребения 13 проследить не удалось. Выявился только юго-западный угол погребения и частично южная стенка. Могильная яма,

вероятно, имела форму прямоугольника со скругленными углами и была ориентирована по линии восток – запад с отклонением.

Погребение одиночное. Костяк взрослого человека располагался вытянуто на спине, головой на запад. Кости плохой сохранности. Руки вытянуты вдоль корпуса, предплечье левой руки и кисти обеих рук не сохранились. Ноги также сильно повреждены, скорее всего, лежали вытянуто. Тлены, пигменты не зафиксированы. В заполнении погребения обнаружен небольшой фрагмент керамического сосуда светло-кирпичного цвета. Наибольшие размеры: 3.2x2.6x0.7 см. Погребение также, предположительно, можно отнести к сарматскому времени.

Описанные выше 10 захоронений можно распределить по трем хронологическим горизонтам. К первому, более раннему, относятся захоронения: кург. 2, п. 1, кург. 3, п. 2,4, кург. 4, п. 2, а также опубликованное ранее погр.1 кург. 3. Датировка есть только для последнего, это первая половина VII в. до н.э.¹⁴. Захоронения имеют очень близкий, если не одинаковый, погребальный обряд. К сожалению, форму могильного сооружения удалось установить только для погр. 4, кург. 3, это овальная грунтовая яма. Все погребения одиночные, умершие уложены скорченно, на левом боку (п. 2 кург. 3 – правый бок), головой на восток или юго-восток. Во всех случаях кисть одной или обеих рук протянута к лицевым костям черепа.

Погребения подобного типа известны в курганных могильниках предкавказских степей. Так, В.А.Коренько исследовал два подобных захоронения в Арзгирском районе Ставропольского края¹⁶. Автор осторожно отнес их к предскифскому времени. Подборку аналогичных комплексов представил С.Л. Дударев¹⁷. Он отнес их к черноговорской группе и суммарно датировал X–VIII вв. до н.э.¹⁸. Исследователь оперировал только комплексами, имеющими инвентарь. Культурная принадлежность этих памятников крайне спорна и на настоящий момент сколько-нибудь устоявшегося мнения не существует.

Как правило, подобные захоронения, не имеющие инвентаря, принято относить к эпохе поздней бронзы или оставлять вне исторического контекста. Пример погребений из могильника Прогресс-2 показывает, что, по крайней мере, часть их, имеющую определенный набор обрядовых признаков, можно отнести к начальному периоду эпохи раннего железа.

К следующему этапу относится погр. 3 кургана 4. Погребения этого времени, рубежа скифской и сарматской эпох в Предкавказье, довольно редки, хотя в последнее время их постепенно становится известно все больше¹⁹. Зачастую они сочетают в себе элементы поздней савроматской, скифской и позднекобанской культур, что отражает синкретичный характер населения региона, уже прошедшего длительный путь контактов и взаимодействий. Следует отметить, что большинство упомянутых выше захоронений расположены в степной части Предкавказья, иногда вблизи его северных границ. Погребение из могильника Прогресс-2, пожалуй, самое южное, близкое к горам, из комплексов данной группы. Мы, вслед за А.О. Наглером и В.В. Гридневым, склонны, все же, связывать эти захоронения с южной периферией распространения савроматов²⁰.

Наиболее поздняя группа захоронений эпохи раннего железа представлена погр. 18, к. 1; п. 11, к. 2; п. 3, к. 3; п. 7, к. 4; п. 13, к. 4. К сожалению, только одно захоронение этой группы, п.11, кург.2 имеет инвентарь, позволяющий датировать его в пределах II-I вв. до н.э. Вместе с тем, детали погребального обряда указанных погребений создают некоторую их общность. Все погребения впускные в курганы более раннего времени, погребенные лежали вытянуто, на спине. В трех случаях

зафиксирована прямоугольная грунтовая яма, ориентировка широтная (2 – в западном секторе, 2 – в восточном), в одном случае – северная. В двух случаях фиксируется положение кисти руки на крыло таза.

О культурной принадлежности погребений с данным комплексом признаков нам уже доводилось писать²¹. Его носителями являются сарматские племена, традиционно отождествляемые с сираками. Всю группу в целом следует датировать в пределах III–I вв. до н.э. В тоже время, в обряде всех этих погребениях нет признаков, которые могли бы связать их с более ранним временем (например, использование охры при оформлении могилы). В кургане 1 могильника Прогресс-2 было исследовано 18 поздних, скорее всего, мусульманских, погребений: 2–4, 6, 7, 9–17, 20, 22, 23, 33²². Эти захоронения также имели вытянутое положение покойных при строгой западной ориентировке. Однако, в процессе раскопок, они уверенно отличались от древних погребений по хорошей сохранности костного материала.

Погребения эпохи раннего железа курганного могильника Прогресс-2, как и захоронения Нартанского могильника²³, указывают на постоянное желание степных кочевников контролировать выходы из горных ущелий в степь. Они являются, на сегодняшний день, наиболее южным точками, где зафиксировано продвижение ранних кочевников, скифов, савроматов и сарматов к горам.

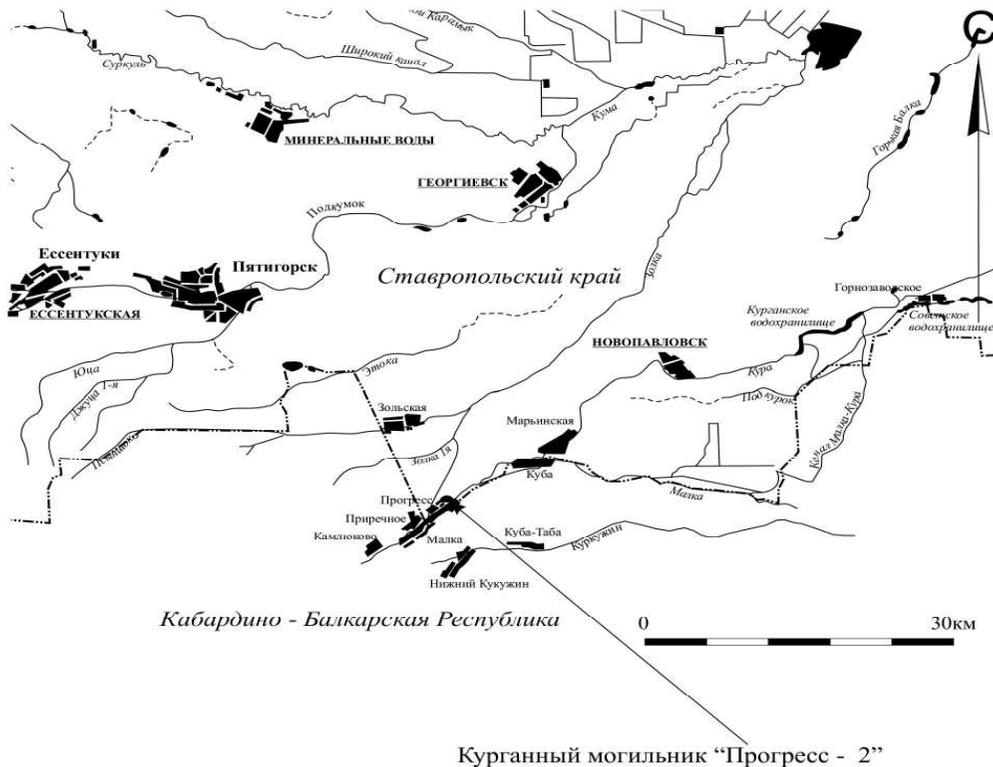

Рис. 1. Месторасположение могильника Прогресс 2.

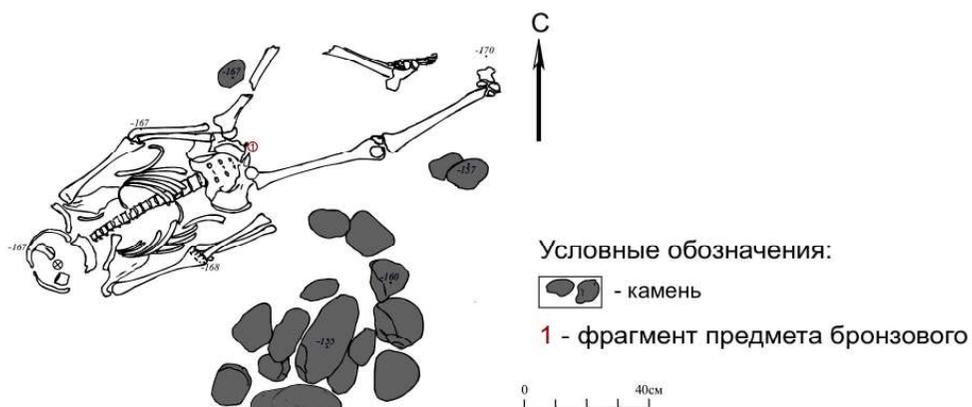

Рис. 2. Курганный могильник Прогресс 2. Курган 1. Погребение № 18.

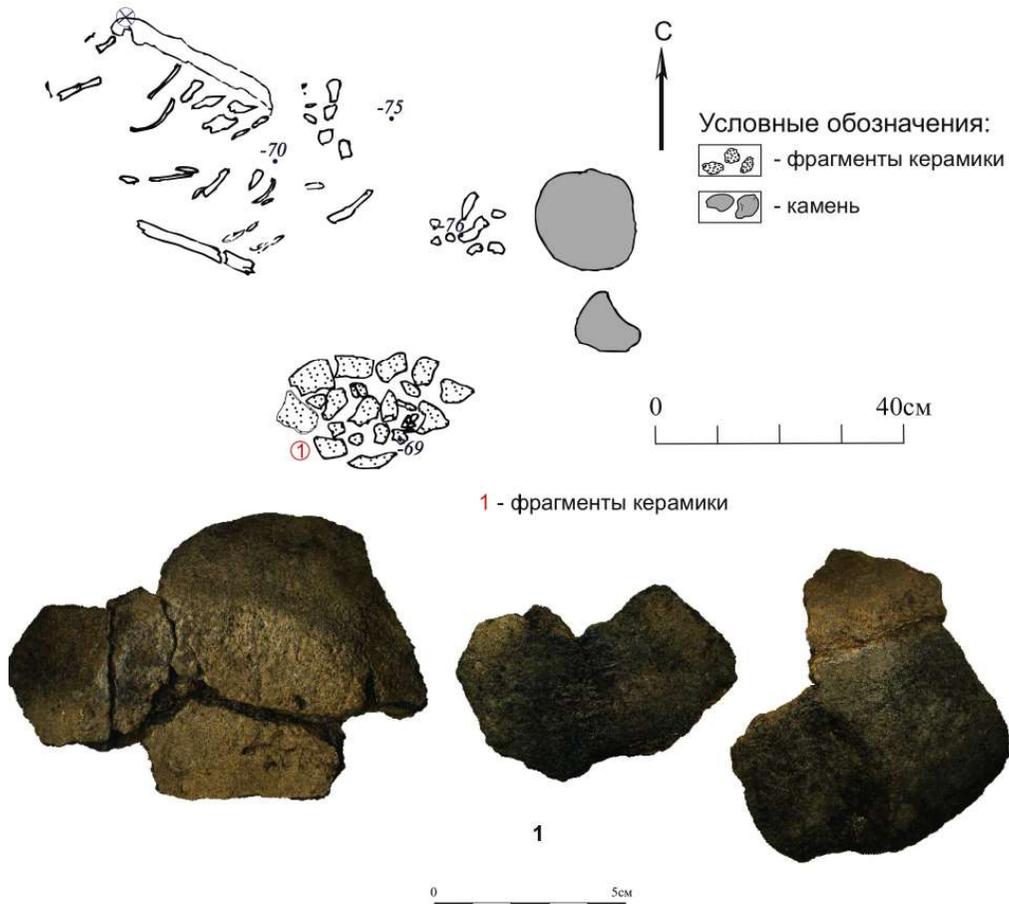
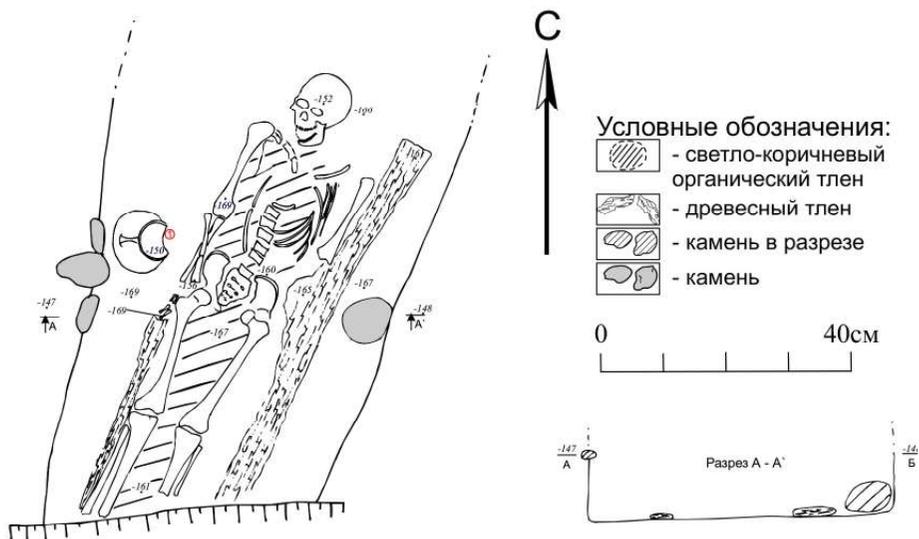

Рис. 3. Курганный могильник Прогресс 2. Курган 2. Погребение № 1.

1 - сосуд керамический

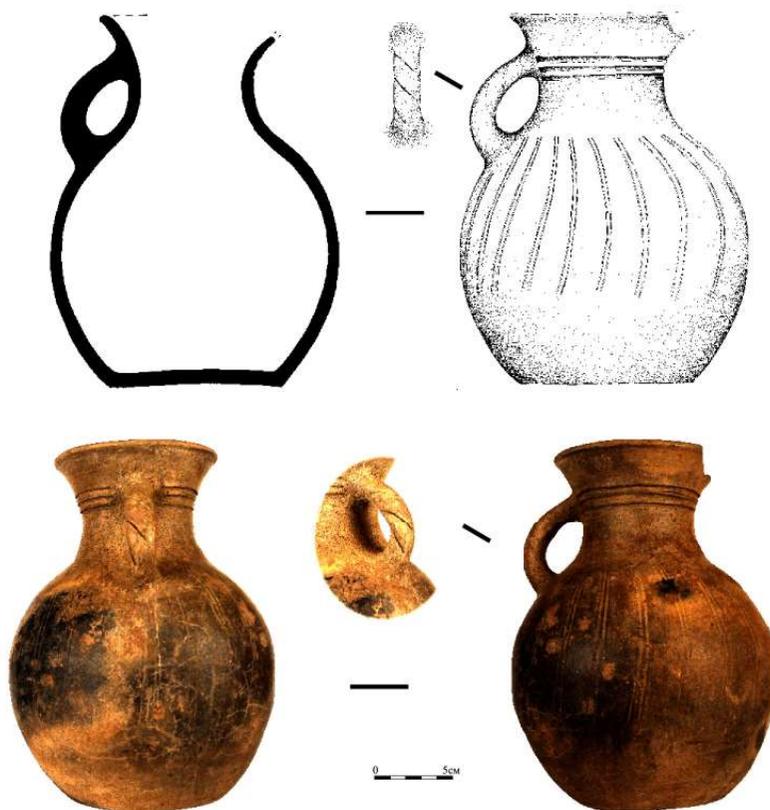

Рис. 4. Курганный могильник Прогресс 2. Курган 2. Погребение № 11.

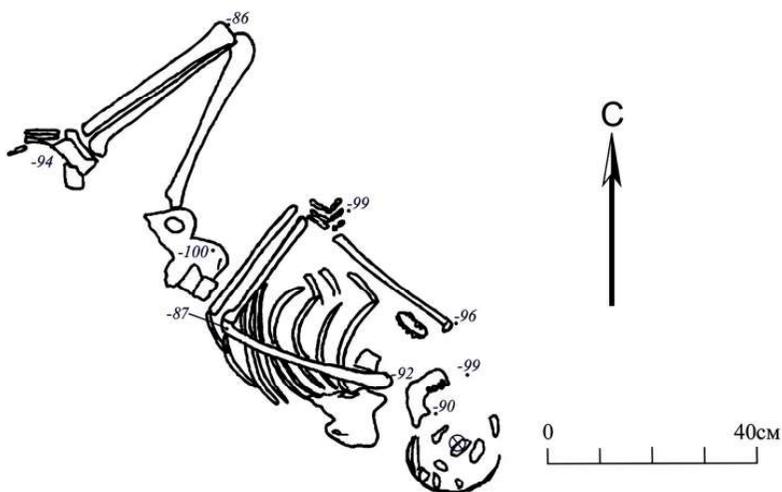

Рис. 5. Курганный могильник Прогресс 2. Курган 3. Погребение № 2.

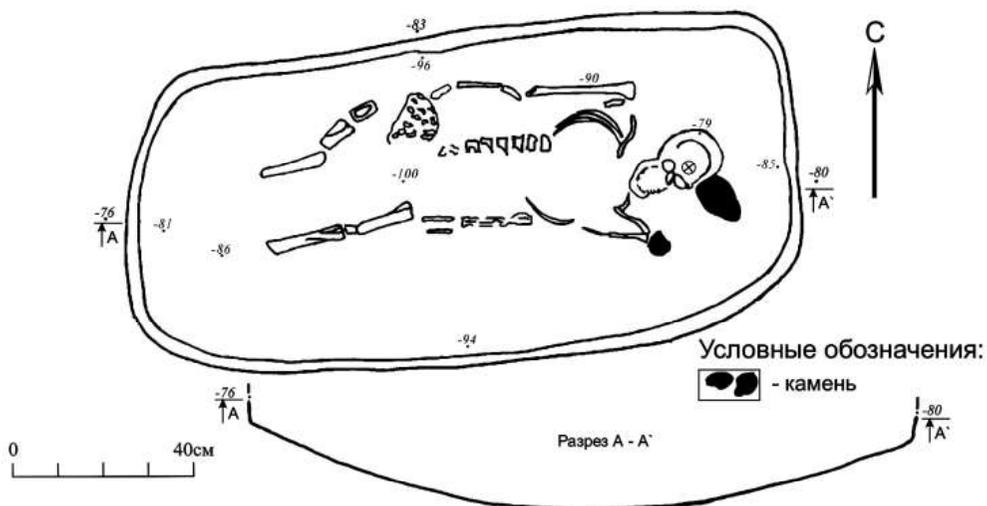

Рис. 6. Курганный могильник Прогресс 2. Курган 3. Погребение № 3.

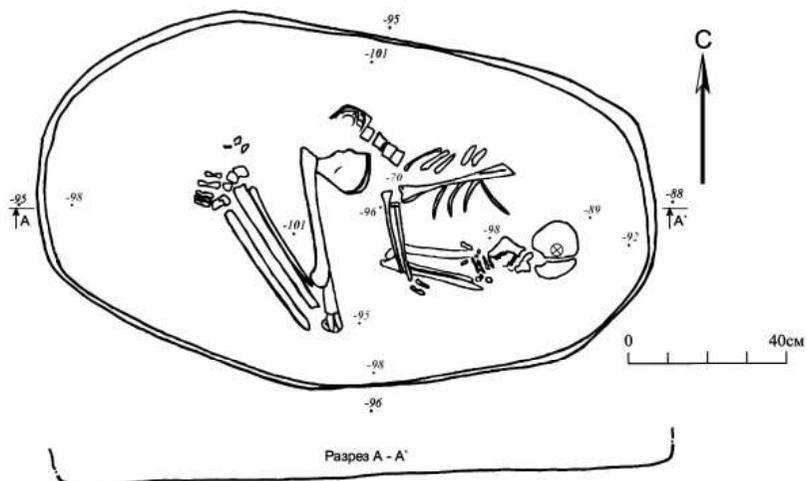
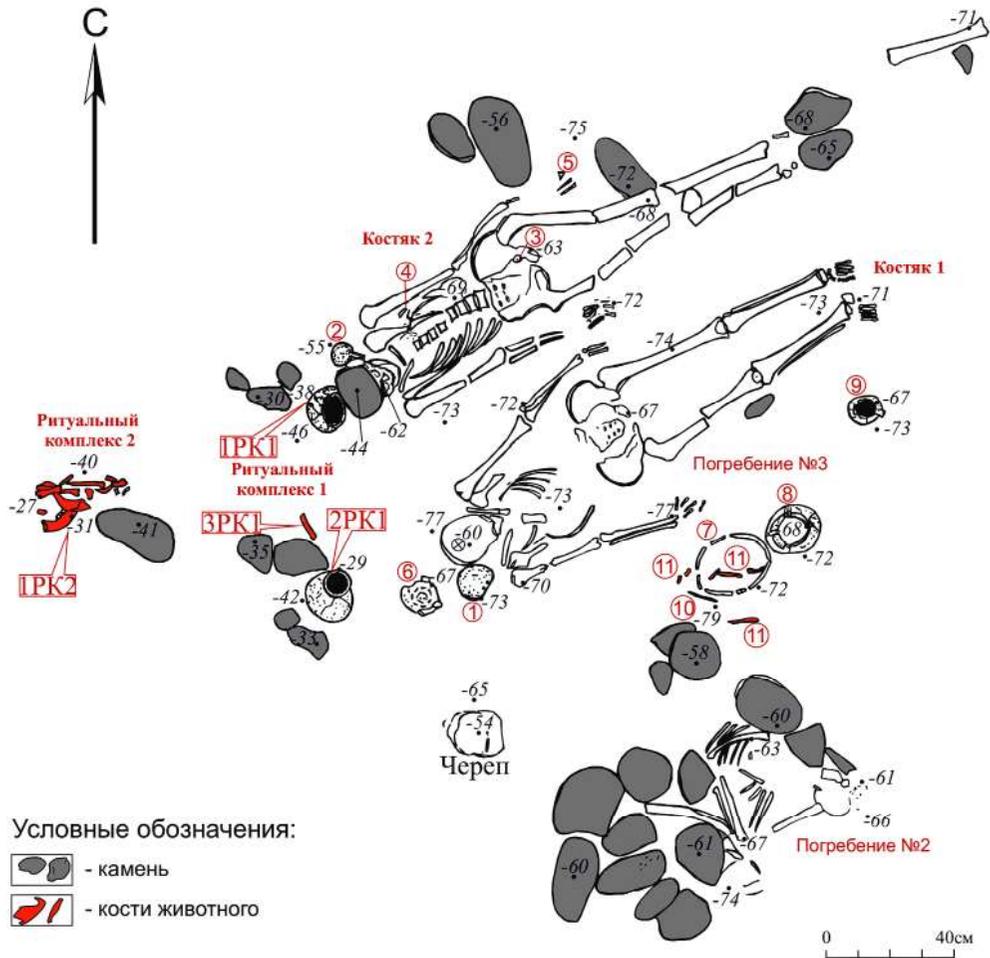

Рис. 7. Курганный могильник Прогресс 2. Курган 3. Погребение № 4.

Находки погребение №3

- 1 - зеркало бронзовое
- 2 - зеркало бронзовое
- 3 - ворворка костяная
- 4 - фрагмент железный
- 5 - фрагмент железный
- 6 - фрагмент сосуда керамического
- 7 - миска керамическая
- 8 - сосуд керамический
- 9 - сосуд керамический
- 10 - нож железный
- 11 - кости животного

Находки ритуальный комплекс №1

- 1PK1 - сосуд керамический
- 2PK1 - сосуд керамический
- 3PK1 - кости животного

Находки ритуальный комплекс №2

- 1PK2 - кости животного

Рис. 8. Курганный могильник Прогресс 2. Курган 4. Ритуальные комплексы 1, 2. Погребения № 2, 3.

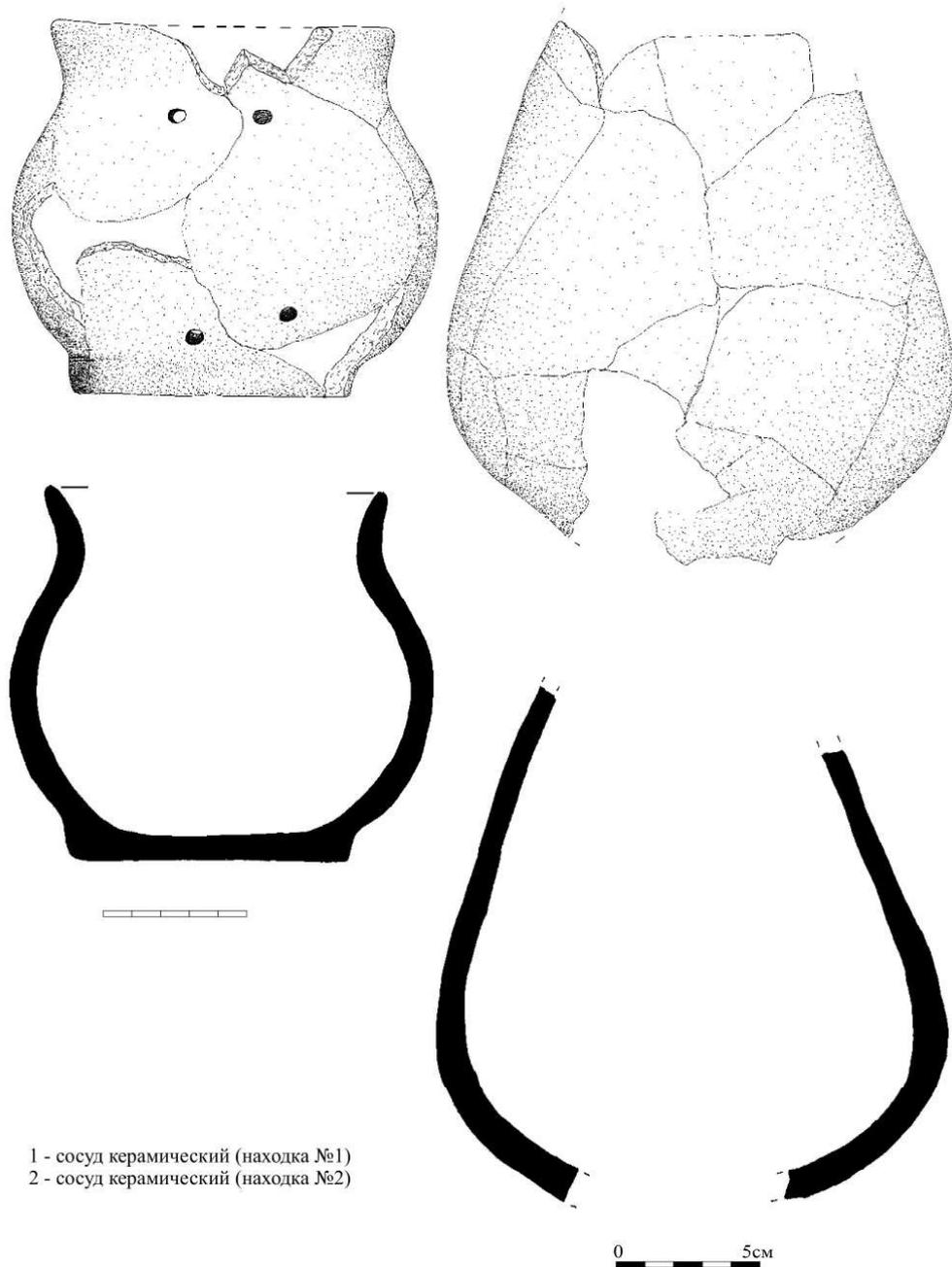

Рис. 9. Курганный могильник Прогресс 2. Курган 4.
Ритуальные комплексы 1. Находки.

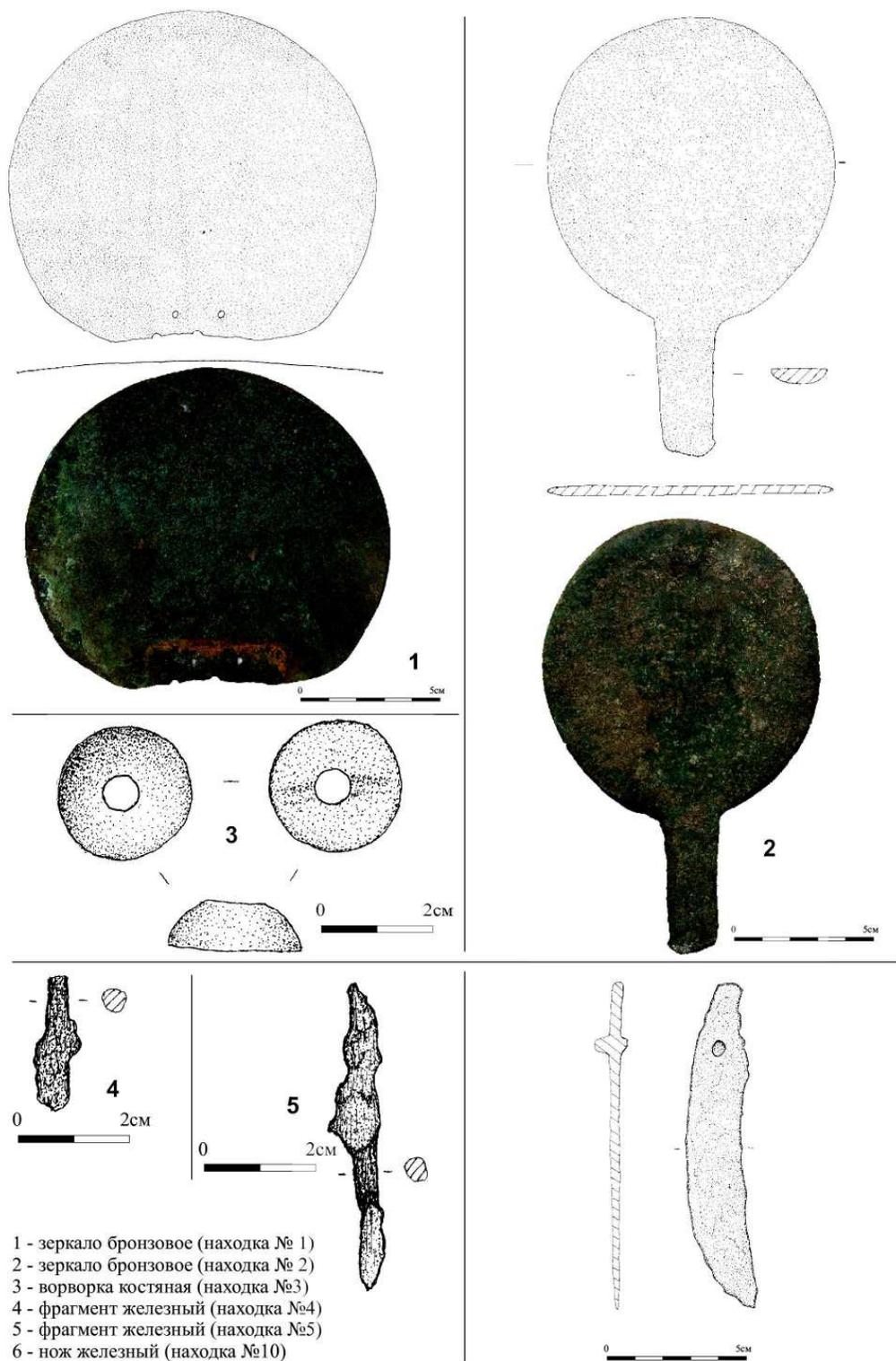
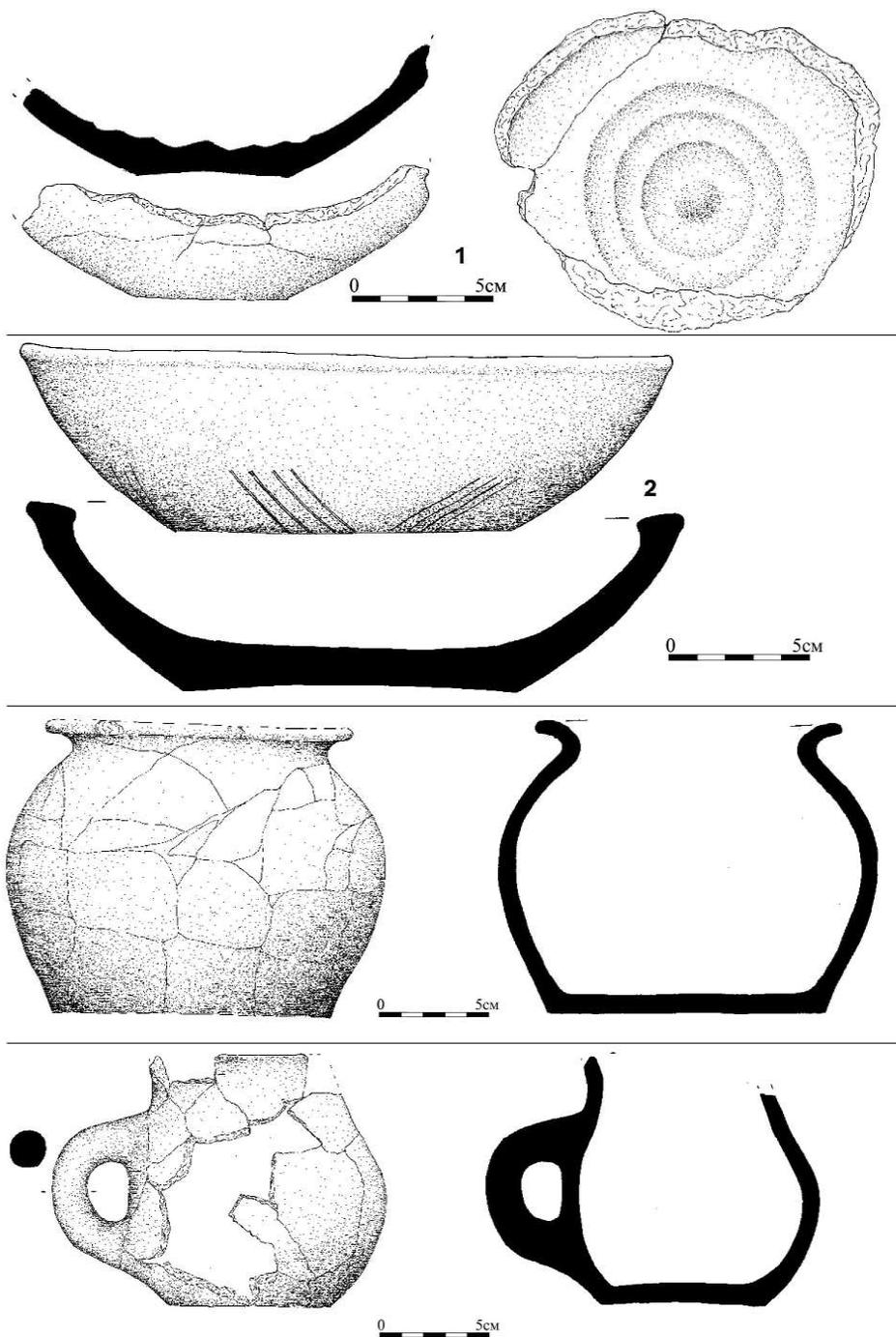

Рис. 10. Курганный могильник Прогресс 2. Курган 4. Погребения № 2, 3. Находки.

- 1 - фрагмент сосуда керамического (находка №6)
- 2 - миска керамическая (находка №7)
- 3 - сосуд керамический (находка №8)
- 4 - сосуд керамический (находка №9)

Рис. 11. Курганный могильник Прогресс 2. Курган 4.
Погребение № 3. Находки.

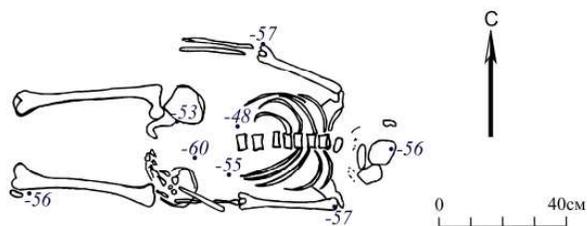

Рис. 12. Курганный могильник Прогресс 2. Курган 4. Погребение № 7.

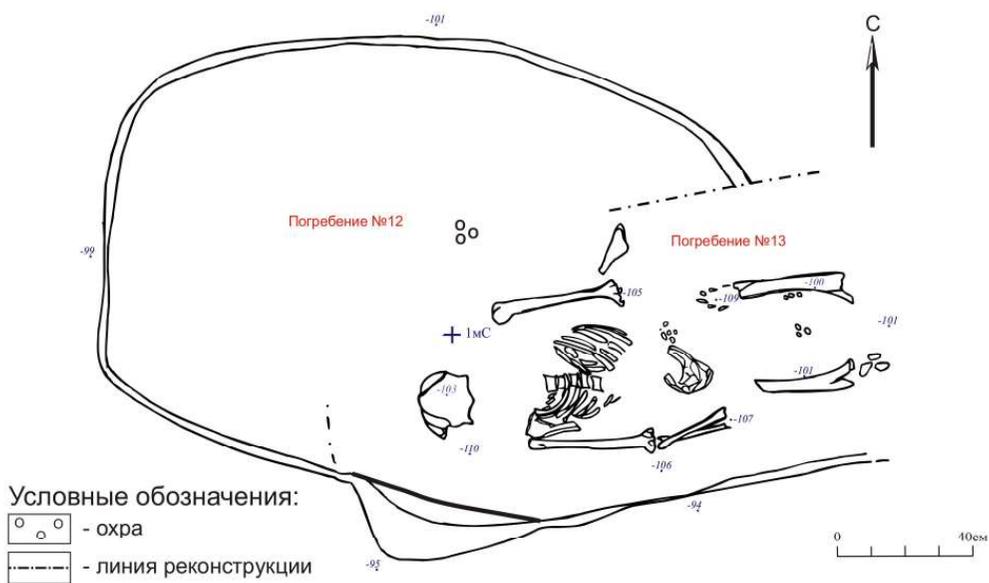

Рис. 13. Курганный могильник Прогресс 2. Курган 4. Погребение № 13.

Рис. 11. Курганный могильник Прогресс 2. Погребение № 13. Фрагмент сосуда керамического (находка из заполнения ямы).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Корневский С.Н., Березина Н.Я., Березин Я.Б., Грески Ю. Новые погребения протоямной культуры на Ставрополье // Горы Кавказа и Месопотамская степь на заре бронзового века. М.: ИА РАН, 2019. С. 155–178; Березин С.Я., Маслов В.Е. «Раннескифское» погребение в могильнике Прогресс-2 // КСИА. Вып. 245. Ч. 1. М.: Изд. Дом ЯСК, 2016. С. 191–202.
2. Березин Я.Б. Сарматские погребения на территории Среднего Притеречья (по материалам раскопок 1980-х годов) // Археологический журнал. № III–IV. Армавир: Центр археологических исследований АГПУ, 2010. С. 35.
3. Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время. М.: ИА РАН, 1993. С. 40–41. Рис. 8: 5–12.
4. Керешов Б.М. Чегемский курган-кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик: Эльбрус. Т. 2. С. 183.
5. Абрамова М.П. Центральное Предкавказье ... С. 35–36.
6. Кореняко В.А., Найдено А.В. Погребения раннего железного века в курганах на р. Томузловка (Ставропольский край) // СА. 3. М.: Наука, 1977. С. 236–239.
7. Марченко И.И. Сираки Кубани. Краснодар: Изд-во КГУ, 1996. С. 16–17.
8. Кузнецова Т.М. Зеркала из сарматских погребений Ставрополья // КСИА. Вып. 162. М.: Наука, 1980. С. 103. Рис. 1: 2.
9. Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. САИ. Вып. В 2–5. Т. 5. М.: ИА РАН, 1998. С. 85. Табл. XXVIII, 7.
10. Березин Я.Б., Лычагин А.В. Новое захоронение в склепе сарматского времени на Ставропольской возвышенности // МИАСК. Вып. 18. Краснодар-Армавир, 2020. С. 84–128. Рис. 14: 5.
11. Смирнов К.Ф. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М.: Наука, 1964. С. 112. Рис. 62: 1–14).
12. Смирнов К.Ф. Савроматы... С. 112.
13. Абрамова М.П. Центральное... Рис. 14: 24–43.
14. Козенкова В.И. Материальная основа... С. 96, 97. Табл. XXXV: 3.
15. Березин С.Я., Маслов В.Е. «Раннескифское» погребение... С. 196.
16. Кореняко В.А. Погребения предскифского времени на Восточном Маньче // КСИА. Вып. 170. М.: Наука, 1982. С. 64–70. Рис. 1: I, II, III.
17. Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками юго-восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир: АГПУ. С. 38–39. Рис. 2–6.
18. Дударев С.Л. Указ. соч. С. 39.
19. Наглер А.О., Гриднев В.В. Новые материалы эпохи раннего железа из Моздокского района СО АССР // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе: СОГУ, 1986. С. 64–67. Рис. 2; Березин Я.Б., Гудалин В.В., Ростунов В.Л. Погребения раннего железного века из юго-восточной части Ставропольского края // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IX. Ставрополь: Наследие, 2009. С. 273–278; Березин Я.Б. Сарматские погребения на территории... С. 44. Рис. 16, 7; Березин Я.Б., Ростунов Е.В. Сарматские захоронения Кобийского могильника. МИАСК. Вып. 12. Армавир: Центр археологических исследований АГПУ, 2011. С. 60–62, 67–69. Рис. 10–14.
20. Наглер А.О., Гриднев В.В. Новые материалы... С. 67; Березин Я.Б., Ростунов Е.В. Сарматские захоронения... С. 69.
21. Березин Я.Б. Сарматские погребения на территории ... С. 32–33.
22. Березин С.Я. Отчет об археологических раскопках курганного могильника «Прогресс-2» на территории Кировского района Ставропольского края в 2010 году. Архив ИА РАН. С. 15–24, 35–36.
23. Батчаев В.М. Курганы скифского времени у селения Нартан // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2. Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 54.

Список сокращений

АГПУ – Армавирский государственный педагогический университет.
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.
Изд. дом ЯСК – Издательский дом “Языки славянской культуры”
КГУ – Кубанский государственный университет.
КСИА – Краткие сообщений Института археологии.
МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа.
СА – Советская археология.
САИ – Свод археологических источников.

S.Y. BEREZIN, Y.B. BEREZIN

**BURIALS OF THE EARLY IRON AGE FROM THE PROGRESS-2
BURIAL MOUND ON THE MALKA RIVER**

The article presents the materials of 10 burials of the early Iron Age, excavated by the authors in 2009–2011 at the Progress-2 burial mound on the border of the Stavropol region and Kabardino-Balkaria. Half of them belong to the beginning of the first thousand BC, 1 is associated with the sauromats and dates back to the IV century BC, 4 more are dated within the III–I centuries BC and left by the Sarmatians-siraks. The burial inventory is quite modest, represented by ceramics, ornaments and small household items. Burials of the early Iron Age of the Progress-2 burial mound are, to date, the southernmost point where the advance to the mountains of early nomads, Scythians, Savromatians and Sarmatians is recorded.

Keywords: Stavropol region, Kabardino-Balkaria, Malka river, burial ground, burial, Savromatians, Sarmatians.

С.Б. Бурков
(г. Владикавказ)

**ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ РЕКОНСТРУКЦИЙ
НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ
ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ III в. ДО Н.Э. – IV в. Н.Э.
В МОНОГРАФИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ XXI в.
(вопросы историографии)**

Статья посвящена авторской оценке основных направлений в изучении вопросов реконструкции этнокультурных проблем у населения Центрального Предкавказья в период III в. до н.э. – IV в. н.э., представленных в монографических изданиях XXI в., основанных на археологических источниках. В работе изложены новые подходы в оценке характера взаимоотношений кавказских и иных этнических групп, с позиций оценки производственных моделей, применяемых в условиях предгорных равнин. Основываясь на данных погребально-поминальных практик, рассматриваются вопросы социальной стратификации во вновь зарождающихся социумах. Дана авторская оценка концепции формирования ранеаланского археологического комплекса.

Ключевые слова: сарматы, аланы, древности, раскопки, научные публикации, исследования, могильники, погребения, исторические реконструкции.

Исторические реконструкции этнокультурного поля Центрального Предкавказья в эпоху раннего железного века всегда были одной из центральных тем в исследованиях отечественных исследователей. Данной проблематике посвящены многие из трудов последних лет¹.

Первый опыт изучения проблематики приходится на начало 60-х гг. XX в. Научные изыскания на эту тему были продолжены и позднее². Все подобные публикации можно условно разделить на две категории. К первой следует отнести труды тех ученых, которые предпочитали выстраивать свои концепции на основе детальной проработки всех доступных им источников, и были всегда осторожны в своих выводах. Работы второго типа представляют собой набор реконструкций, основанных на собственных представлениях о прошлом, с привлечением для своих суждений, в основном, идей политико-лингвистического содержания. При этом данные археологии служат им своеобразным «фоном» для «подкрепления» заранее определенных ими в качестве «неизбежных аксиом» заключений и выводов. Эти попытки не остались вне внимания академических исследователей³. В ряде случаев это приводит к появлению ответных дискуссионных работ⁴. Тема, связанная с разбором данной проблематики, требует отдельной публикации. Целью же настоящей статьи является обзор проблем этнокультурных реконструкций у населения Центрального Предкавказья по данным археологии III в. до н.э. – IV в. н.э., представленных в монографических изданиях XXI в. В некоторых случаях мы будем привлекать ряд статей, в которых данная тема представлена наиболее обстоятельно.

Публикаций, которые были бы полностью посвящены данной проблематике, немного. В основном – это небольшие статьи и тезисы докладов на конференциях, и прежде всего – в «Крупновских чтениях» по археологии

Северного Кавказа». К ним же можно отнести и материалы, изданные по результатам научных дискуссий⁵. В последующем, часть этих материалов нашла свое продолжение в ряде монографий, в которых подробно представляются системы доказательств их авторов. Именно они и являются, в основном, предметом нашего изучения. В нем мы не рассматриваем те главы и отдельные труды, которые построены на письменных источниках, т.к. их анализ уже был произведен в ряде работ В.А. Кузнецова, А.А. Туалагова, Ф.Х. Гутнова, Т.А. Габуева и других авторов. В связи с тем, что тема, связанная с происхождением раннеаланской археологической культуры, во-многом посвящена проблеме появления катакомбного обряда погребения как этнокультурного маркера алан в качестве этноса, в своем обзоре мы будем кратко обращаться и к этой тематике, которая, в той или иной степени, представлена в большинстве из привлекаемых нами работ.

Некоторые вопросы историографии представляемой в данной статье проблематики отражены в ряде работ В.Б. Виноградова, В.А. Петренко, Я.Б. Березина, С.Н. Савенко. Первая из них принадлежит В.А. Петренко. В ней автор коснулся исследований, проведенных на материалах Среднего Притеречья⁶. В 1986 г. эту тему кратко затронули В.Б. Виноградов⁷ и Я.Б. Березин⁸. В 1988 г. выходит их совместная публикация, в которой представлен новый подход к формированию т.н. «предаланской» этнокультурной среды, с кратким экскурсом в данную проблему⁹. Здесь же следует упомянуть и статью С.Н. Савенко, посвященную итогам изучения сарматской и раннеаланской культур членами Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. В ней, кроме публикаций В.Б. Виноградова, В.А. Петренко, Я.Б. Березина есть и оценки основных идей, принадлежащие М.П. Абрамовой, В.Б. Ковалевской, Ю.А. Прокопенко, Т.А. Габуеву, В.Ю. Малашеву¹⁰. Работы В.А. Петренко, связанные с изучением этнокультурных процессов сармато-раннеаланского времени, представлены в наших трудах¹¹. Данная статья продолжает это направление, применительно к теме реконструкции этно-исторических и социокультурных процессов у населения Центрального Предкавказья по данным археологии III в. до н.э. – IV в. н.э. В нашем исследовании применен временной принцип: материалы представляются по мере их публикации.

Наш обзор следует начать с монографии М.П. Абрамовой, подготовленной ею в конце 2001 г., но опубликованной в 2007 г.¹² Этот труд продолжает цикл подобных же ее работ, изданных ранее¹³. Их анализ дан нами в отдельной статье, посвященной подобным изданиям, вышедшим из печати до начала XXI в.¹⁴

В представляемой здесь книге речь идет о курганных могильниках первых веков нашей эры, изученных в различные годы на территории Северного Кавказа. Для нас интересны разделы, в которых автор анализирует материалы курганных могильников центральных и северо-восточных районов края. В частности, ее разбор различных точек зрения на эволюцию катакомбного обряда погребения и распространение Т-образных катакомб, особенно – в грунтовых могильниках, в носителях которых видится смешанное население, включавшего в себя как местное, так и пришлое (но не аланское) – сообщество. Рассмотрены позиции различных исследователей (Т.А. Габуев, Б.М. Кереев, В.Б. Виноградов и Я.Б. Березин) на этот предмет исследования. Был сделан вывод о том, что большинство исследователей не противопоставляет этнически группы населения, оставившие грунтовые катакомбные могильники и более поздние подкурганые катакомбы. Отмечено изменение прежней позиции В.Б. Виноградова и Я.Б. Березина об аланском происхождении катакомб, представленную в

работе 1985 г.¹⁵ Самые ранние грунтовые катакомбы на территории Терско-Сунженского междуречья датированы не ранее середины II в. н.э., но с такой же степенью вероятности – и первой половиной III н.э., тогда как подкурганые – III–IV вв. н.э. Важное наблюдение, высказанное автором в работе: данные о датировке этих двух групп катакомб не могут быть использованы для подтверждения тезиса о возможной генетической связи оставивших их групп населения. В то же время, сопоставляя между собой особенности их погребального обряда, М.П. Абрамова приходит к выводу о возможности генетической связи населения, оставившего эти две группы памятников. Эти материалы говорят об общей линии развития. Поэтому – она не может согласиться с точкой зрения на то, что распространение катакомб было связано с проникновением на территорию Центрального Предкавказья новых групп населения. Особая ситуация – в Затеречье, здесь увеличивается численность населения, возникают многочисленные городища и курганные некрополи, связанные с ними. Она считает, что курганные захоронения могли быть присущи и рядовому населению, хотя в основном – это погребения знати. Но, как правило, эти типы погребений характеризуют этнические различия (грунтовые погребения – местное население, курганные – пришлое, кочевое). Однако, для крупных городищ грунтовые погребения почти не известны. Она считает возможным предположить, что здесь заметно сокращается численность оседлого населения, ведь территория Терско-Сунженского междуречья пригодна для кочевания. Но в этом случае нет объяснения тому, кто же построил все эти многочисленные городища с продуманной и разветвленной системой обороны, ведь кочевники такими навыками не обладали, да и численность строителей должна быть очень значительной. В противоречии с ее предыдущими высказываниями звучит и тезис об увеличении численности населения в Затеречье. Она считает возможным говорить о наличии курганных могильников применительно к оседло-земледельческому населению, которые не являлись показателем особого социального статуса. Территория Терско-Сунженского междуречья заселялась выходцами с территории Кабарды постепенно, но синхронно и различными группами населения – оседлыми племенами с грунтовыми катакомбами и кочевниками – с подкурганскими. Основная масса населения вела оседлый образ жизни, но был ряд группировок с подвижным характером хозяйства. Курганные могильники Северо-Восточного Кавказа, под которыми М.П. Абрамова в данном контексте понимала территорию современного Дагестана, рассмотрена в отдельной главе № III. Появление рядом с Андреяульским городищем в первых веках н.э. не только грунтовых, но и курганных могильников она связала с процессом имущественной дифференциации, которая воспринимается ею параллельно с обретением статуса военной знати. Подобное она отмечает и для территории Терско-Сунженского междуречья, но уже – как проявление социальной стратификации. В «Заключении» она пишет, что эта территория, совместно с северными районами Дагестана, в первые века н.э. были периферией для сармат и алан, в связи с чем проникавшие сюда племена переходили к стабильному обитанию, что приводило к распространению устойчивых признаков культуры. Социальные процессы для этой территории были связаны с периодом не ранее III–IV вв. н.э. Курганные могильники каждого из районов имели свои пути формирования и свои особенности.

В 2002 г. Р.Д. Арсанукаев издает монографию, посвященную обоснованию автохтонного происхождения аланской археологической культуры. В основном в ней приведены данные, касающиеся средневековых древностей.

Для нашей темы некоторый интерес представляют собранные им краткие сведения о состоянии изученности бытовых памятников на территории Чечни и Ингушетии. Среди учтенных им 150 бытовых памятников I–XIII вв. для 11 из них автором устанавливается наличие культурных слоев (или слоя), относящихся к эпохе раннего железного века. При этом отмечено, что более 40 бытовых памятников многослойны и содержат материалы трех периодов – скифского, сарматского и раннего средневековья. Их картографирование показало, что они располагаются на незначительном расстоянии друг от друга. Им обращено внимание на то, что бытовые памятники этой территории почти не изучены. Правда, автор оговаривает, что он пользовался в основном опубликованными материалами Л.П. Семенова, А.П. Круглова, Е.И. Крупнова, Т.М. Минаевой, В.И. Марковина, В.Б. Виноградова, М.Х. Багаева, Х.М. Мамаева, что заметно снижает информативность его труда. Среди прочих наблюдений автора заслуживает внимание статистические данные относительно расположения бытовых памятников. Так, по мере приближения к горам число укрепленных памятников резко сокращается. Абсолютное большинство городищ находится в зоне, предполагающей защиту с северной, степной стороны, что, по мнению автора, подтверждает точку зрения Е.И. Крупнова о появлении защитных рубежей в связи с опасностью вторжений кочевых племен. Керамический комплекс раннего средневековья имеет по Р.Д. Арсанукаеву, заметные черты предшествующих традиций, основу которых составляют местные кавказские корни¹⁶.

В 2005 г. выходит монография Ю.А. Прокопенко, посвященная комплексной оценке материалов второй половины I тыс. до н.э., происходящих с территории Центрального Предкавказья. В том числе, ней присутствует параграф, отражающий историю изучения памятников сарматского времени, представление которых сопровождается краткой характеристикой наиболее заметных научных трудов своих предшественников. Особый интерес для нас представляет глава XIV, в которой дан ряд проблем этнополитической истории края, с выделением параграфа, посвященного этнической истории во II в. до н.э. – начале I в. н.э.¹⁷ В дальнейшем эти же разделы, но уже в несколько переработанном виде, опубликованы еще раз – в монографии в двух частях, вышедшей в 2013 и 2014 гг. Эта работа является расширенным вариантом монографии 2005 г. Представление основных разделов, связанных с нашей темой, мы будем вести по этим двум книгам, т.к. в них заложены наиболее поздние трактовки авторского видения изучаемых им проблем. В первой части для нас особенно важна та часть, в которой представлен обзор научных публикаций и мнений исследователей, в т.ч. – по проблемам этно-культурного взаимодействия и формирования на данной территории особых контактных зон, в которых происходили процессы межкультурной коммуникации оседло-земледельческого и кочевого населения. Автор выделил в отдельный блок историю полевого изучения памятников, чем значительно облегчил последующие изыскания исследователям, работающим в этой области. Историография изучения сарматских памятников по работам предшественников представлена анализом всех имеющихся версий об их появлении на Северном Кавказе и территориях происхождения. Отдельно выделены работы М.П. Абрамовой, В.Б. Виноградова, Я.Б. Березина, В.А. Петренко, В.А. Кузнецова, Ф.Х. Гутнова в контексте проблем анализа катакомбного обряда захоронения, концепции о т.н. «пред (или – ранне) – аланском этносоциальном организме, отмечая близость позиции в этом вопросе ряда авторов. Однако позиция данного исследователя по этому вопросу четко не обозначена.

Во второй части значительное место уделено анализу материалов из бытовых памятников, что выгодно отличает эту работу из числа ей подобных. Однако в ней отсутствуют сведения о степени их изученности, не представлена стратиграфическая ситуация, нет характеристики планиграфии, хотя есть подраздел, в котором дается краткая характеристика фортификационным сооружениям. Автор считает, что городища были возведены кавказским населением. Важны сведения о скотоводстве и земледелии, которое характеризуется по ограниченному числу памятников Ставрополья. Ю.А. Прокопенко суммирует наблюдения своих предшественников о передвижениях племен, приводит данные погребального обряда и указывает на импорты в них. Для нашей темы наибольший интерес представляет раздел, в котором собраны сведения, позволяющие ему обратиться к проблеме реконструкции этно-культурную ситуацию во второй половине II в. до н.э. – начале I в. н.э., когда на территории Центрального Предкавказья начинается процесс формирования раннеаланского культурного комплекса. В частности, он обращает внимание на то, что ряд исследователей указывает на постепенный процесс седентаризации сарматских племен в Прикубанье почти на всем протяжении господства сиракского союза. В качестве свидетельства об оседании кочевников на меотских городищах Ю.А. Прокопенко отмечает открытый в 1991–1992 гг. на Восточном могильнике Старокорсунского городища № 2 участок погребений II–I вв. до н.э. с широтной ориентировкой. Он приводит мнение И.И. Марченко, который выделяет две основные составляющие этого процесса. Отмечается межэтническая интеграция внутри сиракского союза, что приводит к незначительным изменениям этнических черт, но при сохранении их основных этнических признаков. При этом появляются новые общие элементы, процессы этногенетической миксации, стимулируются оседанием кочевников на землю. Автор в своем труде использует и выводы В.А. Кузнецова о том, что в Предкавказье было две зоны: предгорья Центрального Предкавказья и территория, включающая в себя Кабардино-Пятигорье и районы более западные, в том числе Прикубанье. По мнению Владимира Александровича, в первой зоне связи горных племен с савроматами и сарматами остаются в рамках маргинального контактирования. Для другой зоны характерны внутрирегиональное контактирование и этническое смешение (миксация). Как считает кавказовед, этот процесс в районах прилегающих к Центральному Предкавказью с запада положил начало формированию интегрированной из субстрата новой этнической общности – синкретического этнического новообразования¹⁸. По его данным, резкое сокращение кочевого населения приходится на конец I в. до н.э. – рубеж н.э. Уже к середине I в. н.э. основная часть сираков являлась оседлой. В последние века до н.э. на территории Предкавказья формировались племенные союзы, включавшие как кочевое, так и оседлое население. В предгорных районах, в стороне от перевальных путей начинается постепенный процесс седентаризации сарматских племен. Это происходит в районах проживания миксированного населения (набианы, племена позднекобанской культуры, скифы). Поэтому в погребальной обрядности грунтовых могильников на территории Кабардино-Балкарии (Нижне-Джудатский и Чегемский), кроме сарматских, прослеживаются инкультурные элементы (скифские и позднекобанские). Факт их нахождения в одних могильниках, особенно для территории Кабарды, подчеркивает смешанный характер населения предгорий. Для данной зоны характерны внутрирегиональное контактирование и миксация. Эти процессы в указанных районах Центрального Предкавказья положили начало формированию

интегрированной из субстрата новой этнической общности – синкретического этнического новообразования¹⁹.

В 2005 г. В.Б. Ковалевская публикует монографию, посвященную анализу материалов, связанных с племенами скифов, сарматов и алан. В ней собраны авторские трактовки взаимоотношений местного и пришлого кочевого населения на протяжении длительного времени. Основное место в работе уделено вопросам изучения культурных традиций и инноваций. Для нашей темы наибольший интерес представляет раздел, в котором изложены авторские концепции характера взаимоотношений сармат и кавказских племен, и истории ранних алан. Как и для более раннего, т.н. «скифского» этапа, сарматский предлагается именовать «сармато-позднекобанским», подчеркивая тем самым характер тесного взаимодействия различных племен. Автор солидарен с позицией В.Б. Виноградова и В.А. Петренко, высказанной ими в работе 1983 г., относительно установления удельного веса местного и пришлого компонентов в процессах ассимиляции²⁰. В.Б. Ковалевская подробно рассматривает наиболее существенные категории погребального инвентаря, устанавливая их происхождение и роль в погребальной обрядности. Это происходит в контексте развития таких важных понятий, как «хозяйственно-культурный тип» и «историко-географическая область». Она солидарна с позицией С.А. Арутюнова и А.М. Хазанова относительно того, что этнос нельзя выделять на основе отдельно взятых элементов культуры, в том числе, и такого важного, как погребальный обряд. Так, например, такие его черты, как наличие меловой подсыпки, перекрещенные голени, положение кисти руки на таз, нельзя рассматривать в качестве этнических признаков. Наличие сосудов в миске, миски с ножом, использование передней ноги барана с лопаткой в качестве жертвенной пищи были свойственны кавказскому населению. Автором специально отмечено, что для территории РСО-Алании комплексов первых веков н.э. известно меньше, чем для других территорий (20 погребений), и все они связаны с горной зоной. Прекращение функционирования грунтовых могильников в западной части Предкавказья датируются исследователем I в.н.э. Отмечается позиция Т.А. Габуева на происхождение подкурганых катакомб в среде сармато-кавказкого населения и, по крайней мере, за два столетия до появления алан на Кавказе. В.Б. Ковалевская не соглашается с датой, предложенной этим исследователем – III в. н.э. При датировке комплексов Алхан-Калинского и Брутского могильников она относит их в общем ко II–IV вв. н.э., без уточнения раннего периода их появления. Она солидарна с позицией М.Г. Мошковой и В.Ю. Малашева о существовании генетической связи между подкурганными и более ранними северокавказскими грунтовыми катакомбами²¹. По ее мнению, формирование данного населения, практиковавшее захоронения в Т-образных катакомбах, уходит своими корнями в период конца I–II. Наличие в раннеаланской погребальной традиции курганных ровиков она рассматривает как присутствие одного из многочисленных фактов восточных влияний. Анализ проведенной ею картографии грунтовых и подкурганых катакомб убедил В.Б. Ковалевскую в их изначальном степном происхождении. Однако это отмечается не для ранних погребений (второй половины II в. н.э.), а для катакомб III–IV вв., которые по своей конструкции резко отличаются от грунтовых, что справедливо²². В то же время, для этого периода на территории Предкавказья наблюдается многообразие форм погребальных сооружений, значительные вариации в других элементах погребальной обрядности. По ее мнению, это свидетельствует об усложнении этнического состава населения. Сарматские инновации

связаны с вооружением (мечи), их положением у правого бока погребенных, а также наличием сосудов с трубчатой ручкой и зеркал с боковой ручкой или петелькой, что не снимает вопроса об их местном производстве. Возникновение сети укрепленных городищ, находящихся в зоне пограничья степей и предгорий Кавказа, В.Б. Ковалевской отнесено ко второй половине, возможно – к концу I в. н.э., но не позднее середины II в. н.э. Однако это заключение основано лишь на материалах Зилгинского городища, предком которого был какой-то неизвестный пока центр, имевший местные керамические традиции предшествующего времени, связанный, в основном, не западными территориями региона. Данный вывод Д.В. Деопик признан и автором представляемой нами здесь монографии. Указывая на наличие в подстилающем раннем слое Зилги материалах второй половины I тыс. до н.э., имеющей кобанские корни «дигорского» варианта, автор считает, что отрицать роль местного населения равнин и предгорий Центрального Предкавказья в формировании раннеаланской керамики не приходится²³.

В 2006 г. СОГУ издает учебное пособие для студентов, посвященное истории скифов и сармат на Северном Кавказе, написанное А.А. Туаллаговым. В контексте нашей темы здесь нас будет интересовать лишь раздел, посвященный сарматам и ранним аланам. Автор считает, что разнокомпонентность кочевого массива отражается в значительном разнообразии погребального обряда, что было зафиксировано материалами, в том числе – со 2 половины VI в. до н.э. Начинаются сложные процессы смешения нескольких этнических групп. Антропологические исследования определяют сложный и многокомпонентный характер сложения сарматской культуры. Вторжение сармат на Северный Кавказ начинается в конце IV в. до н.э. Укажем здесь, что исследователи, занимающиеся раннесарматской проблематикой, все же предпочитают начинать период с начала III в. до н.э. К тому же следует уточнить, о какой территории идет речь. Так, в сводке Ю.А. Прокопенко, посвященной памятникам Центрального Предкавказья, самая ранняя подгруппа I группы I (32 погребения) датирована обобщенно концом IV – первой половиной III в. до н.э. При этом исследователь специально подчеркнул, что для нее характерно присутствие позднескифских и савроматских черт²⁴. Гибнет Грушеское городище, следы пожаров зафиксированы на Ханкальском № 2 городище, где происходит захоронение клада конского снаряжения. Относительно последнего заметим, что В.А. Петренко, опубликовавший его, датировал его сокрытие концом III – началом II вв. до н.э., описываемым А.А. Туаллаговым событиям²⁵. Захоронения на цитадели верхушки местного сообщества – свидетельство подпавшего под влияние сармат. Их господство привело к утрате местным населением своего военного потенциала, что подтверждается почти полным отсутствием оружия в захоронениях кавкасион²⁶. На наш взгляд, это достаточно спорное утверждение, т.к. во многих кавказских некрополях предметы вооружения встречаются повсеместно, а сам набор состоит из той же номенклатуры, представленной и в курганах²⁷. Во II в. до н.э. возрастает интенсивность перемещения сарматских племен, усиливается аридизация степей. На Северо-Восточном Кавказе зафиксировано большое количество комплексов со II в. до н.э. Это документирует проникновение новой волны сармат в Центральное Предкавказье, где отмечаются достаточно интенсивные процессы этно-культурного взаимодействия кочевников с автохтонами (Н. Джулат, Чегем-П). Значительное количество раннесарматских памятников III–I вв. до н.э. было открыто в РСО-А., но они плохо опубликованы. Это затрудняет реконструкцию раннесарматской

истории. В горах РСО-Алания нет следов непосредственного проникновения сармат, но есть изменения в погребальной обрядности: захоронения вытянуто на спине, меридиональная ориентировка (в основном – южная). Обычно подобные изменения исследователи связывают с влиянием или непосредственным проникновением сармат, но мы пока не обладаем необходимым материалом для принятия подобного решения. У впускных погребений в курганах наблюдается в основном западная ориентировка, а керамический комплекс имеет ярко выраженный кавказский характер. Есть примеры помещения сосудов в сосуд. Кочевые группировки получили на Северном Кавказе благоприятные условия для ведения своего хозяйства, обширные возможности для торговли, контроля за торговыми путями. Сарматы использовали для захоронения естественные возвышения и грунтовые могильники. В.Е. Маслов, К.И. Красильников и Г.Г. Пятых считают, что появление в Центральном Предкавказье т.н. «курганов-кладбищ», к которым ими отнесены Чегемский, Заманкульские, «Бамутский поворот», «Орджоникидзевские» и «Самашкинские» курганы, Нижне-Джулатский могильник, курган № 2 Манаскентского могильника, Зеленоморский курган и курган № 4 могильника «Львовский – VII является либо сарматской традицией, либо отражает культурно-экономические процессы, связанные с постепенной седентеризацией скотоводческого населения в оседлом окружении, на фоне активных межкультурных контактов. Второй вариант им представляется предпочтительней²⁸. В данной работе этот вопрос рассматривается с точки зрения не этнической, а производственной (кочевание – седентеризация). К тому же авторы статьи не представляют эти погребения как социальное явление – как захоронения военной страты наездников – воинов. На наш взгляд, их появление могло документировать фиксацию смены социального статуса оседло-земледельческого населения, перешедшего к иной форме хозяйствования – подвижному скотоводству. Статусность захоронения в кургане могло означать, например, смену социальной группы – с производственной на военную. Мы считаем, что при оценке причин возникновения таких памятников должны учитываться и процессы перехода ряда групп местного кавказского населения – носителей позднекобанских и пост-каякентско-хорочоевских традиций, к подвижному скотоводству. Тем более что сопроводительный инвентарь в таких захоронениях по-преимуществу имеет либо этически нейтральный, либо кавказский облик, а погребенные в таких курганах считаются миксированным населением. По мнению А.А. Туаллагова контактная зона с автохтонами проходила не севернее р. Терек, в степях Ставрополя, а гораздо южнее – непосредственно в предгорной части РСО-Алания. Согласно данным антропологии, формирование позднего сарматского населения раннесарматской культуры происходило в процессе его перемещения на запад при активном включении в него предшествующего населения. Эра сармат на Северном Кавказе закончилась с появлением (приходом) алан, с которыми связываются Т-образные подкурганные катакомбы, наиболее ранняя их дата – II в. н.э. Здесь, на наш взгляд, следует уточнить, что самые ранние из таких погребений датируются более точно – середина – вторая половина II в. н.э. Среди погребений Бесланского могильника некоторая часть захоронений была предварительна отнесена к первой половине II в. н.э. Информация об этом присутствует в тезисах доклада О.И. Куринских и В.Ю. Малашева на «Крупновских чтениях» в 2012 г.²⁹ Однако из публикации неясно, сколько всего было найдено таких захоронений, были ли среди них погребенные в каких-то из 3 катакомб, и какой конкретно формы они были. По нашему мнению, наличие ряда вещей в

погребениях конца I в. н.э., которые продолжали какое-то время встречаться и в дальнейшем, не дает оснований для отнесения этих захоронений к первой половине II в. н.э. Переживание ряда погребальных традиций в последующих эпохах (например – раннесарматских – в среднесарматских) – вполне реально. В книге Ф.С. Дзудцева и В.Ю. Малашева, основанной на материалах Бесланского катакомбного могильника, присутствует упоминание об исследовании около 10 погребений II в. до н.э. – I в. н.э. Сведений о захоронениях первой половины II в. н.э. в ней нет³⁰. В монографии В.Ю. Малашева 2016 г. упомянуты 18 таких случаев. Они датированы второй половиной I – первой половиной – серединой II в., и все происходят из равнинно-степных курганов. К событиям, происходящим в это время в предгорной зоне Центрального Предкавказья, эти материалы прямого отношения не имеют³¹. Таким образом, пока в распоряжении исследователей нет археологических источников из некрополей этого времени применительно к зоне формирования раннеаланского археологического комплекса – предгорьям Центрального Предкавказья. Ситуация с доказательной базой на этот счет до сих пор находится на уровне, зафиксированного в работе Т.А. Габуева и В.Ю. Малашева 2009 г. В ней последний из авторов пишет о том, что о памятниках середины II в. н.э., нет смысла рассуждать, т.к. они отсутствуют в принципе. Попытки обнаружить подобные комплексы оказались безуспешными. Им же тогда было отмечено, что к числу пробелов в наших знаниях является отсутствие самых ранних групп погребений, которые можно было бы связать с самой первой волной степного населения, пришедшего на Северный Кавказ и позиционировавшие себя как аланы. Отсутствие ранних комплексов «пришельцев» оставляет открытым вопрос об одной из важных составляющих аланской культуры³². Данный подход несколько отличается от основной идеи данного автора о формировании раннеаланского археологического комплекса непосредственно в зоне предгорий Центрального Предкавказья. В то же время, подобный вывод логичен, если рассматривать проблему появления раннеаланского археологического комплекса взглядом «из степи». Возможно, что этот компонент возник в предгорной зоне не ранее второй половины II в. н.э., что четко фиксируется археологически. Кроме того, вероятно, стоило бы отойти от традиционной жесткой «привязки» этнического компонента с курганным обрядом захоронения, в сторону его оценки с позиции социального статуса, особенно – на начальном этапе. Первая волна нового населения, скорее всего, состояла из военизированных групп, для которых погребение в кургане являлось «подчеркиванием» именно этого состояния. Поселенческие же материалы раннего этапа аланской археологической культуры (керамика, способы и формы в возведении городищ) демонстрируют по-преимуществу сугубо кавказские традиции³³.

Возвращаясь к труду А.А. Туаллагова заметим, что катакомбные захоронения Чегемского кургана-кладбища датируются значительно более ранним временем – II–I вв. до н.э.³⁴ Взаимодействие же сармат и аборигенов видится автору в следующем. Освоение новыми пришельцами-кочевниками территории Северного Кавказа имело много общих черт с предшествующим аналогичным периодом появления в регионе скифов. Видимо, мы имеем дело с закономерными явлениями, сопровождавшими сам ход обретения кочевниками новых земель для своего постоянного проживания. Пустующие земли мирно включались в места кочевков. На наш взгляд, зона предгорий Северного Кавказа не предназначена для кочевания. По обоснованному мнению В.Е. Маслова, лишь территории глубоких степных районов Ставрополя на протяжении длительного времени

были связаны с классическим номадизмом. В то же время этот исследователь считает, что уже на раннем этапе железного века военизированные группы пришельцев могли использовать систему отгонного скотоводства, при условии их безусловного военного доминирования над местным населением³⁵. Однако степень вооруженности кобанских племен, в том числе – стрелковым, а также присутствие всадников-воинов не позволяет нам считать это возможным³⁶. Кроме того, некоторые авторы считают, что хозяйственный тип экономики сармат и ранних алан следует определять как полuosедлый, либо – полукочевой, с тенденцией к оседанию на землю, т.к. у них отсутствовала такая стадия, как «кочевание»³⁷. Проникновение в земледельческие области могло носить характер военного завоевания, имеющего целью распространение на захваченных территориях своего военно-политического господства. В результате многие земледельческие центры подверглись разрушению, часть местного населения была уничтожена или уходила, оставшиеся попадали в данническую зависимость. Дань носила ограниченный характер. Агрессивность подпитывалась миграцией с востока новых группировок. Закреплению сармат способствовало и долгое вхождение региона в область кочевий скифов и савроматов. Складывавшееся на Северном Кавказе сарматское родо-племенное объединение включило в свой состав, прежде всего, этнически родственные им местные группировки. В результате смешения, в т.ч. – и с местным кавказским населением, образовались различные новые этнообразования, что должно было ускорить сближение с ними сарматов. Материалы Ханкальского 2-го городища (вероятно – могильника – С.Б.) демонстрируют принятие местной знатью сарматского погребального обряда, что противопоставляло их рядовому позднекобанскому (в данном случае – посткаякентско-харачоевскому – С.Б.) населению. Исследование Моздокского и Таркинского могильников указывают на значительную сарматизацию местного населения. Освоившись на новых землях, сарматы постепенно начинают переходить к полuosедлому и оседлому образу жизни. Правда, в этом случае, по нашему мнению, следует ожидать понижение их социального статуса. Это способствовало установлению более тесных связей с местным населением. Наблюдаются процессы оседания сармат, когда их представители проникают на поселения аборигенов. Как скифы и савроматы, сарматы были жизненно заинтересованы в получении продуктов местного земледелия и ремесла, в сохранении контроля над местным населением и важными военно-торговыми коммуникациями, что обеспечивало не только стабильность существования их общества, но и надежные позиции в периоды дестабилизации. Такие условия вели к сильным этническим взаимодействиям и разнонаправленным процессам ассимиляции и межэтнической интеграции. Происходила аккультуризация и постепенная интеграция пришельцев в северокавказское общество. На наш взгляд, описываемые действия могли иметь и обратный характер, когда местные группировки становились частью сарматского сообщества. Автором, к сожалению, не показано, на чем были основаны эти процессы. В условиях тесного взаимодействия и (или) смешения с местным населением культуры различные сарматские родо-племенные объединения получили свои специфические черты и формы, обретая кавказский облик. Наблюдались, как и прежде, процессы складывания новых этнообразований. Реконструируемое на основании данных археологии активное проникновение кочевников в среду северокавказских автохтонов, согласно А.А. Туаллагову, подтверждается и данными антропологии. Однако, как показали исследования А.Г. Тихонова, как у собственно скифских, так и кавказских этнических группировок на Кавказе в скифское

время существовал единый антропологический пласт³⁸. Рассматривая влияние иранцев на народы Северного Кавказа с точки зрения их генофонда, В.Б. Ковалевская, И.Ю. Морозов и С.Ю. Рычков приходят к выводу, что генетическое влияние степных кочевников среднесарматского времени на генофонды народов Северного Кавказа было незначительно. Исследованное древнее население сближается с генофондами групп, занимающих по отношению к нему коренное положение³⁹. Похожие данные, полученные на основе как антропологических, так и палеогенетических исследований последних лет, приведены и в книге Д.С. Коробова⁴⁰. Основное их содержание будет нами приведено ниже. Дополнительно к сказанному выше приведем краткое содержание научной статьи, опубликованной группой авторов в июне 2020 г. Ими был произведен генетический анализ палеодНК по митохондриальным и Y-хромосомным гаплогруппам останков из могильников кобанской культуры, датированных в промежутке между IX и V в. до н.э. Для этого были отобраны костные останки 14 представителей кобанской археологической культуры: 5 из могильника Клин-Яр-III и 9 — из комплекса у с. Заюково в Кабардино-Балкарии. Данные образцы палеодНК использовались для идентификации материнской и отцовской гаплогрупп — групп, которые объединяют людей, имеющих общего предка с одинаковыми мутациями в ядерном или митохондриальном геноме. Анализ древней ДНК индивидов из захоронений кобанской археологической культуры выявил преобладание нескольких митохондриальных и Y-хромосомных гаплогрупп, распространенных в древней Европе и на Кавказе. Основные гаплогруппы Y-хромосомы, полученные учеными, являются общими для Кавказа и Европы в период железного века: E1a2a, G2a1a, R1b и R1a. Гаплогруппа G2a1a, которая в настоящее время широко представлена у осетин, балкарцев, карачаевцев и сванов, обычно ассоциируется с ближневосточными и европейскими неолитическими культурами. Особенно интересно, что эта гаплогруппа ранее уже была обнаружена при исследовании погребенных в T-образных катакомбах, которые традиционно соотносятся с аланами. Это может говорить об их генетической связи с предшествующим населением кобанского мира. Гаплогруппы R1a и R1b обычно ассоциируются с индоевропейскими миграциями и ранее описывались у скифов и сарматов. На сегодняшний день эти гаплогруппы вместе с гаплогруппой E1a2a идентифицированы у современных северокавказских этнических групп — балкарцев, карачаевцев, даргинцев, лезгинов и абхазов. По мнению авторов данной статьи, генетические исследования подтвердили теорию о скифском влиянии на кобанскую культуру, которая до настоящего времени была основана исключительно на археологическом материале. Гаплогруппы митохондриальной ДНК людей, которые были захоронены на кладбищах Клин-Яр-III и Заюково-III, относятся к H20a, J1c, N, HV1, T1a, H1e, W5a, R6, I1 — группам, которые ранее были обнаружены как у древних, так и современных этносов Северного Кавказа, что дает нам дополнительный материал для исследований в области этнокультурных контактов⁴¹.

Однако вернемся к анализируемой нами монографии. В качестве выводов А.А. Туаллагов пишет, что существу сарматы продолжили и усилили заложенный скифами и савроматами процесс проникновения и становления на Северном Кавказе соответствующих этно-культурных образований и традиций, которые получили свое окончательное оформление в последующий период, связанный с историей алан. Данное утверждение расходится с археологически подтвержденным фактом наличия катакомб, которые он связывает с аланами, еще к началу III в. до н.э.⁴²

В 2007 г. из печати выходит вторая часть коллективной монографии, названной «сборником научных трудов», основанной на археологических источниках, происходящих с территории РСО-Алания. В ней есть разделы, посвященные скифо-сарматскому (В.Л. Ростунов и Я.Б. Березин) и раннеаланскому (А.А. Туаллагов) периодам. В первой из них наше внимание привлекла характеристика Заманкульских курганных погребений, которые, по мнению авторов, демонстрируют двойственную по своей природе картину. Преобладание сарматских черт в погребальном обряде сочетается здесь с «нейтральностью» в этническом смысле либо с «кавказоидностью» большей части погребального инвентаря. Большое количество погребений в обоих курганах сближает их с грунтовыми могильниками. Эти погребения оставлены сарматами, далеко зашедшими по пути седентаризации и, если и кочевавшими, то на ограниченном участке. Для этой зоны предполагается существование крупного сарматского объединения со столицей на Брутском городище. Наличие на бытовом памятнике отдельных экземпляров сарматской керамики I в. до н.э. указывает на начальный этап его функционирования. В.Л. Ростунов и Я.Б. Березин приводят данные о том, что в ходе разведочных работ в 1988 г. Е.Е. Антипиной на памятнике были заложены 2 шурфа: на цитадели и на т.н. «посаде». Первый из них был докопан до глубины в 4,7 м., но не был доведен до материка. Полученные материалы (керамика, амфориск из «египетского фаянса») позволили датировать нижние слои I в. до н.э. – I в.н.э.⁴³ Однако отсутствие полноценных раскопок на городище, которыми было бы возможно документально это подтвердить, оставляют эту дату лишь в качестве одной из вероятных. К тому же число финальных захоронений в Заманкульских курганах (конец I в. н.э.) крайне мало. Наши комментарии о ряде Брутских погребений, а также наиболее поздних погребениях Заманкульских курганов, отнесенных В.Ю. Малашевым к началу II в. н.э., даны выше.

Раннеаланский этап в монографии представлен А.А. Туаллаговым. Им отмечено, что, судя по археологическим материалам, граница контактной зоны между оседлыми земледельцами и кочевниками проходит не севернее р. Терек, а гораздо южнее – непосредственно в предгорной части Северной Осетии. Курганные могильники с катакомбами были заложены не ранее середины II в. н.э. – т.е. – в начале позднесарматского периода (Беслан, Брут). Большинство из раскопанных погребений ограблено, большая часть изученных археологических материалов до сих пор не введена в научный оборот. Автор обращается к известным ему данным, полученным при раскопках городищ, которые являются важным источником знаний для наших исследований. В то же время для территории РСО-Алания остается проблемным отсутствие материалов из грунтовых могильников предгорной и горной зон (с. Гусара). Для периода II–IV вв. н.э. мы не обладаем данными по аланским захоронениям в горной зоне Республики. Здесь нет катакомбных захоронений этого времени⁴⁴.

В том же году А.А. Туаллагов издает монографию, посвященную изучению истории скифов и ранних алан на территории Северного Кавказа. Исследователь считает, что имеющиеся в распоряжении ученых материалы позволяют утверждать, что еще до появления здесь скифов, сармат и алан Северный Кавказ уже был весьма полиэтничным и поликультурным. Оставляя в стороне скифский период, обратимся к сарматскому. В этом отношении нас более всего будет интересовать небольшой раздел, посвященный взаимоотношениям номадов и местных племен. Автор отмечает, что процессы адаптации сармат на Северном Кавказе имеют много общих

черт с предшествующим периодом. Вероятно, в этом случае действовали какие-то общие исторические закономерности. Кочевники в местных сообществах занимали место военной знати. Знатные представители местных племен перенимали сарматские похоронные ритуалы. Сарматы были заинтересованы в получении продукции от местных ремесленников и земледельцев, эти контакты и служили основой взаимных взаимовлияний и формирования полиэтничных союзов. Сарматские объединения обрели кавказский облик, однако для определения процессов смешивания необходимо более дифференцированное выделение черт в погребальном обряде и инвентаре, с конкретным обоснованием отражения их эволюции. Основные авторские наблюдения за процессами формирования таких сообществ А.А. Туаллагов изложил в «Заключении». Он считает, что под названием различных сарматских племен скрываются многокомпонентные родо-племенные образования. В данном труде присутствует краткое упоминание о раскопанных на могильнике у с. Гуьсара (Гусара) 51 грунтовом погребении, обложенных по периметру камнями. Публикуются планы 4 захоронений (№№ 18, 19, 24, 29), которые дают некоторую информацию о горских племенах сарматского времени. Так, нахождение в мисках других сосудов (погребения №№ 18 и 29) – явно кавказская черта, как и перекрещенные голени – в первом, и меч с левой стороны – во втором из этих захоронений. Сарматы носили данный предмет вооружения с правой стороны⁴⁵. В костном навале над погребением № 34 был найден скарабей из «египетского» фаянса, еще 2 – в самом захоронении. Это говорит о важности подобных предметов в погребальных ритуалах и связях населения гор с плоскостью, где торговые пути контролировали сарматские группировки⁴⁶. Обычай перекрещивания голени мог изначально возникнуть либо под влиянием меотской, либо – савроматской среды. Однако и в последнем случае к раннеаланскому времени он уже становится вполне кавказской традицией, как и положение кистей рук в области костей таза.

В 2008 г. была опубликована монография М.А. Бакушева, в основу которой положено его диссертационное исследование. Детальному анализу был подвергнут погребальный обряд населения Дагестана III в. до н.э. – IV в. н.э. В ней приведен краткий историографический обзор наиболее заметных работ в области изучения погребального обряда албано-сарматского времени. Отдельно представлены особенности погребальной обрядности как горно-кавказского, так и степного населения, погребальные позы и их некоторые важные детали. Относительно вытянутого труположения автором специально было подчеркнуто, что для захоронений горно-предгорной зоны, связываемых с местным кавказским населением, такая черта, как вытянутое на спине положение, не может считаться одним из признаков т.н. «сарматизации», хотя до рубежа н.э. этот обряд не имел для территории Дагестана широкого распространения. В то же время, признается роль сармат в его распространении как активных проводников и передатчиков культурных достижений. Не вдаваясь в детали этого тезиса, отметим, что для сферы идеологии, к которой относится и погребальная обрядность, подобное заимствование не могло быть актом «переноса» традиции, либо его ретроспекции относительно более ранних эпох. Значительный интерес вызывают выводы автора, сделанные на основе анализа расположения погребального инвентаря, его категорий в различных поло-возрастных группах. Особенно важен вывод о том, что применение мела и подстилок в погребальных церемониях было свойственно населению Дагестана в еще доскифскую эпоху, начиная с эпохи бронзы. Преобладание признаков преднамеренной порчи инвентаря в горных районах,

при отсутствии следов влияния сармат, говорят его местных истоках этого обряда. Наиболее заметные явления, установленные в ходе анализа погребального обряда, представлены в заключении монографии, которое не свободно от ряда довольно противоречивых суждений относительно влияния сармат на погребальную обрядность местного населения⁴⁷.

В этом же году издается монография М.Х. Багаева, основанная на его докторской диссертации, успешно защищенной им в 2005 г.⁴⁸ В ней представлены в основном авторские материалы, полученные ученым в ходе полевых исследований на территории Чечни. К нашей теме относится часть I в составе глав №№ 1–3, но особенно – два раздела из главы № 6. В первых двух – данные об археологических источниках, нас же интересуют ряд положений, зафиксированные в третьей, а также частично – сведения по истории изучения памятников раннего железного века, изложенные в главе № 1. Автор ставит вопрос о принципиальной возможности реконструкции жизни древних племен горной Чечни по археологическим источникам, с привлечением данных из других наук. Важные наблюдения сделаны относительно особенностей эколого-географического районирования. Отдельно он обратился к теме уточнения терминологии в названиях частей территории (равнина, плоскость), которые, по мысли автора, являлись территорией формирования древних кавказских народностей, М.Х. Багаев считает, что бытовые памятники плоскости раннего железного века не могли быть созданы кочевым населением, т.к. оно, по образу своей жизни, не могло быть оседлым, ведь их бытовые памятники – это недолговечные стоянки с малым количеством бытовых наслоений. По его мнению, плоскостные районы были издревле заселены кавказским населением, которому и принадлежат бытовые памятники (городища и поселения), расположенные в зоне предгорных равнин. Он не согласен с тезисом том, что пришельцы растворили в своей среде местные народности, т.к. были невелики по численности. Критикуя позицию В.Б. Виноградова относительно истории взаимоотношений пришлого и местного контингентов, автор, к сожалению, не использует при этом литературу, относящуюся к проблематике эпохи раннего железного века, широко используемую уже в начале 90-х гг. прошлого столетия⁴⁹. М.Х. Багаев выдвинул гипотезу о том, что нахский народ был сформирован в конце I тыс. до н.э., и к тому времени он уже обладал своей территорией и языком. Для доказательства этого он использует, в основном, систему логических построений, не основанную, однако, на комплексном анализе археологического материала. Привлечение выделяемых В.И. Козенковой археологических критериев, несущих этногенетическую информацию, связанную с анализом материальной культуры кобанского населения, является, по нашему мнению, локальным эпизодом. Его нельзя автоматически распространять на другие эпохи, иначе будет нарушен базовый принцип исторического анализа. Использование данных из других эпох происходит у М.Х. Багаева в форме поиска предметов материальной культуры, имеющих единый прототип и общую линию развития – от древности – к средневековью, что, по мнению данного автора, достаточно для утверждения о преемственности культурных традиций и является доказательством непрерывности в развитии населения определенной территории⁵⁰.

В этом же году нами, совместно с Ю.А. Прокопенко, издается монография, в которой представлены результаты исследований погребений и отдельных комплексов сарматского типа из курганов предгорной зоны Чечни. Их абсолютное большинство относится к III–I вв. до н.э. (124 комплекса из 159). К концу I в. до н.э. – рубежу I в. до н.э. – I в. н.э. относятся 9,

к I–IV вв. н.э. – 5 комплексов. Наблюдения за технологией изготовления керамики позволили установить, что значительная часть сосудов из подкурганых погребений предгорной Чечни изготовлена в традиционной восточнокавказской технологии, редкие образцы изготовлены в технике, присущей населению Кавминвод. Распространению технологии с добавками толченой ракушки приходится на раннесарматское время, чему способствовало перемещение в предгорья групп местного населения степных районов Центрального Кавказа, вытесненных сарматами. Корчагообразные сосуды, формы мисок – черты скифского времени, горшки – местные формы еще каякентско-хорочоевской культуры. Основные типы ритуальных сосудов, как и кружки, имеют местные корни. Анализ керамических материалов позволяет говорить о том, что наиболее обособленную группу в раннесарматское время составляли памятники Затеречья, в том числе – предгорной Чечни. Наблюдения, сделанные относительно черт погребальной обрядности позволили сделать заключение о том, что традиция помещения железных ножей, костных остатков в миски были свойственны кобанским насельникам еще в скифское время. Костяные наконечники стрел, как и 3-х гранные железные втульчатые, железные наконечники копий, спиралевидные привески, железные и бронзовые браслеты, пинцеты – все эти предметы имеют кавказское происхождение. Бронзовые зеркала, черешковые железные наконечники стрел отражают сарматское влияние. Черешковые наконечники были найдены только в одном погребении (№ 51 к. 1 могильника «Орджоникидзеви курганы»). С конца I в. н.э. в Предкавказье распространяются аланы. В предгорных и горных районах Чечни продолжает существовать автохтонное население. Материалами фиксируется переплетение традиций кочевников и местных племен⁵¹.

В 2009 г. была издана монография, посвященная интерпретации археологических памятников Центрально Предкавказья, написанная совместно Т.А. Габуевым и В.Ю. Малашевым. Ее основу составили результаты работ на могильнике Брут-2 и комментарии к ним этих исследователей. В интерпретации материала присутствуют различные подходы двух авторов на происхождение и генезис погребального обряда – подкурганых Т-образных катакомб и происхождение раннеаланской археологической культуры. Они изложены в главе № 2 (Т.А. Габуев) и № 3 (В.Ю. Малашев). Для нашей темы представляет интерес и результаты исследования палеоантропологических материалов из погребальных комплексов ранних алан (М.М. Герасимова, Н.А. Суворова, С.Ю. Фризен), составляющее одно из приложений к монографии. Далее дается краткое изложение основных мнений указанных выше ученых. В ряде случаев В.Ю. Малашев приводит точку зрения М.П. Абрамовой на этнокультурные процессы, проходившие в Центральном Предкавказье в сарматско-раннеаланский период, которые также учтены нами в настоящем обзоре.

Согласно Т.А. Габуеву если основные могильники восточных районов (Чегем-II, Нижний Джулат, Заманкул) датируются II–I вв. до н.э., то западные – не ранее рубежа н.э. Ранняя дата катакомб могильника Брут-2 – вторая половина II в.н.э. В создании этого могильника (воплотившееся в его грунтовых катакомбах) участвовало население, оставившее грунтовые катакомбные могильники. Часть катакомб кластера 3 могли быть оставлены как пришлым, так и местным населением. Наличие в одном кластере катакомб Брут-2 и Нижнего Дона указывает на выплеск северокавказского населения – носителей раннеаланской культуры, в степь Нижнего Дона и соседних территорий. Т.А. Габуев появление катакомбного обряда связывает с проникновением в Центральное Предкавказье ираноязычных

кочевников, скорее всего – сираков. Они принесли с собой погребения, у которых длинные оси входных ям и камер лежат на одной прямой (тип II по К.Ф. Смирнову). Они датируются III–I вв. до н.э. и их следует рассматривать как «импульс», приведший к появлению грунтовых катакомбных могильников в предгорной зоне Центрального Предкавказья со II в. до н.э. (Нижний Джулат, Чегем-II и Заманкульские курганы). Во всех этих памятниках захоронения датируются последними веками до н.э. и прекращают свое существование около рубежа эр. Воспринятая местным оседлым населением идея катакомбы находит разные формы реализации. Это приводит к большому разнообразию форм катакомб в этих грунтовых могильниках. После рубежа эр катакомбы с перпендикулярным соотношением осей становятся для данных территорий господствующими. Ряд впускных катакомб, изученных в районе Пятигорья, имели Т-образную форму, и они датируются временем более ранним, чем подобные же в грунтовых могильниках этой зоны. Не исключено, что зарождение идеи сооружать Т-образные катакомбы такого типа на этой территории было схожим с таковыми с территории Кабарды и Осетии. По мнению М.П. Абрамовой, формирование подкурганых катакомб, т.е. – сложение раннеаланской культуры, происходило под влиянием местного (с грунтовыми катакомбами) и пришлого позднесарматского населения, тогда как В.Ю. Малашев видит в последних носителей степной среднесарматской культуры, которые принесли с собой подкурганность обряда и ровики. Однако среднесарматские курганы ровиков имеют очень мало – от 1,23% до 3,78% от числа всех погребений. Он вряд ли мог стать определяющим в раннеаланской культуре. В памятниках сарматского времени скорченных костяков немного даже в погребениях местных племен (всего около 5 %). Данный автор не исключает, что грунтовые катакомбы могильника Брут-2 могли продолжать традицию ранних грунтовых могильников, являясь составной частью в формировании раннеаланской культуры. Но этот вывод он не распространяет на все остальные памятники. Две традиции в изготовлении катакомб – пришлой и местной – могли сочетаться. Могильник Брут-2 датируется со второй половины II в. н.э. и до рубежа VI/VII вв. н.э. Могильник Брут-1 – это самый конец IV – середина V в. н.э. Они принадлежали одному политическому объединению, имевшим центром Брутское городище. Хотя автор не исключает и того, что изначально они могли принадлежать двум разным этнополитическим группам населения. Согласно его наблюдениям, несмотря на существенное увеличение числа новых материалов, тем не менее, мы имеем колоссальные информационные пробелы, которые при реконструкции позволяют высказать только гипотезы. По одной из них – в период, несколько предшествующий середине II в. н.э. в Предкавказье появляется население, которое принесло не только обряд захоронения в курганах с ровиками, но и саму катакомбу. Они вступают во взаимодействие с местным населением, также имеющим эту погребальную конструкцию. Местные – это те, кто оставил такие могильники, как Нижний Джулат, Чегем, Заманкул. Пришлым же населением не могут быть носители среднесарматской культуры, для которых ровики, как и катакомбы, были не характерны. Но они характерны для джетыясарской культуры Нижней Сырдарьи. Среди этих курганов от последних веков до н.э. до IV–V вв. н.э. этот признак является доминирующим. Но – связующих памятников между этим регионом и Северным Кавказом нет, и в этом автор согласен с В.Ю. Малашевым. За первой волной пришельцев в район Центрального Предкавказья (могильники Брут-2 и Беслан) – приходит вторая – носители подкурганых катакомб, у которых нет ровиков.

Их дата – вторая половина III–IV вв. н.э. Захороненные в них устанавливаются свое господство над аланами первой волны миграции.

Глава III написана В.Ю. Малашевым. Далее излагаются доводы и наблюдения этого исследователя. По его мнению, до сих пор не существует разработанной типологии посуды раннеаланской культуры. Попытки М.П. Абрамовой не могут быть признаны удачными, т.к. она пользовалась небольшой серией, и эта выборка была не вполне однородна с точки зрения морфологической традиции. Материалы с равнинных территорий Пятигорья, входившие в состав раннеаланской культуры, ею не учитывались, тогда как с внутренних территорий этой зоны – родственен, но не идентичен керамическому комплексу Затеречья. Имея от последнего ряд отличий, он и составляет основу традиции раннеаланской культуры. Объединение в одну общую систему керамику внутренних территорий Пятигорья и раннеаланской посуды не вполне корректно. Влияние затеречной традиции здесь начинает ощущаться с середины – второй половины – конца II в. н.э. Появляются городища, чей керамический комплекс очень близок, но не идентичен керамике Кабарды и Затеречья. Начиная с позднего II в. н.э. Пятигорье включается в зону культурного влияния раннеаланской культуры. Попытка создания строгой классификации керамики на основе зилгинского комплекса тоже проходила на ограниченном материале – только поселенческом и часто – фрагментированном. Поэтому в будущем предстоит совместить выборки поселенческих и погребальных форм, для которых специальные ритуальные образцы мало характерны. Судя по материалам Зилгинского городища, процесс образования «протогородов» заканчивается во второй половине II в. н.э. Особенности сооружения подкурганых Т-образных катакомб второй половины II–IV вв. н.э. отличают их от подобных же с территории Пятигорья, Верхней Кубани и Прикаспийского Дагестана, где такие формы погребальных сооружений довольно редки. На основании имеющихся в его распоряжении фактов автор считает возможным выдвинуть гипотезу о том, что население внутренних территорий Затеречья и Кабарды со второй половины II–IV вв. н.э. было достаточно обособлено от культур внутренних территорий Пятигорья и Прикаспийского Дагестана. Это – самостоятельная раннеаланская группа с единым керамическим комплексом и близким погребальным обрядом, локализованным в одной ландшафтной зоне. Важным является вопрос о генезисе погребального обряда этой группы. По одной версии, он складывался из двух компонентов: местного северокавказского (катакомба) и степного (курган и ровик). По другой – весь комплекс принесен мигрантами – аланами. Он солидарен с мнением М.П.Абрамовой, поддержанной В.Б. Ковалевской. Нижний слой на периферии Зилгинского городища и Алхан-Калы не выходит за пределы I в. н.э. Фрагменты светлоглиняных импортных амфор, датированных так же, есть на Брутском, Киевском и Ачам-Борзовском городищах. Это дает основания полагать, что начало формирования этих городищ следует относить ко времени не позднее начала II в. н.э. По нашему мнению, в этот процесс есть все основания включать и конец I в. н.э. В погребальных комплексах Кабарды второй половины II – начала III вв. н.э. фиксируются уже сформировавшиеся типы посуды. Формы, близкие раннеаланским, появляются в погребениях I – начала II вв. н.э., что указывает на начальную дату процесса оформления этого керамического комплекса. Во второй половине II в. н.э. мы фиксируем раннеаланскую культуру полностью сложившейся как в отношении керамического комплекса и структуры поселенческих памятников, так и в аспекте, связанном с погребальным обрядом. Однако не вполне ясно, когда

точно начала формироваться эта культура. В.Ю. Малашев также предположил, что этот процесс мог начаться в конце I – начале II вв. н.э. и происходил в рамках первой половины II вв. н.э. Чегемский курган – кладбище и Заманкульские курганы в данной работе датируются им не позднее конца I – начала II в. н.э. На наш взгляд, последний памятник прекращает свое существование в конце I в. н.э. Судя по датам, в формировании культуры должно было принимать участие степное население среднесарматского времени. По мнению В.Ю. Малашева, вероятно, приток этого населения инициировал многие культурные процессы на рассматриваемой территории в первые века н.э. Здесь следует заметить, что присутствие в изучаемое время населения в степи не делает его автоматически участником этих событий. По нашему мнению, оба этих тезиса пока не обеспечены надежной материальной базой и являются лишь предположением. Далее автор продолжает: на начальном этапе – это просматривается в наличии кургана и ровика, в дальнейшем – частично в погребальном инвентаре. Позднесарматский след – это деформированные черепа. Немногочисленные представители позднесарматского компонента вошли в состав этнического массива, сформировавшегося в среднесарматское время на базе автохтонного населения под воздействием степного миграционного импульса. Согласно М.П. Абрамовой, в предгорной полосе Центрального Кавказа во II в. н.э. сокращается численность населения. В Затеречье и Кабарде, судя по материалам городищ численность населения, напротив, существенно вырастает. По мнению исследователя, в данном случае речь может идти не о сокращении населения, а об изменении облика его материальной культуры, об исчезновении таких памятников, как Чегемский и Заманкульский могильники. Не претерпевает существенных изменений и численность населения внутренних территорий Пятигорья: сокращается количество комплексов II–III вв. н.э. в Подкумском могильнике, но увеличивается – на Клинь-Ярском-III могильнике. В равнинных районах Пятигорья распространяются городища, соотносимые с раннеаланской культурой. Идея М.П. Абрамовой об уменьшении количества памятников, начиная с III в. н.э., требует корректировки. К середине III в. н.э. она относила прекращение функционирования грунтовых катакомбных могильников в западных районах Центрального Кавказа и Предкавказья. По ее мысли, с этой территории с начала I в. н.э. происходит миграция населения, которая завершается к началу III в. н.э. Появление грунтовых могильников в Затеречье она относит ко II–III вв. н.э., что отражает миграцию из западных областей Центрального Кавказа. Далее она делает предположение о том, что грунтовые могильники в Затеречье распространяются раньше, чем подкурганские катакомбы. По мнению В.Ю. Малашева количество населения внутренней зоны Пятигорья вряд ли серьезно сокращается (Клинь-Яр-III). На равнине его численность растет (поселение «Энергетик»). В погребальном обряде и керамическом комплексе погребений Затеречья влияния Пятигорья нет. Наоборот, в позднем II в. н.э. это население попадает в зону влияния раннеаланской культуры, одним из центров формирования которой была территория Кабарды. Заманкульские курганы и Чегем-II, принадлежавшие местному субстратному населению, демонстрируют катакомбы, по преимуществу – Т-образной формы. Часть населения из Кисловодской котловины ушла в район Верхней Кубани. М.П. Абрамова отрицала возможность оседания алан на землю, считая, что формирование кавказских алан происходило после гуннского нашествия. Но приток степного населения в среднесарматское время инициировал процесс культурного развития региона в первые века н.э. По мнению М.П. Абрамовой в создании

раннеаланских племен участвовали носители позднесарматской культуры. Их носители вошли в состав вновь формирующейся культурной группы, но на более позднем этапе. Не стоит «выводить» аланскую культуру на ранней стадии только с территорией Владикавказской котловины – синхронные Брутским катакомбам есть в Алхан-Калинском могильнике. Это действительно так. Следует лишь уточнить, что при датировании самых ранних из курганов данного могильника, отнесенных В.Ю. Малашевым и Х.М. Мамаевым к группе I, была исключена вся вторая половина II в. н.э. и оставлен только самый финал этого столетия. При этом основной акцент был сделан на первую половину III в. н.э.⁵² Проблема же с ровиками в раннеаланской культуре на ее ранней стадии сложна и окончательного решения не имеет. Критика его положения Т.А. Габуевым о том, что носители среднесарматской культуры не могли участвовать в сложении раннеаланской культуры на основании отсутствия у них катакомб и ровиков, неудачна, т.к. он никогда не писал о прямом переносе всего среднесарматского комплекса на Северный Кавказ. Форму катакомб он выводил из местных центральнокавказских традиций. От степных традиций обряд ранних алан приобрел курганный насыпь и идею ровиков. Возможно, что идея появления ровиков имеет другое объяснение. Например: это адаптация кочевнических представлений о наличии некоего сакрального пространства, ограниченного насыпью, в приложении к оседлой жизни, в условиях сравнительного малоземелья вокруг поселенческих памятников. При критике довода Т.А. Габуева о двух волнах миграции В.Ю. Малашев пишет, что о первой из них, которую его оппонент датирует временем до середины II в. н.э., нет смысла рассуждать, т.к. подобные памятники в принципе отсутствуют. Для второй миграции – вторая половина III–IV вв. н.э. – аналогий этим комплексам в степи нет. Общее типологическое сходство с центральнокавказскими катакомбами могут обнаруживать не только среднесырдарьинские, но и позднеантичные склепы, катакомбы позднеиримского времени в Крыму, скифские катакомбы, катакомбы из Северо-Западного Ирана, и др. Это явно неудачная гипотеза. Что же касается происхождения алан с территории Средней Азии по данным письменных источников – то да, они есть, с этим никто не спорит. Важно только понимать, что этнонимы и археологические памятники могут и не давать прямого соответствия, или даже не давать никакого. О погребальном обряде алан на территории Средней Азии мы ничего не знаем. Раннеаланская и средневековая аланская культура являются двумя генетически связанными между собой этапами одной культуры. Памятники Затеречья и Кабарды II (III) вв. до н.э. – I начала II в. н.э. (Нижний Джулат – Чегем, Заманкул), скорее всего, представляют самостоятельный культурный комплекс, который участвовал в сложении аланской культуры на раннем ее этапе, но не образовывал с ней единую линию развития. В конце I – первой половине II в. н.э. имели место существенные новации в погребальном обряде и керамической традиции. Термином «предаланская», но не «раннеаланская» культура можно обозначить памятники предгорной полосы II (III) вв. до н.э. – I в. н.э. Локальная культурная «предаланская» группа – это могильники внутренних районов Пятигорья и Верхней Кубани I–III (начала IV) вв. н.э. Ее, видимо, можно считать производной от памятников Затеречья и Кабарды последних веков до н.э. Вероятно, это было связано с миграцией части населения этого района в Пятигорье около рубежа н.э. Данная группа сохраняет свое культурное своеобразие, подвергаясь некоторому культурному влиянию, начиная с позднего II в. н.э. со стороны уже сложившейся аланской культуры Затеречья, Кабарды и равнинных

районов Пятигорья. Начало формирования раннеаланской археологической культуры можно отнести к концу I – началу II в. н.э. Ко второй половине II в. н.э. его формирование заканчивается. Начиная с позднего II в. н.э. в зону ее влияния включается район Пятигорья. Часть населения мигрирует в горные районы. В предгорной полосе Центрального Кавказа, на территории Кабарды и Затеречья плотность населения раннеаланского времени, судя по наличию городищ и мощности их культурных слоев, была значительной. Все они связаны единым погребальным обрядом и керамическим комплексом, находятся в одной ландшафтной зоне, что подразумевает одинаковую систему хозяйства. Эта группа памятников культурно обособлена от памятников внутренних территорий Пятигорья и Прикубанья. На городищах возводятся сложные фортификационные сооружения, количество времени на их возведение должно было быть чрезвычайно велико. Жизнь на памятниках, судя по насыщенности культурных слоев на них, была интенсивной. Прослеживаются контакты с Боспором (керамика, изделия из стекла, монеты), Закавказьем (керамика, ювелирные изделия). В эту эпоху была благоприятная экологическая обстановка: на рубеже I/II – середины II в. н.э. происходит заметное увлажнение климата, а I–II вв. н.э. характеризуются более засушливыми условиями. Именно климатический фактор мог способствовать резкому росту производительных сил, высокой плотности населения, появлению «городов» с развитыми ремеслами. Можно ставить вопрос об организации протогосударственной организации общества. К числу пробелов в наших знаниях является отсутствие самых ранних групп погребений, которые можно было бы связать с самой первой волной степного населения, пришедшего на Северный Кавказ и позиционировавшие себя как аланы. На наш взгляд, данный вывод несколько расходится с предлагаемой В.Ю. Малашевым концепцией о поликультурности раннеаланского археологического комплекса, формирующегося на территории Центрального Предкавказья. К тому же остается открытым и вопрос наличия местной, кавказской составляющей, особенно – для зоны предгорий Чечни, Ингушетии и РСО-Алании, которая фиксируется пока лишь на основе материалов поселений, опубликованных крайне фрагментарно. По мнению исследователя, отсутствие ранних комплексов «пришельцев» оставляет открытым вопрос об одной из важных составляющих аланской культуры. Существенным моментом, способным пролить свет на дискуссионный вопрос о генезисе алан Северного Кавказа, будет накопление антропологического материала. Если генезис основных сторон материальной культуры (принципы домостроительства, керамический комплекс, и др.) северокавказских алан тесно связан и, в конечном счете, восходит к традициям местного оседлого населения предшествующего времени, то вопрос о происхождении погребального обряда (Т-образных катакомб) пока не имеет окончательного решения. Существующая дискуссия по этой проблеме связана с отсутствием материалов – погребальных комплексов кочевнического облика – начальной фазы формирования данного обрядового комплекса, которые, судя по нашим рассуждениям, относятся к концу I – первой половине II в. н.э. По признанию В.Ю. Малашева, попытки обнаружить подобные комплексы оказались безуспешными⁵³.

Важным дополнением к монографии является приложение, посвященное анализу антропологических данных из раннеаланских могильников РСО-Алании, написанное М.М. Герасимовой, Н.А. Суворовой и С.Ю. Фризенем. Эти сведения позволили их исследователям утвердиться во мнении о большом морфологическом разнообразии, свойственном

населению Затеречья. Черепа из Ново-Джулатского могильника имеют аналогии с черепами из Заманкульских курганов и находят общие черты в местной автохтонной среде. Отличия черепов из Заманкула может служить аргументом в пользу гипотезы М.П. Абрамовой и В.Ю. Малашева о наличии в раннеаланских древностях существенного культурного компонента, связанного с традициями местного кавказского населения последних веков до н.э. – начала н.э. Черепа из Чегемского кургана-кладбища не обнаруживают сходства с черепами из Заманкула, они схожи с черепами из Беслана. Нижне-Джулатская серия подтверждает ее чужеродность для населения Северного Кавказа. Черепа из Беслана находятся в одном кластере с сериями из Чегема и Байтал-Чапкана. Второй кластер – это 3 серии из низовий Сырдарьи, джетыясарской культуры и серия из Нижне-Джулатского могильника. Огромное морфологическое разнообразие, которое фиксируется на территории Северного Кавказа и Предкавказья является свидетельством проживания здесь различных этнических групп неконсолидированного населения, различающегося физическими особенностями, особенностями культуры, характером хозяйства и не сложившихся еще в единую этническую общность. Черепа из Заманкула не подтверждают преемственность населения из могильника Брут-2 – т.е. с населением, хоронивших в катакомбах курганов-кладбищ. Одонтологический комплекс Заманкула, Брута и Беслана разный. Заманкульской серии авторы не находят аналогий среди синхронного предшествующего населения. Погребенные в Брутском могильнике оказались близкими к скифским, савроматским и сарматским сериям⁵⁴.

Таким образом, на наш взгляд, известные ко времени издания книги данные не позволили Т.А. Габуеву и В.Ю. Малашеву однозначно ответить на вопрос об изначальных этнических и культурных составляющих, которые определены ими как формирующие раннеаланский археологический комплекс. Так, гипотетическое участие в этом процессе степного населения среднесарматского времени не было подтверждено археологическим материалом. Погребений конца I в. до н.э. – конца I в. н.э. очень мало, а согласно концепции второго автора, процесс сложения раннеаланской культуры к середине II в. н.э. был уже завершен. Тем не менее, предположение В.Ю. Малашева о том, что приток именно этого населения инициировал многие культурные процессы на рассматриваемой территории в первые века н.э. вполне уместен. Начальный этап строительства большинства укрепленных городищ с развитой системой фортификации приходится как раз на это время. Имеющиеся на сегодня материалы показывают, что в своем большинстве они были созданы на месте предшествующих бытовых памятников со слоями кобанского культурного сегмента финала эпохи поздней бронзы и скифского времени. По мнению В.Б. Ковалевской и В.А. Кузнецова их картографирование демонстрирует, что они возводились для защиты с северной, степной стороны. На Зилгинском городище были выявлены т.н. «земляные бастионы» с каменными вымостками. Это свидетельствует о глубоком понимании принципов фортификации, выработанности инженерно-строительных приемов и, следовательно, об устойчивой традиции⁵⁵. Это исключает возможность участия в их строительстве данной группы степного военизированного населения. Добавим здесь, что сложные оборонительные сооружения были зафиксированы на Ханкальском городище № 2, ранний слой которого относится еще к началу I тыс. до н.э.⁵⁶ Археологические свидетельства того, что для создания Зилгинского городища были применены строительные приемы, принятые для среднеазиатской фортификации, не опубликованы до сих пор.

К тому же слой ранее середины II в. н.э. на памятнике не выявлен, его наличие лишь предполагается для внутренних участков раскопа. Время наиболее интенсивной жизни городища, как и нижняя дата основного слоя – не ранее середины или второй половины II в. н.э.⁵⁷ Попытки установить рост численности населения для предгорной полосы Центрального Кавказа во II в. н.э. лишь по мощности культурного слоя городищ, на наш взгляд, пока преждевременны. В своей основе они до сих пор должным образом не раскопаны, а те данные, которые уже есть – не опубликованы в необходимом для такого заключения объеме. К тому же без материалов предгорных погребальных памятников конца I – первой половины II в. н.э., которые до сих пор не найдены, это вряд ли возможно. Эти данные частично есть в Чечне: это городище «Гумси-Корт» и расположенный рядом грунтовый могильник. Памятники занимают часть одного из отрогов северного склона западной оконечности Качкалыкского хребта, прилегающей к правому берегу р. Гумс. Раскопанные В.А. Петренко 6 погребений демонстрируют привычные нормы обрядности, характерные для предыдущих поколений⁵⁸. При перемещении какой-либо группы населения на иные территории следует предполагать, что при этом происходит и «перенос» ее базовых, культуuroобразующих элементов, прежде всего, включающих в себя нормы поминально-погребальной обрядности. Однако при этом следует учитывать и социальный фактор: на первом этапе это были, в своей основе, военизированные группировки, которые не несли их с собой в полном наборе. Право на погребение в кургане имели кочующие, либо – воины, что, по нашему мнению, «выводит» на этом этапе курганную насыпь из числа этнообразующих признаков. Показательно и признание В.Ю. Малашевым отсутствия «в принципе» погребальных комплексов до середины II в. н.э., что не дает возможности считать, что к середине этого столетия мы уже застаем раннеаланский комплекс полностью сложившимся как в отношении бытовых, так и погребальных сегментов культуры. В этой связи использование термина «предаланская» вместо «раннеаланская» культура для группы памятников предгорной полосы II (III) вв. до н.э. – I в. н.э., на наш взгляд, преждевременно. Признание же факта отсутствия самых ранних групп погребений, которые можно было бы связать с самой первой волной степного населения, пришедшего на Северный Кавказ и позиционировавшие себя как аланы, по нашему мнению, несколько расходится с базовыми постулатами концепции этого автора. Она предполагает комплексный подход к проблеме формирования раннеаланской археологической культуры, и прежде всего – появления традиции захоронения в подкурганной катакомбе Т-образного типа, курганов и ровиков. Исходя из публикуемых в монографии материалов, наиболее раннее их появление приходится на середину – вторую половину II тыс. до н.э., когда, по версии этого автора, раннеаланский археологический комплекс уже предстает в полностью сформированном виде.

В 2015 г. из печати выходит очередная монография, посвященная становлению в районе Центрального Предкавказья аланской археологической культуры. В ее основу авторы книги – Ф.С. Дзудец и В.Ю. Малашев положили материалы археологические памятники из окрестности с. Беслан. Они утверждают, что в последних веках до н.э. – I в. н.э. на территории равнин и предгорий Северного Кавказа распространяются археологические памятники, которые могут рассматриваться в качестве основы для сложения во II в. н.э. аланской археологической культуры. Вероятно, это следует понимать так, что аланская археологическая культура сложилась (сформировалась) непосредственно на территории Северного Кавказа, и

не была в готовом виде привнесена на эту территорию. Начало формирования аланской культуры в монографии отнесено к концу I – началу II вв. н.э. Во второй половине II в. н.э. они фиксируют аланскую культуру полностью сформировавшейся как в отношении керамического комплекса и структуры поселенческих памятников, так и в аспекте, связанном с погребальным обрядом. Относительно первого компонента следует заметить, что оснований для такого утверждения присутствуют лишь частично, но этого нельзя сказать относительно обряда погребения, т.к. самые ранние из подкурганых катакомб датируются временем, не ранее начала второй половины – середины II в. н.э.

В работе много места уделено Зилгинскому городищу и подведению некоторых итогов его изучения. По предположению авторов, данный памятник мог быть культовым центром, однако данных на этот счет в книге нет. Объект считается т.н. «протогородом», столицей северокавказского аланского протогосударства первых веков н.э., процесс образования которых заканчивается ко второй половине II в. н.э. Эти городища отмечены в основном в центральном и отчасти – восточных районах Северного Кавказа. Заметим, что последний из них всегда являлся для кочевых племен раннего железного века дальней периферией. Это самостоятельная культура с единым керамическим комплексом, погребальным обрядом, локализована в одной ландшафтной зоне. Важной причиной расцвета культуры являлась благоприятная экологическая обстановка рубежа первой половины – середины II в. н.э., когда происходит заметное увеличение влажности климата. Именно этот фактор мог способствовать резкому росту производительных сил, созданию высокой плотности населения, появлению городов с развитыми ремеслами. Заметим здесь, что данное обстоятельство следовало бы рассматривать в комплексе с политико-экономическими условиями: возникли новые возможности для установления торговых контактов на больших расстояниях, ведь контроль за перемещением товаров находился в руках единого конгломерата родственных племен. Поэтому – возникла возможность удовлетворять возросшие потребности отдаленных территорий. Эти крупные поселения – прежде всего – начальные производственные элементы в этой торговой цепочке, производители товаров, центры перевалочной торговли, в которых земледельческий элемент, равно как и скотоводческий, был довольно незначителен. Выводы о высокой урожайности и росте поголовья скота делаются ими на основе анализа большого количества ям-зернохранилищ и количества костных остатков в культурном слое Зилгинского городища. Данные по другим памятникам в работе отсутствуют. Тем не менее, констатируется тот факт, что в предгорной полосе Центрального и Северо-Восточного Кавказа сравнительно быстро – в рамках II в. н.э. образуется значительное количество крупных и средних по размеру городищ со сложной структурой и четко выделенной цитаделью. Плотность памятников высокая. Все они связаны культурным единством и одинаковым типом хозяйства. На городищах возникают сложные и трудоемкие фортификационные сооружения, требующие организации населения, количество которого на данной территории достаточно велико. Плотность населения в этот период значительно выше, чем в предыдущую и последующую эпохи. Крупные городища можно считать раннегородскими центрами или даже особого типа городами, что свидетельствует о процессах урбанизации в данном обществе.

Население, оставившее памятники аланской культуры центральных и восточных районов Северного Кавказа II–IV вв. н.э. можно считать находившимися на стадияльно государственной фазе развития общественно-

политических отношений. Однако соотносить напрямую данное культурное образование с ранними государствами пока преждевременно. На сегодняшний день можно говорить о том, что это культурное образование скорее исторически догосударственное, но стадийно государственное. Пояснений, в чем же заключается эта разница применительно к археологическим материалам указанной выше территории, в работе нет. В заключении всех этих серьезных обобщений авторы констатируют, что представленные выше наблюдения и заключения являются постановкой проблемы. Дальнейшая ее разработка упирается в исследования поселенческих памятников, степень изученности которых на сегодняшний день оставляет желать лучшего.

Таковы основные положения книги. Для их комментария требуется привлечение довольно большого круга источников и их серьезная проработка. Это, прежде всего, касается конкретных результатов степени изученности других поселенческих памятников, а также критериев выделения признаков, свойственных т.н. «протогородам», которые пока четко не определены. Однако некоторые усилия в этом направлении уже предприняты⁵⁹. Что же касается обеспечения другого важного источника информации – погребальных комплексов указанного выше времени, то здесь будет уместно сослаться на заключение по их наличию, приведенные выше. В них признается, что подобных объектов применительно к периоду с середины I в. н.э. и по середину II в. н.э. археологически пока не зафиксировано. А ведь именно для этого времени постулируется формирование всего комплекса признаков раннеаланского археологического комплекса. Признаки, которые считаются «вошедшими» в этот культурный комплекс – это тайники и звериный стиль срубных комплексов. Однако согласно авторам, таковые из Брутского могильника датированы первой половиной V в. н.э., а Бесланского – поздней фазой первой половины III в. н.э. Это «выводит» их из границ формирования раннеаланского культурного комплекса.

В 2016 г. В.Ю. Малашев публикует новую монографию, в которой представлены его доводы о процессах формирования раннеаланской археологической культуры, с учетом новых материалов. Их основа – подкурганые погребения, датированные I – началом II вв. н.э. и относящиеся к среднесарматской культуре северокавказских степей. К ним автор отнес 18 захоронений: с. Ачикулак (2 погребения), г. Армавир – 1, захоронения Кобийского, Айгурского № 2, Бурунное – 3 могильников. Они датированы им второй половиной I – первой половиной – серединой II в. н.э. Датировка группы памятников II – первой половины III в. н.э. была уточнена: с середины II в. н.э. по вторую половину II в. н.э. Всего 16 погребений, и все они были отнесены исследователем ко второй половине II в. н.э. и первой половине III в. н.э. Это уже позднесарматская культура. Однако диагностические признаки среднесарматской культуры, по мнению автора, сохраняются и в позднесарматское время – во второй половине II – первой половине III вв. н.э. Население предгорий центральных районов Северного Кавказа в ходе миграций оказывается в Дагестане. Они оставили памятники типа Зеленоморского кургана. Керамический комплекс памятников круга Андрейаульского городища сформировался на керамике последних веков до н.э. из памятников бассейна р. Кумы, предгорной полосы центральных районов Северного Кавказа, и аланской керамики Северного Кавказа I–IV вв. н.э. Генетически керамика Андрейаульского городища восходит к керамическим традициям памятников последних веков до н.э. центральных районов Северного Кавказа. Проникновение на территорию

Прикаспийского Дагестана носителей этих керамических традиций бассейна происходило в последние века до н.э. и маркируется определенной группой памятников – курганами-кладбищами II в. до н.э. – I в. н.э.: курган № 4 Львовского VII могильника, Зеленоморский курган-кладбище, курган № 2 Манаскентского могильника, которые тесно связаны общими культурными корнями с аналогичными древностями Чегемского кургана и Заманкульских курганов, курганных групп I (курганы №№ 1, 3, 4) и II (курган № 1) могильника «Бамутский поворот», могильника «Орджоникидзевский» (курганы №№ 1 и 14) и Самашкинского курганного могильника (курганы №№ 2 и 3) в Чечне. Мнение В.Е. Маслова о том, что эти курганы-кладбища являются эпохальной инновацией и отражают приток степного населения на данную территорию с последующей интеграцией в местную среду, разделяется и В.Ю. Малашевым. Он считает, что курганы-кладбища Приморского Дагестана появляются в результате миграции носителей подобного обряда с территории Притеречья. Все эти памятники образуют самостоятельную культурно-хронологическую группу, охватывающую равнинные территории центральных и восточных районов Северного Кавказа. Они связаны общностью погребального обряда и вещевого комплекса (в первую очередь – керамического), которую можно обозначить как памятники типа «Чегем-Манаскент» с хронологическими рамками II в. до н.э. – I в. н.э. Население, оставившее памятники этой группы, явилось субстратом, на основе которого формировалась аланская культура и культура памятников круга Андрейаульского городища. Другим фактором культурогенеза стал миграционный импульс населения предкавказских степей – носителей комплекса раннесарматского времени и носителей среднесарматской культуры, который можно отнести к концу I – началу II вв. н.э. При этом роль населения, оставившего памятники «Чегем-Манаскент», а также среднесарматского степного населения была более значима при формировании аланской культуры; в культурном облике памятников круга Андрейаульского городища роль этих двух факторов была ниже, большее значение, видимо, имели традиции местного оседлого населения равнинных территорий Дагестана. Носители культурного комплекса типа «Чегем-Манаскент» являлись субстратом, на основе которого формировалась аланская культура. Формирование аланской культуры Северного Кавказа происходит в среднесарматское время на основе культуры оседлого и кочевого населения региона II в. до н.э. – I в. н.э. с участием среднесарматского миграционного импульса. Таким образом, носители среднесарматских культурных традиций, при участии населения предгорий (памятники типа «Чегем-Манаскент») и степи (носители культурного комплекса населения раннесарматского времени северокавказских степей) играли определенную роль в культурно-исторических процессах первой половины I тыс. н.э. центральных и восточных районов Северного Кавказа⁶⁰. Представленные в монографии В.Ю. Малашева данные демонстрируют, что формирование раннеаланского археологического комплекса происходило не только в зоне Центрального Предкавказья, но и «захватило» район Приморского Дагестана, куда во II в. до н.э. – I в. н.э. мигрировало население предгорий центральных районов Северного Кавказа. С чем это было связано – автор не уточнил. Это были те насельники Центрального Предкавказья, которые хоронили своих сородичей в т.н. «курганах-кладбищах». Но ведь именно этому населению отводится одна из главных ролей при возведении городищ – крепостей, что признаются т.н. «протогородами». Это было связано с перенаселенностью территории исхода? Или виной всему природо-климатические условия? К этому

времени подобные памятники здесь практически прекращают (за исключением единичных случаев) свое существование. Начало формирования аланской культуры В.Ю. Малашевым отнесено к концу I – началу II в. н.э. Это время первого этапа возведения крупных земляных городищ Центрального Предкавказья. Ранее начало этого этапа им было датировано началом этого столетия. Курганные погребения I – начала II вв. н.э. среднесарматской культуры трактуются как кочевнические, что подчеркивает лишь тип хозяйства населения степей, но не его этнокультурную принадлежность. Они не присутствуют среди центральнокавказских древностей, влияя на этнокультурную ситуацию лишь в Приморском Дагестане. По предварительной информации (комплексы пока не изданы) Бесланском могильнике найдено 9 погребений, которые датированы II в. до н.э. – первой половиной II в. н.э. В Брутском-1 могильнике – 13 погребений последних веков до н.э. Отдельные разрозненные погребения I – начала II в. н.э. из с. Брут и Моздока ранее фиксировала М.П. Абрамова⁶¹. Среди захоронений Замакнульских курганов некоторые из них отнесены, в том числе, и к I – началу II в. н.э. Комментарии на этот счет были даны нами выше. Миксированное население, оставившее т.н. «курганы-кладбища» типа Заманкула, Чегегма, курганов из предгорий Чечни уже не принадлежало к категории «степного населения», поэтому их присутствие в переселенческом потоке вряд ли отражало его приход. При этом центральные и отчасти – восточные районы Северного Кавказа В.Ю. Малашевым отчетливо обособляются от западных (внутренние районы Пятигорья) и восточных (территория Дагестана) памятников. Миграция же центральнокавказского населения в Северный Дагестан и появление там Т-образных катакомб в работе 2014 г. датирована первой половиной III в. н.э. На приведенной в данной публикации карте для территории формирования раннеаланской культуры автором показано 25 городищ, из них для Чечни и Ингушетии – лишь 3 объекта, хотя для этих территорий известно по 37 таких памятников, большинство которых обладают теми же внешними признаками: рвы, валы, цитадели, территория посада⁶². Местное северокавказское население III/I вв. до н.э. – начала II в. н.э. – носитель традиции захоронения в Т-образных катакомбах – является компонентом в формировании аланской культуры, а роль среднесарматской культуры в этом процессе – это наличие тайников с парадными уздечными наборами и изображениями на них в зверином стиле⁶³. Заметим, что эти элементы (Беслан) датированы временем не ранее первой половины III в. н.э.

В 2019 г. Д.С. Коробов публикует книгу, в которой часть материала напрямую относится к теме нашего исследования. Она написана в научно-популярном формате, но научным языком и с привлечением большого количества новейших данных в области антропологии, палеогенетики и смежных с ними вопросов археологии. В ней представлена широкая панорама проблематик, связанная с происхождением различных теорий и подходов, порой далеких от научных изысканий, посвященных проблеме происхождения алан как этнокультурного феномена. Автор учел большинство концепций на эту тему, разделив все материалы по временному принципу. Начальный этап – от III в. до н.э. до IV в.н.э. условно разделен на два блока. Первый включает в себя, в основном, археологические материалы среднесарматской культурно-хронологической традиции и т.н. «раннеаланский этап» – от середины I в. н.э. При этом учитывались и письменные свидетельства. Второй охватывает весь спектр мнений по проблеме алан как этноса и археологических памятников, связываемых с ними, в промежутке от V в. до середины XII в. н.э. При этом Д.С. Коробов

лишь приводит мнения других исследователей, документируя их современными материалами, основу которых составляют археологические источники. Он призывает быть разумно осторожным в интерпретациях вновь полученных данных, демонстрируя неполноту, фрагментарность и определенную противоречивость новых открытий, прежде всего, в области палеогенетики. Нас в настоящем обзоре будут интересовать лишь те сведения, которые касаются периода до финала эпохи раннего железного века, т.е. – по вторую половину IV в. н.э. включительно. В рамках настоящей статьи мы не ставим перед собой задачу дать развернутую характеристику всех положений, учтенных, или оставленных без внимания автором книги для изучаемого нами периода времени. Коснемся лишь нескольких важных, на наш взгляд, аспектов, имеющих прямое отношение к проблемам этнокультурного свойства. Их основу составляют исторические источники в виде современных археологических артефактов, а также результаты новейших антропологических и палеогенетических исследований. Особое внимание уделено первым результатам секвенирования палео-ДНК представителей среднесарматской и аланской археологических культур. Автор приходит к выводу о значительном вкладе местного северокавказского населения в процессе формирования аланского этноса и его многокомпонентности. Кроме того, представляются интересными сведения, приводимые Д.С. Коробовым, со ссылкой на изыскания Т.Т. Камболова, относительно количества языковых изоглоссов в осетинском языке, которым последний связан с другими кавказскими языками. Автор книги придерживается мнения о том, что в аланском конгломерате племен могли использоваться и языки местных, кавказских языковых групп, а также тюркский язык. Важны и интересны приводимые автором сопоставления между антропологическим типом и погребальными сооружениями, которые различными исследователями сопоставлялись с конкретными этносами. Делается вывод о том, что подобные сопоставления могут быть существенными при решении проблем, связанным с процессами миксации различных групп населения. Антропологические исследования показывают, что население, оставившее Бесланский и Брутский катакомбные могильники, было поликомпонентным, одним из составных частей которого было население сарматского времени. Близкий краниологический комплекс зафиксирован и для Алхан-Калинского катакомбного могильника, который автор датировал в рамках II–IV вв. н.э., точнее – второй половиной II – первой половиной III вв. н.э. и концом IV – первой половиной V в. н.э. Дата ранних комплексов несколько расходится с той, которую предлагают В.Ю. Малашев и Х.М. Мамаев, которыми был оставлен только самый финал этого столетия. В основном – это первая половина III в. н.э.⁶⁴ По мнению автора, некоторые особенности антропологического типа алан прослеживаются со II–IV вв. н.э. Далее представлены взгляды автора на вопрос о катакомбе как этническом определителе алан, который сопровождается экскурсом в историографию вопроса (М.П. Абрамова, Г.Е. Афанасьев, Т.А. Габуев, В.Ю. Малашев, А.И. Торгоев). При всей разнице во взглядах на истоки происхождения данного погребального сооружения, все авторы сходятся во мнении о том, что все катакомбы принадлежали аланам, и что это – этномаркирующий признак. Отдельная глава (№ 5) посвящена данным палеогенетических исследований, которые предоставляют совершенно новую информацию об этническом происхождении алан. Автором приводится широкий круг материалов, включая соседние с Северным Кавказом регионы. Так, ученые, исследовавшие палео-ДНК среднесарматского населения Нижнего Дона I в. н.э. свидетельствуют о его высоком

единообразии с точки зрения генофонда. Г.Е. Афанасьев отметил, что нет никакой значимой связи между характеристиками среднесарматских и кангюйских образцов с образцами из северокавказской аланской коллекции. Исходя из этого факта генетиками П. Де Барроуз, Дамгаард, М. Сикора, Э. Виллерсломом и археологом К. Кристианенсом был сделан вывод о том, что сарматы не принимали участия в формировании аланского генофонда. По мнению Г.Е. Афанасьева, приведенного Д.С. Коробовым, эти данные требуют проверки, т.к. ряд кавказских исследователей считают, что именно поздние сарматы (В.Ю. Малашев отводит эту роль среднесарматскому населению – С.Б.) дают импульс к возникновению на Северном Кавказе аланской культуры. Д.С. Коробов отмечает, что материалы исследований палеодНК показали, что для носителей аланской культуры Северного Кавказа и Среднего Дона большинство из имеющихся на сегодня данных относятся к галогруппам, которые характерны для коренных кавказских народов, в том числе – РСО-Алания, Дагестана, Чечни и Ингушетии. Автор приводит мнение о том, что если исходить из теории о том, что в основе этногенезе алан в качестве основы лежит сарматская составляющая, то в этом случае аланский суперстрат должен был «наложиться» на кавказский субстрат. Однако ситуация с полученными данными прямо противоположная: наблюдается преобладание галогруппы Y-хромосомы, характерной для северокавказского населения, при наличии определенного вклада носителей галогруппы, свойственной представителям салтовомаяцкой культуры. Эта галогруппа, по расчетам генетиков, сформировалась между 4100 и 5400 лет назад и была очень широко распространена в Евразии и характерна для населения индоиранского происхождения. Авторы исследования палеогенома сарматских и аланских образцов не смогли проследить непосредственной связи северокавказских алан с населением среднесарматской культуры Нижнего Дона. В то же время 2 образца из сарматских погребений и 2 образца из аланских катакомб совпадают на достаточно глубоком уровне галлопирования Y-хромосомы. И еще такой один образец происходит из катакомбы могильника «Левоподкумский-1», которую В.Ю. Малашев относит к местному типу – как автохтонное кавказское население, сложившееся под воздействием среднесарматской культуры и испытывавшее влияние ранних алан, но не идентичное им. В то же время, 11 из 12 образцов сарматского происхождения образцов ДНК попадают в кластер населения с характеристиками, характерными древним и средневековым обитателям уральских и среднеазиатских степей. Следуя гипотезе В.Ю. Малашева, в полученных результатах можно увидеть формирование аланской археологической культуры на основе оседлого и кочевого населения центральных и восточных регионов Предкавказья II в. до н.э. – I в. н.э. с участием среднесарматского кочевого компонента. Скорее всего, само это население появилось в результате смешения ираноязычных племен с автохтонными кавказскими этногруппами – потомками носителей кобанской культуры, о чем писал Е.И. Крупнов. Вклад кавказского субстрата в создание аланского этноса был значительным. Самые древние образцы, полученные из погребений Бесланского могильника II–IV вв. н.э. относятся к галогруппам, которые в настоящее время имеют наиболее широкое хождение среди находкагестанских народов, а в рассматриваемом случае – среди чеченцев. При этом непосредственной связи населения сарматского и аланского периода с более древними кавказскими культурами эпохи энеолита – бронзового века пока не просматривается. Субстрат же алан – носители кобанской культуры. Весьма вероятно, что образцы из мужских погребений кобанской культуры будут иметь

галогруппы, схожие как со средневековыми аланами, так и с современным северокавказским населением. Автор вполне обоснованно считает, что нам не следует слишком увлекаться сопоставлением генетических характеристик с этическими группами. Ведь принадлежность к той или иной галогруппе еще не говорит о принадлежности к этносу. Любой из народов состоит из множества индивидов, каждый из которых имеет свою генетическую историю. Ираноязычные племена наложились на мощный автохтонный пласт населения, восходящий к кобанской археологической культуре, но уже претерпевшие определенные культурные изменения к рубежу эр за счет влияния степных культур сарматского круга. По мнению В.Ю. Малашева, именно среднесарматская культура в сочетании с местными сарматизированными общностями и является тем этнокультурным котлом, из недр которого ко II в. н.э. выходят аланские племена. Представляется очевидным, что этот первичный конгломерат племен был достаточно пестрым в этническом плане и включал в себя представителей различных народов. Все попытки напрямую связать носителей тех или иных галогрупп с аланами и найти их соответствие среди современных представителей кавказских народов выглядят, по меньшей мере, наивными⁶⁵.

В заключении нашего обзора подведем некоторые итоги. Тема, связанная с изучением проблем этнокультурных реконструкций у населения Центрального Предкавказья для периода III в. до н.э. – IV в.н.э. и в XXI в. продолжает оставаться одной из центральных в исследованиях специалистов. Среди ее основных проблем – появление на исторической арене ранних алан, установление их среднеазиатских или кавказских корней, формы и характер межэтнических взаимовлияний, процессы формирования новых это-образований на территории Центрального Предкавказья как составной части Северного Кавказа. Источниковая база для них, помимо традиционных данных археологии, письменных источников, этнолингвистики, в последние годы заметно пополняется новыми сведениями в области антропологии, палеогенетики и смежных с ними вопросов. В ряде случаев это подтверждает выдвигаемые авторами теории, а иногда – опровергает их. В то же время следует признать, что основным, главным источником в таких реконструкциях, всегда должен оставаться детальный анализ именно археологических артефактов. Однако в этом направлении существует ряд проблем, которые, на наш взгляд, зачастую приводят их авторов лишь к предположениям, либо – к первичной постановке вопроса о том, как и в какой форме происходило формирование этнической карты Центрального Предкавказья в отмеченное выше время. Так, для концепции формирования и становления раннеаланского археологического комплекса, разрабатываемого В.Ю. Малашевым, по-прежнему остро не хватает именно археологической составляющей. Опубликованных материалов Т-образных катакомбных курганных погребений первой половины II в. н.э., происходящих из предгорной зоны Центрального Предкавказья, которая заявлена местом первого появления и становления аланского археологического комплекса, в распоряжении исследователей пока нет. Результаты работ на поселениях, и прежде всего – Зилгинском и Алхан-Калинском, опубликованы фрагментарно, на остальных памятниках – лишь небольшие раскопы, шурфы и случайные сборы, которые также изданы далеко не полностью. На наш взгляд, материальная основа для данной концепции пока явно отстает от попыток реконструкции исторического процесса, которые до сих пор не «вышли» из стадии вероятных предположений. Публикуемые же материалы – лишь с различной долей вероятности «встраиваются» в их рамки. Вновь, но на новом уровне наших знаний,

повторяется ситуация, когда гипотетичность ряда авторских трактовок равноценна несоразмерности привлекаемого археологического материала и делаемых на их основе выводов и построений, а соотношение между фактами и выводами не гармонично. Так, например, в работе 2009 г. Т.А. Габуев признавал правоту мнения В.Ю. Малашева об отсутствии связывающих памятников между регионом распространения джетыасарской культуры Нижней Сырдарьи Северным Кавказом. В дальнейшем это было подтверждено на значительном корпусе источников⁶⁶. Наличие среди керамических форм Зилгинского городища некоторого числа находок, бытующими в определенных районах Средней Азии (фрагменты орнаментированных кувшинов, крышки в виде плоских кругов с закраинами), было объяснено влиянием Кавказа⁶⁷. В то же время результаты анализов антропологического материала из памятников ранних алан показали, что нижне-джулатская серия чужеродна для населения Северного Кавказа. Черепа из Беслана оказались в одной группе с сериями из Чегема и Байтал-Чапкана: это материалы второго кластера – 3 серии из низовий Сырдарьи, джетыасарской культуры и серия из Нижне-Джулатского могильника. Вероятно, среднеазиатский «шлейф» все же нуждается в более детальном анализе. Отдельная проблема – какие погребения можно было бы «связать» со строителями этих городищ, ведь самые ранние подкурганые катакомбы (середины – вторая половина II в. н.э.), которые бы могли «претендовать» на этот статус, археологически засвидетельствованы тогда, когда сам раннеаланский комплекс был уже сформирован. Грунтовые же могильники, которые могли бы претендовать на эту роль, крайне немногочисленны, а количество захороненных в них не соответствует необходимой для таких работ численности населения.

Принятый в качестве «базового» объекта бытового объекта для этнокультурных реконструкций городище у с. Зильга в РСО-Алания находится в таком качестве во-многом благодаря масштабности произведенных работ. На наш взгляд, концепция возникновения раннеаланской предгосударственности, при отсутствии полноценной публикации имеющихся материалов из других памятников с территории той же Осетии, а также Чечни, Кабардино-Балкарии, Ставрополья, не обеспечена достаточной материальной базой. Для Зилгинского городища опубликованы лишь профили зачисток, проведенных В.И. Кузнецовым⁶⁸. До сих пор для данного памятника изданы лишь ряд керамических форм, которые не обосновали выделение раннего слоя⁶⁹. Общий план памятника, а также раскопанной его части, до сих пор не опубликован, как и Алхан-Калинского городища. Для территории Кабардино-Балкарии по данным И.М. Чеченова, из 20 городищ со слоями раннего железного века, лишь на 6 из них были заложены небольшие разведочные шурфы, и только 3 (Терекское, Хамидиевское и Нижне-Джулатское) копались небольшими площадями. На остальных производился сбор подъемного материала⁷⁰. Общие планы-схемы ряда городищ, чертежи стенок раскопов и некоторые детали структуры памятников опубликованы для Чечни⁷¹, Ингушетии⁷², Кабардино-Балкарии⁷³. Лишь для Чечни (Ханкальское городище № 2), Нижнего Джулата и Зилги есть немногочисленные чертежи стенок раскопов или зачисток. Информационная значимость таких материалов незначительна. Ситуация по Ставрополью выглядит лучше⁷⁴. Изучение поселенческих данных должно производиться комплексно. Для этого необходимо выделить отдельные группы городищ, изучить их внутреннюю структуру, наметить зоны группировки, оценить роль как отдельных городищ, так и их систем по нескольким критериям: размеры оборонительных сооружений,

наличие некрополей, дорог, доступность ресурсов, пространственное расположение⁷⁵. Ряд важных новаций по изучению поселенческой структуры представлены в монографии Г.Е. Афанасьева⁷⁶. И.С. Каменецкий для оценки функционирования городищ предложил учитывать скорость образования культурных напластований, а также динамику изменения числа городищ в сочетании с динамикой роста некоторой их части. Необходимо произвести деление по хронологии существования памятников, ведь те, для которых культурный слой не превышает 2 м, существовали недолго, в отличие от тех, которые имеют слои от 5 до 8 м. Кроме того, следует делать стратиграфическую схему бортов раскопа и по ним – выделять слои, каждый из которых соответствует определенному периоду. Фиксация же находок по «штыкам» не дает точной картины⁷⁷. Новые приемы в изучении поселенческой инфраструктуры могут предоставить методы, использованные М.Н. Дараган для оценки памятников Украины начальной эпохи раннего железного века, которые вполне применимы и для условий Центрального Предкавказья. Им было замечено, что планы-схемы не дают представления о взаимосвязи городищ с ландшафтом. Материалов из раскопок часто недостаточно для выводов о характере городищ. Нет представлений о сходстве или различии фортификации городищ, по какому принципу они сооружались. Исследователем были созданы цифровые модели рельефа, территории, проведена 3-х мерная визуализация памятников, оцифрованы топокарты, создана векторная модель данных, проведена тахеометрическая съемка городищ, построены трехмерные модели памятников и окружающего их рельефа. Для наиболее крупных городищ было уточнены их размеры и расположение в рельефе, определен характер и параметры элементов фортификации. В результате были созданы цифровые модели рельефа и проведена трехмерная визуализация памятников, сделаны тахеометрические съемки, что позволило получить трехмерные профили сохранившихся участков фортификации⁷⁸. В последние годы материалы раскопок бытовых памятников с территории Ставрополья стали издаваться комплексно. Для части из них (Кисловодская котловина) присутствуют и подробные данные по топографии, дано описание структуры памятников, их точное расположение в окружающем рельефе, использованы методы ГИС-моделирования по построению трехмерной пространственной модели территории, проведены почвенно-археологические и иные исследования⁷⁹. Однако в отсутствии обобщающих работ по картографированию, изучению структуры системы поселений, ее параметров, сложности иерархии для всей территории Центрального Предкавказья, разрешить проблему, связанную с т.н. «протогородской раннеаланской культурной средой» вряд ли получится.

Антропологические и особенно – палеогенетические исследования последних лет показали, что в ряде случаев в Т-образных катакомбах раннеаланской археологической культуры были захоронены представители коренного кавказского населения. Кроме того, ряд данных свидетельствует, что они были причастны к созданию этно-культурной среды, для которой захоронение в Т-образной катакомбе являлось базовым признаком. В то же время, необходимо дополнить эти сведения скрупулезным анализом археологических артефактов, зафиксированных во всем комплексе погребальных и поминальных традиций. Для этого, видимо, следует разработать и применить при анализе добытого материала определенные критерии. Подобные разработки, вероятно, следовало бы вести в ходе оценки материальных свидетельств т.н. «сарматизации» кавказского населения. При этом нужно учитывать как традиции, которые были свойственны предыдущим

эпохам, так и появление новых их вариаций, появившихся в результате дальнейшего самостоятельного развития, без внешнего влияния.

Что касается захоронений в т.н. «курганах-кладбищах», следует признать, что подобная практика могла быть присуща теряющим свой статус (прежде всего – в социальном плане) представителям кочевых группировок. Впрочем, реальная причина подобных инноваций могла быть значительно более сложной и многоаспектной. Например, не исключен и вариант трансформации идеологических норм, связанный со сменой способов ведения хозяйства. Наличие во впускных захоронениях в ряде курганов – кладбищ предгорной зоны Среднего Притеречья погребальных наборов, идентичных по статусу и размерам для некрополей Юго-Восточной Чечни (Ичкерии), а также иных обрядовых норм (вытянутые на спине индивидуальные захоронения), может свидетельствовать о переходе части местного населения к иному типу хозяйствования. Его вовлечение в военно – политические мероприятия в регионе на стороне сармат могло предполагать и смену способов захоронения как социально – престижного действия. На наш взгляд, более широкое употребление в эпоху раннего железного века обряда вытянутого труположения может быть связано с явлениями надкультурного, общеидеологического порядка, свойственного широкому кругу племенных групп как кочевнического, так и оседло-земледельческого типа. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы не дают нам оснований полагать, что оба признака – бескурганные катакомбы до н.э. и обязательность наличия ровиков – для курганных захоронений – могут быть полноценно применены для установления их причастности к выработке погребальных стандартов.

Теперь о проблеме т.н. «массового» оседания ранних алан на землю, что до сих пор ставит в тупик исследователей⁸⁰. На наш взгляд, отказ от номадизма неизбежно влечет за собой существенное изменение в социальном устройстве общества, и как следствие – происходит ослабление военной функции, что в условиях формирования нового этноконгломерата (этноколлектива) неизбежно приводит к утрате приоритета в этой доминанте. С этими же процессами связана и корректировка в погребально-поминальной обрядности. В таких условиях определяющими становятся те нормы, которые соответствуют новому (оседло-земледельческому) статусу вновь образующейся территориально-этнической общности. Но в этих условиях политическая доминанта вряд ли оставалась за сарматско-раннеаланскими племенами. Ведь при оседании на землю основа, на которой она выстраивалась – военное превосходство всаднической группировки – перестает существовать. Являясь в новых условиях лишь частью ополчения вновь формирующегося социума, пришлые этники были уже не в состоянии полноценно использовать былые преимущества, в т.ч. – настаивать на соблюдении «своих» норм обряда погребения. Вновь формирующаяся знать сама достаточно неоднородна – ведь в ее состав включаются как бывшие кочевники, так и социально ранжированная верхушка оседло-земледельческих коллективов. Даже войдя заметной и влиятельной группой в новый состав т.н. «элиты», процесс формирования которой неизбежно включал в себя смену предыдущей племенной структуры на принципиально иных для них приоритетах, они становились всего лишь его частью. Их место зависело, прежде всего, от того, какую роль в новом сообществе будут играть присущие именно им социально ориентированные функции. В эколого-географическом микрорайоне предгорных равнин подвижные, кочевые формы скотоводства объективно подлежат смене на придомные, либо – подвижные в иной плоскости – вертикально-

зональные. В этих условиях оседло-земледельческий и ремесленный уклады являются важнейшими, что и определяет социальную роль и место в номенклатуре иерархий каждой из групп населения. В это время, повсеместно растет роль вновь возводимых поселенческих центров, которые становятся основой производственно-бытового существования нового сообщества. У исследователей до сих пор нет внятного представления о механизмах оседания номадов на землю, отсутствует и формулировка самой причины (либо – комплекса причин) этого явления, а в перечне последствий – названа лишь этно-культурная составляющая, нет ясности в том, за счет чего эта гегемония осуществлялась. К тому же археологически зафиксированных следов массивированного проникновения на изучаемую территорию кочевников с новым набором культурологических признаков не фиксируется. Никаких следов вторжения и активных боевых действий материалы, полученные в ходе раскопок могильников и поселений Центрального Предкавказья, датируемых серединой I в. н.э., не содержат. Более того, именно к этому времени относится наибольшая активность в возведении новых городищ, обладающих разветвленной структурой и продуманной системой сложных оборонительных сооружений, процесс возведения которых завершается в первой половине II в. н.э., который в настоящее время представляется некоторой частью современных исследователей как доказательство формирования основ раннеаланского археологического комплекса. Вполне вероятно, что основной причиной начала их повсеместного возведения послужило резкое нарастание вооруженного противостояния аорского и сиракского племенных союзов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Габуев Т.А.* Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ: «Иристон», 1999. 148 с. С. 57–65, 114, 121, 128, 131, 132; *Гутнов Ф.Х.* Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории. Владикавказ: «ИР», 2001. 256 с. С. 52, 53, 58, 67, 71, 80, 94, 105, 106, 109, 117–148; *Арсанукаев Р.Д.* Вайнахи и аланы. Баку: «Абилов, Зейналов и сыновья», 2002. 270 с. С. 142–154, 158–161; *История Чечни с древнейших времен до конца XIX в. Т. 1. Грозный: ГУП «Книжное издательство Грозненский рабочий», 2006. 826 с. С. 56–79; Дударев С.Л.* Еще раз об этнической принадлежности кобанской культуры // Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С.А. Скорого. Киев–Полтава, 2009. 456 с. С. 135–141; *Багаев М.Х.* Была ли нахская цивилизация? // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов международной конференции. Владикавказ: СОИГСИ, 2008. 407 с. С. 29–31; *Багаев М.Х.* Автохтоны, аланы и Алания Северного Кавказа в свете археологических и иных источников // XXVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов международной конференции. Махачкала: «Мавраевъ», 2012. 412 с. С. 265; *История Ингушетии. Магас–Нальчик, 2011. 486 с. С. 59–66; Кодзоев Н.Д.* Очерки истории ингушского народа с древнейших времен до конца XIX в. Назрань: «Сердало», 2000. 182 с. С. 56–57, 71–79; *Кодзоев Н.Д.* История ингушского народа с древнейших времен до 1917 года. Назрань: «Сердало», 2012. 278 с. С. 47, 61–65, 101–102; *Герасимова М.М.* Население Северного Кавказа в раннем железном веке // Вестник антропологии. № 11. М., 2004. С. 76–86, 78, 81; *Козенкова В.И.* Поселок – убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М.: «Наука», 2001. 198 с. С. 91–93; *Туаллагов А.А.* К вопросу о пребывании скифов на Северном Кавказе // Вестник Владикавказского научного центра. Т. 4. Владикавказ, 2004. № 1. С. 12–14; *Туаллагов А.А.* Северный Кавказ: от скифов до ранних алан. Владикавказ: СОИГСИ,

2007. 400 с. С. 47–55, 167–169; Археология Северной Осетии. Сборник научных трудов в 2-х частях. Ч. 2. Владикавказ: СОИГСИ, 2007. 295 с. С. 5–108. С. 22, 23, 97; *Савенко С.Н.* Вклад Кавказоведческой школы в исследование проблем археологии региона сарматского времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.) // Кавказоведческая Школа В.Б. Виноградова: 50 лет в пути: сборник научно-исследовательских очерков и био-библиографических материалов. Армавир: Ставрополь: «Дизайн-студия Б», 2013. 620 с. С. 94–117; *Бурков С.Б.* Информационная ценность источниковой базы материалов эпохи раннего железного века с территории Чечни // Вестник Российского университета дружбы народов (РУДН), серия «Всеобщая история», 2014 г. № 4. С. 75–83; *Туаллагов А.А.* Скифы и сарматы Северного Кавказа. Учебное пособие. Владикавказ: СОГУ, 2006. 171 с. С. 48, 49, 59–61, 69, 73; *Туаллагов А.А.* Аланы Придарьяля и закавказские походы I–II в. н.э. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО–А, 2014. 230 с. С. 8, 11, 12, 14, 154, 164; *Туаллагов А.А.* Ранние аланы. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО–А, 2014. 462 с. С. 7, 179, 180, 183, 191–196, 198, 206, 209, 211, 214, 261, 262, 319, 356, 360, 363; История Северной Осетии с древнейших времен до конца XVIII в. Т. 1. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2019. 498 с. С. 58, 84, 90, 93–95, 97, 99, 101, 105, 107, 108–122, 160–163, 190, 193, 205.

2. *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: «Наука», 1960. 520 с. С. 387–396; *Виноградов В.Б.* К изучению взаимоотношений между аборигенами Центрального Кавказа и ираноязычными степняками в раннем железном веке // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII (Крупновские чтения 1972–2006 гг.). Памятники исторической мысли. М.–Ставрополь: Памятники исторической мысли, 2008. 976 с. С. 86; *Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н.э.). Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1972. 389 с. С. 26, 32–33, 84–93, 284–313 (390 с.); *Виноградов В.Б.* Назревшие проблемы изучения роли плоскостной и степной зон в этнокультурной истории центральной части Северного Кавказа // Этнокультурные проблемы эпохи бронзы Северного Кавказа. Владикавказ: СОГУ, 1986. 115 с. С. 6–8; *Мизиев И.М.* Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик: «Эльбрус», 1986. 184 с.; *Виноградов В.Б., Березин Я.Б.* Центральное Предкавказье во второй половине I тысячелетия до нашей эры (очерк этнокультурных процессов) // Проблемы сарматской археологии и истории. Тезисы докладов конференции. Азов: ИА АН СССР, 1988. 134 с. С. 28–41; *Петренко В.А.* Погребальный обряд Ханкальского могильника как показатель его этнической принадлежности // Материалы по изучению историко – культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. С. 202–203; *Ковалевская В.Б.* Центральное Предкавказье в древности и раннем средневековье (кавказский субстрат и передвижения ираноязычных племен): Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д-ра ист. н. М.: ИА СССР, 1988. 37 с.; *Петренко В.А., Савенко С.Н.* Этносоциальная интерпретация некоторых черт катакомбного обряда Центрального Предкавказья в середине I тыс. до н.э. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. С. 239; *Петренко В.А.* Погребальный обряд населения Юго-Восточной Чечни в III в. до н.э. – IV в.н.э. как этнический показатель // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный: ЧИНИИИЯЛ, 1979. 181 с. С. 27–34; *Виноградов В.Б., Петренко В.А., Мялковский В.А.* К этнической истории Северо-Западного Прикаспия (предварительное сообщение) // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный: ЧИНИИИЯЛ, 1979. 181 с. С. 45–58; *Багаев М.Х.* Происхождение вайнахского народа // Проблемы происхождения нахских народов. Материалы научной конференции, состоявшейся в Шатое в 1992 г. Махачкала, 1992. 197 с. С. 145–156; *Багаев М.Х.* Гипотезы о происхождении чеченцев и ингушей // Материалы по изучению историко – культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. С. 200; *Багаев М.Х.* Элементы звериного стиля в декоративно-прикладном искусстве вайнахов во второй половине I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Там же. С. 348; *Багаев М.Х.* Археологические культуры и проблема этногенеза вайнахов // Там же. С. 373; *Багаев М.Х.* Правайнахи и их связи с кочевниками Северного Кавказа // Там же. С. 398–399; *Багаев М.Х.* К проблеме хуррито-урартских и нахо-дагестанских связей // Там же. С. 446–447; *Багаев М.Х.* К вопросу о нахо-дагестанской

общности // Там же. С. 791; *Козенкова В.И.* Некоторые археологические критерии в этногенетических исследованиях (на материалах кобанской культуры Кавказа) // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный: ЧИИИСФ, 1981. 140 с. С. 45–57; *Козенкова В.И.* Восточнокобанские древности как проявление фенотипа в этногенезе вайнахов // Проблемы происхождения нахских народов. Материалы научной конференции, состоявшейся в Шатое в 1992 г. Махачкала, 1996. 197 с. С. 13–23; *Козенкова В.И.* Некоторые археологические критерии этногенетических исследований (на материалах кобанской культуры) // Материалы по изучению историко – культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. С. 192–193; *Абрамова М.П.* К вопросу об этническом составе населения Центрального Предкавказья в сарматскую эпоху // Там же С. 370; *Чеченов И.М.* К историографии ранней этнической истории Северного Кавказа // Там же. С. 393; *Ковалевская В.Б.* Специфика взаимоотношений степных и горных народов Центрального Предкавказья в I тыс. до н.э. – I тыс.н.э. // Там же. С. 404–405; *Техов Б.В.* К этнической принадлежности создателей кобанской культуры Центрального Кавказа // От скифов – до осетин. Материалы по осетиноведению, Вып. 1. М., 1994. 128 с. С. 4–19; *Мужухоев М.Б.* Нарты. Аланы. Вайнахи (К истории ингушского народа). Назрань, 1996. 107 с. С. 6–7, 45, 48, 59–71; *Ковалевская В.Б.* Кавказ – скифы, сарматы, аланы (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). М.: Пушкино, ОНТ ИПЦ РАН, 2005. 397 с. С. 23, 35–36, 45–48, 50–72, 76–85; *Абрамова М.П.* Взаимоотношения древнего населения Чечено-Ингушетии с ираноязычными кочевыми племенами // Проблемы происхождения нахских народов. Материалы научной конференции, состоявшейся в Шатое в 1992 г. Махачкала, 1996. С. 24–35; *Марковин В.И.* Археологический аспект в изучении этногенеза вайнахов // Там же. С. 10; *Мужухоев М.Б.* Этнические процессы на Центральном Кавказе в древности (кобанская культура) // Там же. С. 62–74; *Арсанукаев Р.Д.* Некоторые вопросы этнической истории Северного Кавказа // Там же. С. 187–189; *Сигаури И.М.* Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. Т. 1. М.: «Русская жизнь», 1997. 366 с. С. 146–148; *Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М., 1993. 240 с. С. 191–201.

3. *Марковин В.И.* Спорные вопросы в этногенетическом изучении древностей Северного Кавказа // СА. 1990. № 4. С. 106–122; *Чеченов И.М.* К проблеме изучения древней истории и археологии Северного Кавказа // СА. 1990. № 4. С. 144–153; *Корневский С.Н.* К дискуссии об этнической интерпретации майкопской культуры // СА. 1990. № 4. С. 125–131; *Чеченов И.М.* Новые негативные явления в освещении древней истории Северного Кавказа // XVIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа – в сб.: материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. М., 2008. С. 500–501; *Кузнецов В.А., Чеченов И.М.* История и национальное самосознание. Проблемы современной историографии Северного Кавказа. Пятигорск, 1998. 89 с.; *Кузнецов В.А., Чеченов И.М.* История и национальное самосознание. Проблемы современной историографии Северного Кавказа. Владикавказ: СОИГСИ, 2000. 112 с. С. 63–73; *Марковин В.И.* Тенденции последних лет (1991–1997) в историко-археологическом изучении Северного Кавказа // Кавказ и степной мир в древности и средние века. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2000. 251 с. С. 125–132; *Гаджиев М.М., Кузнецов В.А., Чеченов И.М.* История в зеркале паранауки: критика современной этноцентрической историографии Северного Кавказа. М.: ИАЭ РАН, 2006. 291 с.

4. *Шнирельман В.А.* Быть аланами: интеллектуалы и политика на Кавказе в XX веке. М.: «Новое литературное обозрение», 2006. 693 с., *Дидзоев В.Д.* От искажений отдельных исторических фактов до фальсификации осетино-ингушских отношений (исследование конкретного политико-правового казуса: ответ автору книги «Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке» В.А. Шнирельману. Владикавказ: ИПП им. В. Гассиева, 2010. 127 с.; *Туаллагов А.А.* Нахоязычные скифы и аланы – реальность или миф? Владикавказ: СОИГСИ, 2008. 110 с.; *Нухажиев Н.С., Умхаев Х.С.* В поисках национальной идентичности. Грозный: ФГУПИПК «Грозненский рабочий», 2012. 720 с.; *Гадиев У.Б.* Историческое мифотворчество в книге «В поисках национальной идентичности». Магас: ООО «КЕП», 2013. 206 с.; *Муртазов Т.А.* Зеленчукская надпись. Перевод

надписи на абхазко-абазинском языке. Пятигорск: ООО «КоЛибри», 2013. 111 с.; Туаллагов А.А. Рецензия: Муратов Т.А. Зеленчукская надпись. Перевод надписи на абхазко-абазинском языке. Пятигорск: РИА на Кавминводах, 2013. 112 с. // Известия СОИГСИ. 2015. № 15 (54). С. 137–145; Туаллагов А.А. Зеленчукская надпись. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. 430 с.

5. Некрасова И.М. Научная сессия в г. Нальчик (1959 г.) // Вопросы истории. 1959. № 12. С. 179–181; Происхождение осетинского народа. Материалы научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин. СОНИИ, Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. 336 с.; Международная конференция «Осетиноведение: история и современность. Тезисы докладов. Владикавказ: Республиканская книжная типография, 1991. 148 с.; Проблемы происхождения нахских народов. Материалы научной конференции, состоявшейся в Шатое в 1992 г. Махачкала, 1996. 197 с.; Аланы и асы в этнической истории регионов Евразии. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием. 24–26 июня 2010 г. Карачаевск: КЧГУ, 2010. 324 с.; Этногенез, история, язык и культура карачаево-балкарского народа. Международная научная конференция 24–28 ноября 2014 г. г. Москва // <http://www.elbrusoid.org/m/forum/forum183/topic24471/>; Этногенез и этническая история народов Кавказа. Материалы I международного нахского научного конгресса. г. Грозный, 11–12 сентября 2018 г. ИПК «Грозненский рабочий», 2018. 1072 с.

6. Петренко В.А. Состояние изучения этнического состава населения Среднего Причеречья в сарматскую эпоху (III в. до н.э. – IV в. н.э.) // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып. 2. Материалы всероссийской научной конференции 21–22 сентября 1978 г. Грозный: ЧИГУ, 1980. С. 18–19.

7. Виноградов В.Б. Назревшие проблемы изучения роли плоскостной и степной зон в этнокультурной истории центральной части Северного Кавказа // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, СОГУ, 1986. 116 с. С. 3–11. С. 10.

8. Березин Я.Б. Историография изучения сарматской эпохи Центрального Предкавказья (40–80-е гг.) // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. С. 68–75.

9. Виноградов В.Б., Березин Я.Б. Центральное Предкавказье во второй половине I тысячелетия до нашей эры (очерк этнокультурных процессов) // Проблемы сарматской археологии и истории. Азов Ростовской области. ИА АН СССР, 1988. 134 с. С. 28–41.

10. Савенко С.Н. Вклад Кавказоведческой школы в исследование проблем археологии региона сарматского времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.) // Кавказоведческая Школа В.Б. Виноградова: 50 лет в пути: сборник научно-исследовательских очерков и био-библиографических материалов. Армавир: Ставрополь: «Дизайн-студия Б», 2013. 620 с. С. 94–117.

11. Бурков С.Б. Роль В.А. Петренко в изучении и интерпретации памятников археологии Чечено-Ингушетии в 60–70-е гг. XX в. // Российский Северный Кавказ: социокультурные, экономические и политические аспекты истории XVIII – начала XXI века, материалы к историко-археологическому изучению региона. Доклады и сообщения 21 межрегионального семинара Кавказоведческой школы В.Б. Виноградова. Армавир–Ставрополь: «Дизайн-Студия Б», 2017. 88 с. С. 48–53; Бурков С.Б. Древности Чечни сарматского времени в работах В.А. Петренко. Ч. I // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 8. Нальчик, РИО ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 138 с. С. 20–34; Бурков С.Б. О неопубликованной монографии В.А. Петренко «Сармато-раннеаланские древности Чечни, историко-культурный аспект» // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 9. Нальчик: РИО ИГИ КБНЦ РАН, 2019. 120 с. С. 39–62; Бурков С.Б. Сарматские древности Чечни в работах В.А. Петренко. Ч. II // Археологическое наследие: интерпретации и материалы. Владикавказ: ИИА, 2019. 268 с. С. 20–32.

12. Абрамова М.П. Курганные могильники Северного Кавказа первых веков нашей эры // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сборник памяти М.П. Абрамовой (Отв. ред.: В.И. Козенкова, В.Ю. Малашев). Материалы и исследования по археологии России. Т. 8. М.: ИА РАН, «ТАУС», 2007. 532 с. С. 13–188.

13. *Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). Археология великого переселения народов и раннего средневековья. Вып. 2. М.: ИА РАН, 1993. 249 с.; *Абрамова М.П.* Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н.э. М.: ИА РАН, 1997. 166 с.
14. *Бурков С.Б.* Сарматы и ранние аланы Центрального Предкавказья в монографических изданиях 60–90-х гг. XX в. Этнокультурные реконструкции // Археологическое наследие: интерпретации и материалы. Вып. 2. Владикавказ: ИИА, 2021 (в печати).
15. *Виноградов В.Б., Березин Я.Б.* Катакомбные погребения и их носители в Центральном Предкавказье в III в. до н.э. – IV в. н.э. // Античность и варварский мир. Сборник научных трудов. Орджоникидз: СОГУ, 1985. 138 с. С. 43–63. С. 45.
16. *Арсанукаев Р.Д.* Вайнахи и аланы. Баку, «Абилов, Зейналов и сыновья», 2002. 270 с. С. 142–154, 158–161.
17. *Прокопенко Ю.А.* Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ставрополь: СГУ, 2005. 819 с. С. 27–47, 313–339.
18. *Кузнецов В.А.* Иранизация и тюркизация центральнокавказского субрегиона // МИАР. Вып. 1. Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. М.: ИА РАН, 1997. 182 с. С. 153–176. С. 157.
19. *Прокопенко Ю.А.* Скифы, сарматы и племена кобанской культуры Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ч. 1. Ставрополь: СКФУ, 2013. 446 с. С. 73; *Прокопенко Ю.А.* Скифы, сарматы и племена кобанской культуры Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ч. 2. Ставрополь: СКФУ, 2014. 726 с. С. 60–78.
20. *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Материалы погребальных памятников Среднего Притеречья о роли сарматов в этнокультурной истории Северного Кавказа // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Межвузовский сборник статей. Владикавказ: СОГУ, 1983. 116 с. С. 102–104.
21. *Мошкова М.Г., Малашев В.Ю.* Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Научные школы Волгоградского государственного университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград: ВГУ, 1999. С. 172–212.
22. *Ковалевская В.Б., Кузнецов В.А.* Памятники эпохи раннего средневековья (IV–XIII вв.) // Археология Северной Осетии. Сборник научных трудов в 2-х частях. Ч. 2. Владикавказ: СОИГСИ, 2007. 295 с. С. 109–248. С. 118.
23. *Ковалевская В.Б.* Кавказ – скифы, сарматы, аланы. М.: Пушино, ОНТИ ПНЦ ИА РАН, 2005. 398 с. С. 9, 71, 77, 7–81, 83, 84, 132, 133.
24. *Прокопенко Ю.А.* Скифы, сарматы и племена кобанской культуры Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ч. 1. Ставрополь: СКФУ, 2013. 446 с. С. 107, 108.
25. *Петренко В.А.* Клад конского снаряжения из раскопок второго Ханкальского городища // СА. 1975. № 4. С. 256–259. С. 259.
26. *Березин Я.Б.* Центральное Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э. // Проблемы сарматской археологии и истории. Азов, 1998. С. 33; *Березин Я.Б.* К вопросу о кочевничестве сарматских племен в Центральном Предкавказье (III в. до н.э. – IV в. н.э.) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный: ЧИГУ, 1984. 162 с. С. 44–45.
27. *Петренко В.А.* Культура населения Среднего Притеречья в сарматскую эпоху (III в. до н.э. – IV в. н.э. Автореферат диссертации... канд. истор. наук. М., МГУ, 1980. 22 с. С. 17–18; *Багаев М.Х.* Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье (VI в. до н.э. – XII в. н.э.). М.: ИА РАН, 2008. 2008. 455 с. С. 52–62.
28. *Маслов В.Е., Красильников К.И., Пятых Г.Г.* Катакомбные погребения последних веков до нашей эры на территории Дагестана // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 2. Нальчик: КБИГИ, 2013. 187 с. С. 33–39. С. 33.
29. *Куринских О.И., Малашев В.Ю.* Новые погребальные памятники II в. до н.э. – первой половины II в. н.э. на территории предгорной зоны Северной Осетии-Алании // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и

интерпретации. XXVII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Материалы международной научной конференции. Махачкала, 23–28 апреля 2012 г. Махачкала: «Мавраевъ», 2012. 412 с. С. 204–205. С. 204.

30. *Дзуцев Ф.С., Малашев В.Ю.* Бесланский археологический комплекс раннеаланской эпохи. Некоторые итоги исследований 1988–2014 гг. Владикавказ: «Прект-экспресс», 2015. 112 с. С. 10.

31. *Малашев В.Ю.* Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н.э. М.: ИА РАН, 2016. 208 с. С. 12, 13.

32. *Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа (Материалы и исследования по археологии России). М.: «Тauc», 2009. 468 с. С. 156, 164.

33. *Бурков С.Б.* К вопросу о т.н. «протогородах» и их создателях на Центральном и Северо-Восточном Кавказе // XV международная научно-практическая конференция «Современные концепции научных исследований. Евразийский союз ученых (ЕСУ). № 6 (15). М., 2015. С. 88–91.

34. *Керефов Б.М.* Чегемкий курган – кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2. Нальчик, «Эльбрус». 1985. 280 с. С. 135–259. С. 172.

35. *Маслов В.Е.* Раннескифская история и Геродот // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти М.Н. Погребовой (Москва, 25–27 апреля, 2016 г.). М.: ИВ РАН, 2016. 264 с. С. 162–170. С. 165–168.

36. *Козенкова В.И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. САИ. Вып. В2-5. М., 1982. 175 с. С. 13–34; *Козенкова В.И.* Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. Вып. В2-5. М.: «Наука», 1995. 166 с.; *Бурков С.Б.* Стрелы как часть военного инструментария у племен Центрального Предкавказья в конце II – начале I тыс. до н.э. по археологическим данным // Вестник Академии Наук ЧР. 2019 г. № 4. С. 57–66; *Бурков С.Б.* Лук и стрелы у племен Кавказа и Закавказья в конце II – начале I тысячелетия до н.э. в графическом искусстве и предметах бронзовой антропоморфной пластики // «Кавказ – прошлое-настоящее-будущее». 2019 г. № 5. С. 114–135; *Бурков С.Б.* Луки и стрелковый инструментарий у племен Кавказа и Закавказья в середине II – середине I тыс. до н.э. по археологическим материалам // Известия Юго-Западного государственного университета: Серия: «История и право». 2019 г. Т. 9. № 5. С. 173–191; *Бурков С.Б.* Булавка с всадником из собрания Венского музея. Вопросы происхождения и датирования // История: факты и символы. 2019 г. № 2. С. 68–91.

37. *Березин Я.Б.* К вопросу о кочевничестве сарматских племен в Центральном Предкавказье // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный: ЧИГУ, 1984. 159 с. С. 43–48. С. 44–46; *Раев Б.А.* Ранние аланы и горные системы Евразии: выбор экологической ниши // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации. Сборник материалов международной научной конференции. Алматы, 21–23 ноября 2007 г. Алматы, «Дайк-пресс», 2008. 268 с. С. 124–133. С. 125, 128–130.

38. *Тихонов А.Г.* Новые данные к антропологии населения кобанской культуры (по материалам могильника Уллубаганалы) // Вестник антропологии. 1996. № 1. С. 74–96. С. 96.

39. *Ковалевская В.Б., Морозова И.Ю., Рычков С.Ю.* Передвижения ранних скифов на основании картографирования акинаков VII–V вв. до н.э. и использование генетических данных // Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Материалы Международной научной конференции памяти А.И. Мелуковой (г. Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.). ЮНЦ РАН: Ростов на-Дону, 2014. 455 с. С. 141–161. С. 156.

40. *Коробов Д.С.* Аланы Северного Кавказа: этнос, археология, палеогенетика. СПб.: Нестор-история, 2019. 156 с. С. 129, 131, 133, 134.

41. Eugenia Boulygina, Svetlana Tsygankova, Fedor Sharko, Natalia Slobodova, Natalia Gruzdeva, Andrej Belinsky, Heinrich Härke, Anna Kadieva, Sergej Demidenko,

Tatiana Shvedchikova, Maria Dobrovolskaya, Irina Reshetova, Dmitry Korobov, Artem Nedoluzhko. Mitochondrial and Y-chromosome diversity of the prehistoric Koban culture of the North Caucasus // *Journal of Archaeological Science: Reports* Vol. 31. June 2020.

42. *Туаллагов А.А.* Скифы и сарматы Северного Кавказа. Учебное пособие. Владикавказ: СОГУ, 2006. 171 с. С. 48–50, 54, 56, 57, 59–61, 67, 69, 70, 73.

43. *Ростунов В.Л., Березин Я.Б.* Скифо – сарматский период на территории Северной Осетии // *Археология Северной Осетии. Сборник научных трудов в двух частях. Ч. 2.* Владикавказ: СОИГСИ, 2007. 431 с. С. 5–60. С. 12, 22, 23.

44. *Туаллагов А.А.* Раннеаланский период на территории современной Северной Осетии // *Археология Северной Осетии. Сборник научных трудов в двух частях. Ч. 2.* (Ред.: А.А. Туаллагов). Владикавказ: СОИГСИ, 2007. 431 с. С. 61–108. С. 97.

45. *Ковалевская В.Б.* Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Пущино: ОНТИ ПМЦ РАН, 2005. 398 с. С. 71, 79, 84.

46. *Туаллагов А.А.* Северный Кавказ: от скифов до ранних алан (историко-археологические очерки). Владикавказ: СОИГСИ, 2007. 399 с. С. 167–169, 285–292. С. 367–370. Рис. 24–27; *Бурков С.Б.* Каталог С.И. Ходжаш как источник по изучению древнеегипетских скарабеев // *Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 7.* Нальчик: РИО КБИГИ, 2017. 173 с. С. 103–119. С. 111.

47. *Бакушев М.А.* Погребальный обряд населения Дагестана албано-сарматского времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.). Ростов н/Дону: ЗАО «Ростиздат», 2008. 208 с. С. 38–40, 46–75, 89, 123, 129, 136, 147–154.

48. *Багаев М.Х.* Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Диссертация на соискание ученой степени доктора ист. наук. М.: ИА РАН, 2005. 512 с.; *Багаев М.Х.* Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Автореферат диссертации... доктора историч. наук. М.: ИА РАН, 2005. 40 с.

49. *Виноградов В.Б.* Назревшие проблемы изучения роли плоскостной и степной зон в этнокультурной истории центральной части Северного Кавказа // *Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа* (Отв. ред.: Т.Б. Тургиев). Орджоникидзе: СОГУ, 1986. 116 с. С. 3–11; *Виноградов В.Б., Березин Я.Б.* Центральное Предкавказье во второй половине I тысячелетия до нашей эры (очерк этнокультурных процессов) // *Проблемы сарматской археологии и истории. Азов Ростовской области: ИА АН СССР*, 1988. 134 с. С. 28–41.

50. *Багаев М.Х.* Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). М.: «Наука», 2008. 455 с. С. 10–31, 81–100, 163–173.

51. *Бурков С.Б., Прокопенко Ю.А.* Подкурганские погребения раннего железного века – эпохи раннего средневековья с территории предгорной Чечни. Ставрополь: «Графа», 2009. 384 с. С. 5, 297–302, 310.

52. *Малашев В.Ю., Мамаев Х.М.* Алхан-Калинский могильник (материалы раскопок 1937–1938 гг.) // *Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа* (Отв. ред.: Х.М. Мамаев). М.: ИА РАН; Грозный, АН ЧР, 201. 268 с. С. 234–276. С. 249, 250.

53. *Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа (Материалы и исследования по археологии России). М.: «Таус», 2009. 468 с. С. 87, 88, 106–108, 111–117, 145–148, 150–157, 160–164.

54. *Герасимова М.М., Суворова Н.А., Фризен С.Ю.* Палеоантропологические материалы ранних алан с территории РСО-Алания // *Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа (Материалы и исследования по археологии России). М.: «Таус», 2009. 468 с. С. 324–339. С. 332, 334–337.

55. *Ковалевская В.Б., Кузнецов В.А.* Памятники эпохи раннего средневековья (IV–XIII вв.) // *Археология Северной Осетии. Ч. 2.* Владикавказ: СОИГСИ, 2007. 295 с. С. 109–248. С. 119, 149, 158.

56. *Бурков С.Б.* К вопросу о т.н. «протогородах» и их создателях на Центральном и Северо-Восточном Кавказе // XV международная научно-практическая конференция «Современные концепции научных исследований. Евразийский союз ученых (ЕСУ). № 6 (15). М., 2015. С. 88–91. С. 89.

57. *Аржанцева И.А.* Начало работ на Зилгинском городище // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. (Крупновские чтения 1972–2006 гг.). Памятники исторической мысли. М.–Ставрополь, 2008. 976 с. С. 386–387. С. 386; Аржанцева И.А., Деопик Д.В.* Зилгинское городище в Северной Осетии. Исследования последних лет // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. С. 452–453. С. 453; Arzhantseva I., Deopik D., Malashev V.* Zilgi: an early Alan proto-city of the first millenium AD on the boundary between steppe and hill country // *Les sites archéologiques en Crimee et au Caucase durant l'Antiquité tardive et la haut Moyen-Age. Colloquia Pontica. Vol. 5. Leiden-Boston-Köln, 2000. 302 p. P. 211–250. P. 223, 242–243.*

58. *Петренко В.А.* Отчет о полевых работах 3-го отряда ППАЭ в 1977 г. Грозный, 1978 // *НАА ИА АН РАН. Р-1. № 6798; Петренко В.А.* Раскопки и разведки памятников раннежелезного века в Чечено-Ингушетии // *АО 1977 г. М.: Наука, 1978. 600 с. С. 136–137; Он же:* К вопросу об этническом составе поселений плоскости Среднего Притеречья в сарматское время // *Тезисы докладов конференции профессорско-преподавательского состава Чечено-Ингушского государственного университета им. Л.Н. Толстого по итогам научно-исследовательской работы за 1982 г. Грозный, 1983. С. 59; Петренко В.А.* Хронология погребального инвентаря сарматского времени (III в. до н. э. – IV в. н. э.) из могильников Юго-Восточной Чечни // *Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. (Ред.: В.Б. Виноградов). Грозный: ЧИНИИЯЛ, 1986. 96 с. С. 33–44. С. 35. С. 38. Табл. 1, 7, 3. С. 39. Табл. 2, 52.*

59. *Аржанцева И.А., Малашев В.Ю.* Зилгинское городище и проблема аланского протогорода I тыс. н.э. на Северном Кавказе // *60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Тезисы докладов юбилейной конференции, посвященной 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва, 20–24 декабря 1999 г. М.: МГУ, 1999. 276 с. С. 162–165. С. 164, 165; Малашев В.Ю.* Аланская культура Северного Кавказского региона во II–IV в. н.э. // *КСИА. Вып. 234 (Гл. ред.: Н.А. Макаров). М.: Языки славянской культуры: Знак, 2014. 408 с. С. 72–83. С. 77–79; Малашев В.Ю.* Аланская культура Северного Кавказа: проблема ранней государственности // *Раннегосударственные образования и «княжеская» культура на Северном Кавказе в конце античности – начале средневековья. Тезисы докладов международного семинара. Махачкала, 13–17 ноября 2013 г. М.: ИА РАН, 2013. 51 с. С. 27–29.*

60. *Малашев В.Ю.* Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н.э. М.: ИА РАН, 2016. 208 с. С. 7, 8, 12–14, 42, 44–47, 64, 65.

61. *Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М.: Наука, 1993. 240 с. С. 107.

62. *Малашев В.Ю.* Аланская культура Северного Кавказского региона во II–IV в. н.э. // *КСИА. Вып. 234. М.: Языки славянской культуры: Знак, 2014. 408 с. С. 72–83. С. 74; <https://kartarf.ru/pamyatniki/region/6-respublika-ingushetiya?page=9®ion=6>; Бурков С.Б.* Из истории изучения бытовых памятников эпохи раннего железного века с территории Чечни // *Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 1. Нальчик: РИО ИГИ КБНЦ РАН, 2012. 178 с. С. 74–88. С. 83, 84.*

63. *Малашев В.Ю., Торгоев А.И.* Т-образные катакомбы сарматского времени Северного Кавказа и Средней Азии // *РА. 2018. № 4. С. 36–52. С. 47.*

64. *Малашев В.Ю., Мамаев Х.М.* Алхан-Калинский могильник // *Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. М.: ИА РАН, ТГИ АН ЧР; Грозный, 2011. 298 с. С. 234–276. С. 248.*

65. *Коробов Д.С.* Аланы Северного Кавказа: этнос, археология, палеогенетика. СПб.: Нестор-история, 2019. 156 с. С. 46, 47, 128–135, 141.

66. *Малашев В.Ю., Торгоев А.И.* Т-образные катакомбы сарматского времени Северного Кавказа и Средней Азии // *Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 23–28 апреля 2012 г. Махачкала: «Мавраевъ», 2012. 412 с.*

С. 207–209; Малашев В.Б., Торгоев А.И. Т-образные катакомбы сарматского времени Северного Кавказа и Средней Азии // РА. 2018. № 4. С. 36–52.

67. Деоник Д.В. Керамика Центрального Предкавказья в I–IV вв. н.э. по материалам городища Зилги (Северная Осетия) // Материальная культура Востока. Ч. II. (Отв. ред.: С.В. Волков, А.А. Неймарк, П.Д. Сахаров). М.: «Восточная литература», 1988. 302 с. С. 171–220. С. 189, 190; Аржанцева И.А., Деоник Д.В. Зилгинское городище в Северной Осетии. Исследования последних лет // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. С. 452–453. С. 453.

68. Кузнецов В.А. Зилгинское городище в Северной Осетии // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа в древности и средневековье. Орджоникидзе: СОНИИ, 1986. 174 с. С. 72–104. С. 83. Рис. 6. С. 85. Рис. 7. С. 87. Рис. 8.

69. Аржанцева И.А., Деоник Д.В. Зилги. Городище начала I тысячелетия н.э. на стыке степи и предгорий в Северной Осетии // Ученые записки всесоюзной ассоциации востоковедов М.: Наука, 1989. 307 с. С. 75–107. С. 75, 81, 90, 91, 93, 94.

70. Чеченов И.М. Древности Кабардино-Балкарии (материалы к археологической карте). Нальчик: «Эльбрус», 1969. 150 с. С. 33–48.

71. Минаева Т.М. Археологические разведки в долине реки Сунжи // Сборник трудов историко-филологического факультета Ставропольского пединститута. Вып. 13. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1958. 431 с. С. 413–432. С. 421–425. Рис. 2–6; Арсанукаев Р.Д. Вайнахи и аланы. Баку: «Абилов, Зейналов и сыновья», 2002. 120 с. Рис. 13; Виноградов В.Б., Петренко В.А. Ханкальские древности – источник по истории и культуре местных племен I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.: учебно-методическое пособие // Памятники археологи Северного Кавказа. Вып. 1. Армавир: АГУ, 1999. 52 с. С. 22. Рис. 2. С. 23. Рис. 3. С. 49. Рис. 29.

72. Кодзоев Н.Д. Магас: по археологическим и письменным источникам. Назрань: «Сердало», 2003. 52 с. Рис. 5–8; Арсанукаев Р.Д. Вайнахи и аланы. Баку: «Абилов, Зейналов и сыновья», 2002. 120 с. Рис. 14.

73. Чеченов И.М. Археологические работы на городищах Кабардино-Балкарии в 1965 г. // Ученые записки КБНИИ. Т. XXV. Нальчик: «Эльбрус», 1967. С. 107–127. С. 108. Табл. I. Рис. 1. С. 111. Табл. II. Рис. 1. С. 116. Табл. III. Рис. 1. С. 118. Табл. IV. Рис. 1. С. 122. Табл. V. Рис. 1; Чеченов И.М. Раскопки городища Нижний Джулат в 1966 г. // Ученые записки КБНИИ. Т. XXV. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1967. 256 с. С. 192–227. С. 194. Рис. 1. С. 196. Рис. 2. С. 198. Рис. 3. С. 211. Рис. 16. С. 213. Рис. 18. С. 215. Рис. 19. С. 217. Рис. 20.

74. Нечитайло А.Л. Археологические разведки Ставропольского музея в 1960 г. // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 11. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1964. 227 с. С. 308–315; Охонько Н.А. Археологические памятники Ставропольской возвышенности и вопросы заселения Центрального Предкавказья в древности и средневековье // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 15–16. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1988. С. 243–291; Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С. Древности Кисловодской котловины. М.: «Научный мир», 2004. 240 с. С. 50–89. С. 92. Рис. 42. С. 93. Рис. 43. С. 109. №№ 85, 86. С. 122. №№ 170, 171. С. 123. №№ 178, 390. С. 134, 135. №№ 259, 260. С. 136. №№ 274, 275. С. 137. №№ 286, 287 и др.; Савенко С.Н. Воссоздание музея древностей под открытым небом в Пятигорске: научно-методические материалы к проекту. Ставрополь: «Ставрополит», 2013. 64 с. С. 10; Проккопенко Ю.А. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э. Ч. 2. Ставрополь: СКФУ, 2014. 726 с. С. 3–6, 8–15, 29–43, 688–693. Рис. 248–253.

75. Гарбузов Г.П., Лукъяшко С.И., Раев Б.А. Археологические данные к проблеме возникновения межобщинной иерархии в Прикубанье в I–III вв. н.э. // КСИА. Вып. 329. М.: ИА РАН, 2015. 420 с. С. 54–60. С. 56–58.

76. Афанасьев Г.Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-аскобуртасского населения Среднего Дона. М.: «Наука», 1993. 184. С. 117, 118, 121, 130, 12, 146, 147, 153.

77. Каменецкий И.С. Городища донских меотов. Вопросы датировки. М.: «Авто», 1993. 176 с. С. 14, 15, 19.

78. Дараган М.Н. Крупные городища скифского времени в украинской лесостепи (особенности расположения) // Археологія і давня історія України`ни. 2017. Вип. 2. (№ 3). С. 397–427; Дараган М.Н. Городища-гиганты скифской эпохи в Украинской лесостепи (особенности расположения и фортификации). Вводные замечания // Археология и геоинформатика. Вып. 8. М.: ИА РАН, 2017; Дараган М.Н. Геоинформационный анализ трансформации поселенческих структур в начале раннего железного века в Среднем Поднепровье: состояние проблемы и перспективы исследования // Археология и геоинформатика. Вып. 8. М.: ИА РАН, 2010.

79. Березин Я.Б., Каминский В.Н., Малашев В.Ю. Татарское городище и формирование памятников типа Татарка-Вербовка. М.: Таус, 2012. 206 с. С. 10–42; Коробов Д.С. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э. Т. 2. Каталог поселений Кисловодской котловины. М.–СПб.: «Нестор-История», 2017. 312 с. С. 8. № 806. С. 9. Табл. 1. С. 20–25. № 644. С. 30–33. № 810. С. 34–35. № 827. С. 39–41. № 296. С. 44. № 659. С. 45–57. 3684 и др.

80. Ковалевская В.Б., Кузнецов В.А. Памятники эпохи раннего средневековья (IV–XIII вв.) // Археология Северной Осетии. Ч. 2. Владикавказ: СОИГСИ, 2007. 295 с. С. 109–248. С. 119.

S.B. BURKOV

PROBLEMS OF ETHNIC AND CULTURAL
RECONSTRUCTIONS OF THE POPULATION CENTRAL
PRE-CAUCASUS ACCORDING TO THE DATA
OF ARCHEOLOGY OF THE III CENTURY BC–IV CENTURY
AD IN MONOGRAPHIC PUBLICATIONS OF THE XXI CENTURY
(questions of historiography)

The article is devoted to the author's assessment of the main directions in the study of the reconstruction of ethno-cultural problems in the population of the Central Caucasus In the period of the III century BC–IV century ad, presented in monographic publications of the XXI century, based on archaeological sources. The paper presents new approaches to assessing the nature of relations between Caucasian and other ethnic groups, from the point of view of evaluating production models used in the conditions of foothill plains. Based on the data of funeral and memorial practices, the issues of social stratification in newly emerging societies are considered. Given the author's assessment of the concept of formation realincome archaeological complex.

Key words: sarmatians, alans, antiquities, excavations, scientific publications, research, burial grounds, burials, historical reconstructions.

В.А. Фоменко
(г. Нальчик)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЕССЕНТУКСКОГО МИКРОРЕГИОНА

Статья посвящена обзору основных археологических памятников, расположенных на территории города-курорта Ессентуки и прилегающей части Предгорного района Ставропольского края. Автором характеризуются наиболее известные и типичные археологические памятники данного микрорегиона, относящиеся к эпохам бронзы, раннего железа, Средневековья и частично Нового времени.

В статье затронуты вопросы истории местных археологических исследований, говорится о курганных могильниках эпохи ранней и средней бронзы (IV–II тыс. до н.э.), поселениях и могильниках предскифского и раннескифского времени (VIII–VI вв. до н.э.), городищах и катакомбных могильниках сарматского времени, а также о действовавшем в I тыс. н.э. в долине реки Подкумок одном из ответвлений важного торгового пути. В работе упоминается ряд археологических памятников эпохи Средневековья, в том числе остатки групп мавзолеев золотоордынского времени. С эпохой позднего средневековья связано название города Ессентуки.

Ключевые слова: Северный Кавказ, город-курорт Ессентуки, Предгорный район Ставропольского края, археологические памятники, эпоха бронзы, ранний железный век, Средневековье.

Равнинный, степной ландшафт, а также отсутствие многочисленных естественных возвышенностей, сети небольших речек и родников привели к тому, что территория города Ессентуки и его окрестностей не столь богаты археологическими памятниками как соседние Кисловодский и Пятигорский микрорегионы¹. Однако, и многие, открытые в XX веке краеведами и учеными объекты культурного наследия Ессентуков и округи, мало знакомы нынешним местным краеведам и учителям истории.

Первые списки памятников и археологические карты Ессентукского микрорегиона были составлены еще в советский период пятигорскими краеведами Николаем Михайловичем Егоровым и Андреем Петровичем Руничем. Но эти материалы, к сожалению, остались неопубликованными.

В начале 60-х гг. XX в. после организации местного краеведческого музея археологические исследования в Ессентуках заметно активизировались благодаря самоотверженной деятельности краеведа Татьяны Борисовны Палимпсестовой.

Продолжателем славных краеведческих традиций является Дмитрий Георгиевич Полковский. В наши дни он постоянный участник археологических экспедиций, проводимых в окрестностях города-курорта и на юге Ставропольского края.

В степных и лесостепных ландшафтах Ессентуков и ближайшей округи самыми обычными и часто встречающимися памятниками древности являются курганы. В большинстве своем они относятся к эпохе ранней и средней бронзы (IV–II тыс. до н.э.). Насыпи таких курганов содержат в себе захоронения семейных (родовых) кладбищ.

Несмотря на интенсивную застройку, продолжающуюся с рубежа XIX–XX вв., на территории города-курорта сохранилось несколько курганных насыпей. К наиболее заметным можно отнести курган у железнодорожной станции Золотушка. Уникальные захоронения эпохи бронзы были исследованы в 60-х гг. XX ст. археологом А.П. Руничем в древнем кургане, находившемся на холме Франчиха (территория нынешнего городского кладбища)².

Множество курганов расположено в окрестностях Эссентуков, например, у станицы Суворовской. В 1966 году здесь проводила раскопки ставропольский археолог Аннетта Леонидовна Нечитайло. Она исследовала 17 курганов, насыпи которых заключали в себе 149 погребений. Позже, по материалам экспедиции, была опубликована монография «Суворовский могильник». Этот памятник широко известен в специальной археологической литературе. Древние курганы у станицы Суворовской в основном датируются эпохой бронзы. Большая часть раскопанных здесь погребений оставлены племенами северокавказской и катакомбной археологических культур эпохи средней бронзы. Однако, самые ранние захоронения в суворовских курганах относятся к более древней ямной культуре.

Интересен и сложен погребальный обряд племен катакомбной культуры, населявших в эпоху бронзы междуречье Кумы и Подкумка. Они совершали захоронения в катакомбах (подкурганных земляных склепах). Во время погребения проводились религиозные обряды с использованием курильниц (культовых глиняных сосудов). В жертву богам приносились различные дары. Например, в одном из катакомбных захоронений у станицы Суворовской были найдены четыре бычьих черепа³.

Насыпи Суворовского могильника, в основном, не отличались сложным устройством. Однако, некоторые курганы Эссентукского микрорегиона заключают в себе разнообразные каменные конструкции (панцирь, вымостки и др.). Недавно на окраине города-курорта археологами был исследован такой довольно крупный курган⁴.

Начиная с заключительного периода эпохи бронзы и до скифского времени долины Кумы и Подкумка населяли племена каменномогостско-березовской (или западнокобанской) культуры. На территории Эссентуков и в окрестностях краеведами и учеными-археологами выявлены древности этой культуры (укрепленные поселения, могильники, а также случайные находки)⁵.

Специалистам по предскифскому времени хорошо известно городище у поселка Ясная поляна. Памятник был открыт краеведами в 70-е гг. XX в. Характерной чертой глиняных сосудов, фрагменты которых были здесь найдены, является разнообразие и сложность геометрической орнаментации⁶.

В 1916 г. на территории современных Эссентуков в насыпи кургана был найден клад (Рис. 1). Находка состояла из нескольких комплектов бронзовой конской упряжи VIII–VII вв. до н.э.⁷ Упряжь, вероятно, предназначалась для управления колесницей, запряженной четверкой лошадей.

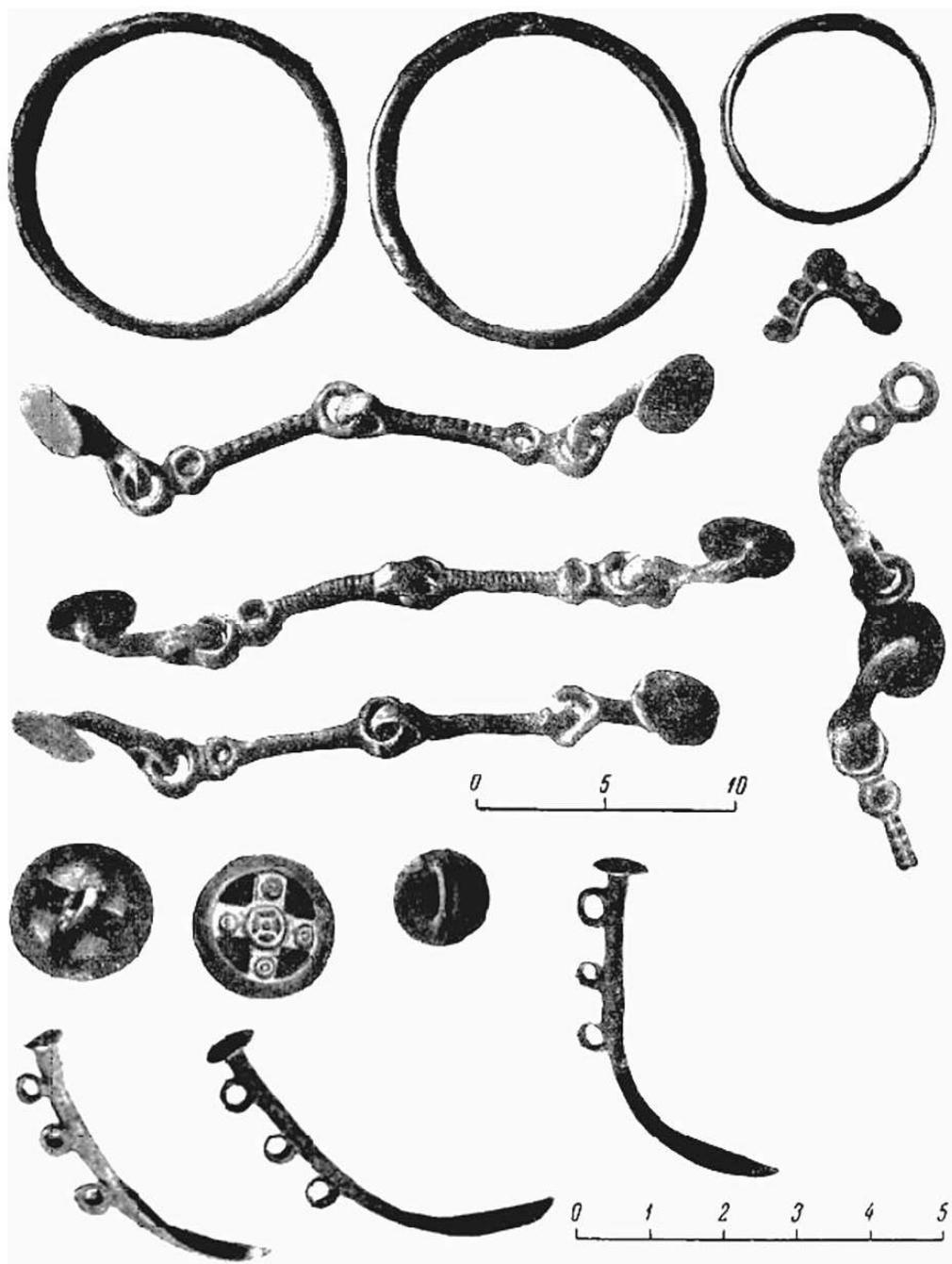

Рис. 1. Детали бронзовой колесничной упряжи из ессентукского клада VIII–VII вв. до н.э. (по А.А. Иессену, 1953).

С VI в. до н.э. культура каменноостско-березовского населения постепенно изменяется. Наиболее ощутимо внешнее влияние кочевых племен – скифов и савроматов. Отчетливо видно заимствование более совершенных скифо-савроматских типов оружия, в частности, коротких мечей-акинаков. В 70-х гг. XX ст. в карьере у станции Подкумок было найдено погребение VI в. до н.э. с железным акинаком⁸.

Не позднее начала нашей эры долина реки Подкумок вошла в область влияния одного из важных торговых путей. Возможно, что одно из ответвлений этого пути здесь и проходило в сарматское время и в эпоху Средневековья. Вдоль оживленной торговой дороги была построена система укреплений. Рядом располагались поселения и могильники.

У горы Юца в 1925 году было открыто святилище на древнем городище, существовавшем в I–IV вв. н.э. Этот памятник стал известен в научной литературе благодаря упоминаниям в книгах археолога В.А. Кузнецова.

По сведениям сотрудника Пятигорского краеведческого музея Н.М. Егорова, на городище на глубине около метра были найдены 8 глиняных стакановидных курильниц, находящихся вокруг более крупной курильницы. Внутри этих культовых сосудов были угли и зола, а пространство вокруг было заполнено золой и расколотыми костями животных. находка остатков святилища позволяет говорить о том, что среди жителей этой местности в сарматское время был распространен культ солнца и огня⁹.

Подкумский могильник сарматского времени был расположен на естественном холме у правого берега реки близ одноименной железнодорожной станции. Памятник является хорошо изученным. В 1972–1975 гг. экспедиция, возглавляемая Маей Павловной Абрамовой, исследовала на холме 49 погребений. Захоронения на Подкумском некрополе совершались в основном в земляных склепах – катакомбах, нередко с двумя погребальными камерами. В могилах были найдены: глиняная посуда, оружие, конская узда, детали костюма, украшения, амулеты, ножи, оселки и другие вещи¹⁰.

В эпоху Средневековья в долине реки Подкумок продолжает существовать торговый путь – транскавказская ветвь Великого шелкового пути. В V–VII вв. здесь находилась система укреплений – городищ, защищавших наиболее важные торгово-обменные и скотопрогонные дороги.

В раннем Средневековье функционировало укрепление у поселка Белый Уголь, располагавшееся на одном из отрогов Джинальского хребта. Система защиты этого небольшого городища достаточно сложна (Рис. 2). Она включала рвы, вал, цитадель и некоторые другие фортификационные элементы. Археолог Д.С. Коробов пишет о выявленных здесь остатках башен и контурах стены шириной приблизительно 1,5 м¹¹.

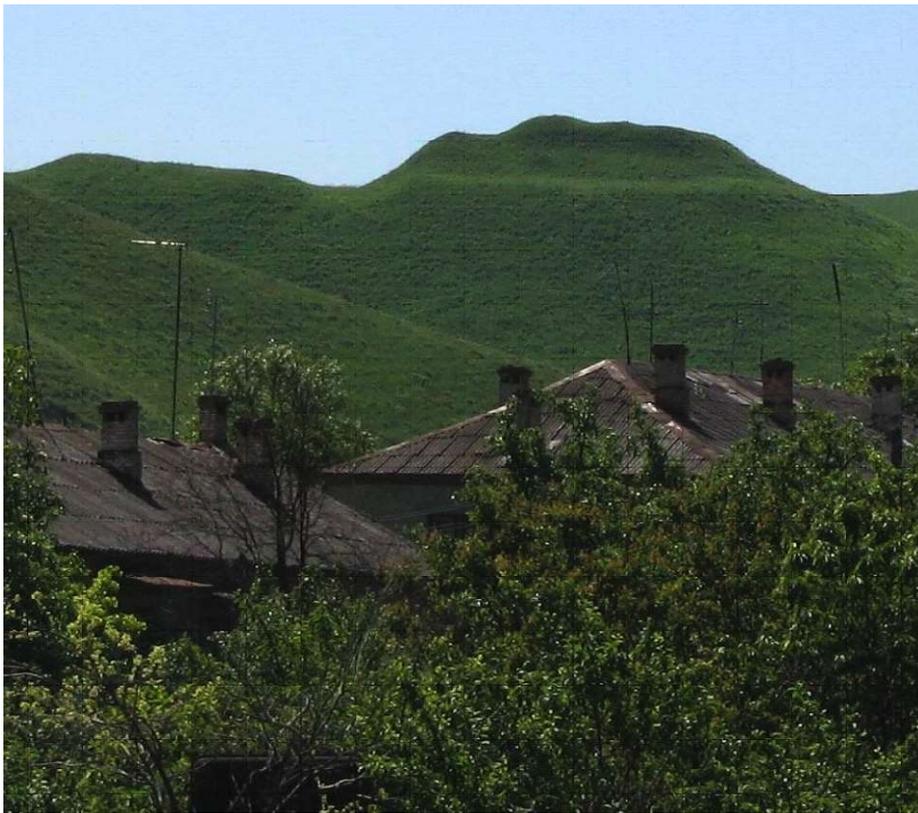

Рис. 2. Укрепление у поселка Белый Уголь. Общий вид.
Фото В.А. Фоменко 2006 г.

В предмонгольский период и в золотоордынскую эпоху в степных районах на месте нынешних Ессентуков располагались кочевья половцев. Об этом свидетельствует находка половецкого каменного изваяния, которое экспонируется в Пятигорском краеведческом музее. Изваяние первоначально находилось у хутора Шести, расположенного к северу от курорта Ессентуки. Эта скульптура, вероятно, первоначально возвышалась на одном из половецких накурганных языческих святилищ. Хронология этого изваяния соответствует середине XII – 40-м гг. XIII в.

В XIII столетии Северный Кавказ был завоеван монгольскими полководцами и включен в состав Золотой Орды. С монголо-татарской эпохой связаны топонимы Ессентук, Ессентучок и название города-курорта Ессентуки. В начале 60-х гг. XX в. крупный среднеазиатский ученый академик М.Е. Массон предположил, что слово Ессентуки тюркско-монгольского происхождения. Эссен, Эссен – собственное имя (буквально – «здоровый») не было редким в золотоордынскую эпоху.

По имени владельца этой местности феодала Ессена, вероятно, мог быть назван район расположения нынешних Ессентуков. Михаил Евгеньевич Массон предположил также, что рядом с городом-курортом расположен мавзолей, где погребен знатный золотоордынец.

В 1960–70-х гг. А.П. Рунич и Т.Б. Палимпсестова открыли для науки в окрестностях и на окраинах Ессентуков остатки мавзолеев эпохи Золотой Орды¹². Исходя из этих находок, краеведы пришли к выводу, что на месте современных Ессентуков в XIV в. существовал населенный пункт, место

пробывания золотоордынских феодалов¹³. О ставке золотоордынского хана Узбека в местности Бишдаг (Бештау) писал арабский путешественник Ибн Батутта.

В постзолотоордынскую эпоху основным населением долины Подкумка были абазины, кабардинцы и ногайцы. В исторических источниках упоминаются названия селений, располагавшихся у современных Эссентуков до 40-х гг. XIX в.: Махуков, Трамов, Атажукин и др. В Эссентукском микрорегионе существовали группы кабардинских курганов XV–XVIII вв. и каменные мавзолеи кабардинской и абазинской знати XVIII в.¹⁴

На рубеже XVIII и XIX вв. кабардинцы оставались основным населением в долине реки Подкумок. Поэтому российским военным, строителям Эссентукского редута, название местности скорее всего было передано кабардинцами. В современном языке словосочетание Есен тЫгу переводится как край или область Есена. В антропонимии адыгов имя Эсен, видимо, попало очень давно и потому в наши дни распространенным названо быть не может¹⁵.

Таким образом, можно сказать, что археологические памятники в городе Эссентуки и его округе достаточно многочисленны и разнообразны. Данные о бытовых, погребальных и культовых памятниках эпохи древности и Средневековья несомненно могут дополнить и иллюстрировать издания по истории Ставропольского края.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С. Древности Кисловодской котловины. М., 2004; Кузнецов В.А. Кавказские Минеральные Воды в древности и Средневековье: историко-археологические очерки. Пятигорск, 2005.

2. Корневский С.Н. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М., 1990. С. 5, 132.

3. Нечитайло А.Л. Суворовский курганный могильник. Киев: Наукова думка. 1979.

4. Петрова В. Археологические тайны курорта // Эссентукская панорама. Эссентуки, 21 февраля 2019 г. № 7 (1391). С. 12.

5. Козенкова В.И. Кобанская культура. Западный вариант. Свод археологических источников. Вып. В 2–5. М.: Наука, 1989.

6. Палимпсестова Т.Б. Укрепление и поселение «Ясная поляна» у г. Эссентуки // Советская археология. М., 1978. № 2. С. 195–203.

7. Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге европейской части СССР // Советская археология. М., 1953. Т. XVIII. С. 60–62.

8. Фоменко В.А. Погребения VI в. до н.э. из долины реки Подкумок // Из истории народов Северного Кавказа. Ставрополь: СГУ, 1997. С. 10–12.

9. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе: Ир, 1984. С. 178.

10. Абрамова М.П. Подкумский могильник. М.: Наука, 1987.

11. Коробов Д.С. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины). М.–СПб.: Нестор-История, 2017. Т. 2. С. 249.

12. Ртвеладзе Э.В. Два мавзолея золотоордынского времени из района Пятигорья // Советская археология. М., 1969. № 4; Полковский Д.Г. Материалы из раскопок золотоордынских мавзолеев в районе г. Эссентуки 1963 и 1971 гг. (Т.Б. Палимпсестова и А.П. Рунич) // Материалы Первого маджарского археологического форума. Серия «Археология евразийских степей». Вып. 23. Казань, 2016. С. 130–135.

13. Палимпсестова Т.Б., Рунич А.П. О эссентукских мавзолеях и ставке Узбек-хана // Советская археология. М., 1974. № 2.

14. Фоменко В.А. Пятигорье в XV – середине XVIII в. Пятигорск, 2002.

15. Фоменко В.А. Происхождении названий Эссентук, Эссентучок и Эссентуки // Genesis: исторические исследования. М.: 2020. № 8. С. 26-33. DOI: 10.25136/2409-868X.2020.8.33721 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33721

V.A. FOMENKO

**ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS
OF THE ESSENTUKI MICROREGION**

The article is devoted to an overview of the main archaeological sites located on the territory of the resort town of Essentuki and the adjacent part of the Predgorny region of the Stavropol Territory. The author characterizes the most famous and typical archaeological monuments of this microregion, dating back to the Bronze Age, Early Iron Age, the Middle Ages and partly the New Times.

The article touches upon the history of local archaeological research, talks about the burial mounds of the Early and Middle Bronze Age (IV–II millennium BC), settlements and burial grounds of the Pre-Scythian and Early Scythian times (VIII–VI centuries BC), settlements and catacomb burial grounds of the Sarmatian time, as well as about one of the branches of an important trade route the 1st millennium AD in the valley of the Podkumok River. The work mentions a number of archaeological monuments of the Middle Ages, including the remains of groups of mausoleums of the Golden Horde time. The name of the city of Essentuki is associated with the late Middle Ages.

Key words: North Caucasus, resort town of Essentuki, Predgorny region of Stavropol Territory, archaeological monuments, Bronze Age, Early Iron Age, Middle Ages.

А.В. Гучева
(г. Нальчик)

ЦВЕТО- И ЗВУКО- СТРУКТУРАЦИЯ САКРАЛЬНОГО В МУЗЫКАЛЬНОЙ МОДЕЛИ МИРА ЧЕРКЕСОВ (АДЫГОВ)

В статье обобщаются и анализируются основные принципы и закономерности структурирования замкнутой системы мифа как теогонического процесса и единой системой координат в пространстве и времени. Рассмотрена трансдискурсивная интуиция человека, позволившая отобразить уникальный момент создания музыкального инструмента – камыля, позволившая ему получить от природы природное, чтобы воздействовать на природу и ее стихии, оформляя мировоззренческий, психологический и ментальный миропорядок, включая законы взаимодействия между человеком и божеством при помощи калокагатических элементов, музыки, камыля и т.д.

Именно проблема власти человека над силами природы стала для нас главной философской проблемой взаимодействия человека и мира божеств, а в ее решении участвовала музыка и музыкальный инструмент. Проанализировано как из тишины и таинства хаоса, человек смог выделить искусственный «сакральный звук», тем самым научился создавать, подчинять, устанавливая власть над «сакральным» и управлять не только звуком, но и миром божеств.

Ключевые слова: камыль, миф, музыка, божество, эпос, искусственный сакральный звук, черкесы, адыги.

Область структурирования музыкальной картины мира весьма широка и для ее деконструкции привлекаются разнообразные источники – философия, первобытное искусство, археология, этнография, язык и др. Анализ музыки как вербального языкового воплощения мифологической картины мира, ее восстановление и воссоздание на основе сохранившихся данных представляет собой один из автономных и равноправных подходов к реконструкции музыкальной картины мира и оказывается весьма информативным. Кроме того, в отличие от других элементов традиции и культуры, музыка не является лишь механическим отражением мифа, она в известной степени накладывает на нее свой отпечаток, формирует, оформляет и структурирует его.

Материалом исследования служат сохранившиеся образцы архаичной музыки, которые систематически привлекаются и выступают в качестве аутентичного фона мифа и дополняя данные по древней музыкальной традиции и культуре черкесов (адыгов). Выбор этих образцов музыки в качестве источника продиктован тем, что они являются наиболее аутентичными музыкальными текстами, отражающими мифологическое видение мира, опирающимися в значительной степени на языческие представления и позволяющими проследить формирование основных понятий соответствующей модели картины мира, ведь языческая мифология, бесспорно, сохранила свою значимость в культуре черкесов (адыгов), создав благоприятные предпосылки для консервации музыки как архаического мировоззрения.

В содержательном аспекте архаичная музыка озвучивавшая миф обнаруживает некоторые расхождения, так как одни и те же сюжеты

и мотивы, связанные с образами божеств и покровителей могут трактоваться по-разному. Сложности при интерпретации каждой версии обусловлены отсутствием единого мнения специалистов в области фольклора, музыкального фольклора и этномузыкологии, а также отсутствием научной методологии в исследовании данного вопроса. Что касается анализа архаичной музыки озвучивавшей миф, то она носит фрагментарный и поверхностный характер и, это, вероятнее всего связано с тем, что до настоящего времени сохранилось незначительное число образцов аутентичной музыки и что исследователи ориентировались на музыкальные образцы фольклора, передававшиеся устным путем, а анализ музыкальных текстов связанных с отдельными образами божеств и покровителей пантеона, в свою очередь, стимулировал конституирование мифа как целостного комплекса текстов, зафиксированного в письменной форме. Таким образом, несоответствие, да и фактическое отсутствие исследований архаичной музыки озвучивавшей миф объясняется рядом причин: утратой некоторых элементов содержания музыкальной традиции в ходе длительной устной эволюции, потенциальным использованием фольклорных материалов связанных с описанием внешней атрибутики и функций божеств и покровителей пантеона, нежеланием или неимением определенных знаний и умений в вопросах исследования, собственно, культовых воззваний и сопровождавших их музыки, танцев и т.д. Все вышеуказанное привело к абсолютному отсутствию самостоятельных интерпретаций в создании не только архаичных, но и современных моделей построения и обновления музыкальной картины мира, отражающей и транслирующей трансформацию не только человека и человеческого мышления, окружающей природы и образов мира божеств, космоса и Вселенной через музыку, но и в определении высшей миссии цивилизационного движения в восприятии прошлого в будущем.

Архаичная музыка мифа была связана с богами и покровителями, природными духами, космическими элементами и космическими темами, с определенными сезонами и точным временем суток, биопсихическими состояниями животных и человека и т.д., а также с вопросом окультуривания природного звука, где кульминационным моментом стало получение человеком власти над природой, приобретение им свирели, а значит его интуиция и жажда власти привели к вершине – созданию волшебной *Музыки*, ставшей носителем неисчерпаемой энергии, силы, тематизма и образности.

В адыгской традиции момент окультуривания природного звука не сохранился в мифологии, но отражен в эпосе «Нарты»; он повествует, будто герой нарт Ашамез во время охоты, устав, заснул под деревом в лесу. Ничто не могло разбудить героя. И только каким-то необыкновенным звуком оказалось это под силу. Звуки эти издавала сломанная ветка, в которой черви выточили сердцевину и образовали несколько дырочек в коре, сквозь которую дул ветер. Так и рождались звуки. Ашамез, срезав ветку, подул в нее, и из нее полилась музыка. С тех пор Ашамез прослыл среди нартов искусным музыкантом.

Камыль Ашамеза имел белый и черный концы. Если подуть в белый конец – мир расцветал, умножались стада и возрастал урожай. Если подуть в черный конец – земля пустела, погибали звери: «...Свирель у Ашамеза была не простая. То была свирель Тхаголеджа, бога плодородия. Один конец у свирели был белый, другой – черный. Песня, что лилась через белый конец, не похожа на ту, что лилась через черный. Дует Ашамез в белый конец, и жизнь становится цветущей, изобильной, а подул бы в

черный – исчезла бы радость на земле, повяли бы травы, погибли бы люди и животные»¹:

*Ашэмэзу лы ихъашэм,
Ашэ и къуэу бжъамияццэм
И бжъамийр къызэкъуех,
Гум хыхъэ ныиналгэр зэфIецIэ.
Ццыр арыххэу мэцхъуантIэ,
Жыгхэр къотIапI, мэгъагъэ,
Удз гъэгъахэр ццхъуэкIапльыкIэц.
ХъэкIэкхъуэкIэхэр къопсэуж...².*

*Взял Ашамез справедливый
Жизни источник – свирель,
Тихо запел свой счастливый,
Свой задушевный напев.
Он на свирели играет, –
И оживает земля, доли, поля расцветают,
Вновь улыбаются лица.
Веселы звери и птицы, снова струится река...*

(Перевод с кабардинского В. Звягинцевой).

Сам момент создания музыкального инструмента уникален. В нем запечатлен отпечаток мировоззренческого, психологического и ментального миропорядка, где божественная тайна полунедостоверностью и, так сказать, неочевидность очевидным образом позволяет человеку получить от природы природное для того, чтобы воздействовать на природу и ее стихии. Мистический перевод из невидимого в визуальный и звуковой порядок, точно также очерчивают в нем соотношения профанного и сакрального, обыденного и божественного. Таким образом, нарушив законы хаоса и шума, из их глубин невидимого родилась музыка, которая принесла новые краски и мечты, а желание создавать это волшебство в любое время заставило человека *элиминировать* источник из природы, тем самым получив в свою собственность – музыкальный инструмент.

Сон героя Ашамаза – это олицетворение безмолвной темноты, безмолвной ночи, абсолютно немой и невыразимой тайны хаоса различили столь богатую содержанием тайну, и, найдя ей, определение, расширили рамки пространства; тонкий и таинственный звук невидимой музыки породил порядок, гармонию и бесчисленное количество рождающихся образов и фигур воображения. С одной стороны, безмолвие хаоса, с другой – возвышенное звучание музыки внушало страх и тревогу. Человек боялся вернуться в темноту и немоту, и этот ужас и отчаяние возврата в неизвестность заставил человека самому решать, в каком состоянии ему находиться. Ответ пришел сам – в руках человека была свирель и все его надежды были разрешены.

Возникновение образа гибрида света и тьмы в данном фрагменте раскрывает мифологическую теорию бинарности с помощью дуального ряда – справедливость/несправедливость, источник жизни/источник смерти, счастливый/несчастливый, оживать/умирать, улыбаться/хмуриться и т.д. Нужно понимать, что в одном образе примирились все эти противоречия. Игра на контрастах способствовала тому, что с помощью синтеза добра и зла, света и ночи формируется благоприятная среда для рождения последующих образов.

В музыкальной картине мира камыль озвучивал каждый отрезок пространства и времени, конвенционально олицетворяя нечто иное, чем

музыка. Эта музыка, звучавшая на камыле, нечто большее, чем может показаться, и часто значительно большее. В космологической символике камыль занимал центральное место в музыкальной космологии. Затронув цветное оформление инструмента, мы лишь частично смогли затронуть вопрос философии звука, который имел собственную цветовую, ассоциативную и смысловую трактовку, о которой нам вряд ли возможно будет узнать и даже домыслить, но, несмотря на это, мы можем подчеркнуть, что каждый «новый» наигрыш на камыле в культовых воззваниях мифа имел только ему присущий мистический фон, который раскрывался с помощью звука не только во Вселенной, но и являлся одним из основополагающих в жизни человека.

Двусмысленность заложена и в самом музыкальном инструменте, в котором проявляется полярность не только в цветном оформлении предмета, но и в сотворенных из него звуках, где соединяются два мира и понятия – *реальный* и *символический*, которые перешли из мифа в эпос.

Еще одним аспектом овладения звуком явилась проблема необходимости постоянного владения «сакральным». Здесь и возникает сакральная двойственность: с одной стороны, надежды и желания разрешены, с другой стороны, возникает разочарование, так как человек до конца не смог освоить и осмыслить этот потусторонний мир, который его все также волновал, манил, притягивал, пугал, где он раз за разом упирался в стену небытия.

Подарив Ашамезу музыкальный инструмент, боги вложили в него свойственные им самим качества, благодаря чему нарт победил дракона. Кроме магических свойств, звуки музыки из свирели Ашамаза были наделены способностью создания гармонии, упорядоченности бытия и созидания, через понятие справедливости. С другой стороны, в этом фрагменте просматриваются важнейшие концептуально-мировоззренческие основания, такие как *жизнь и смерть*, которые и стали одним из оснований в танатологии или философии смерти, где под мифологической смертью нами воспринимается период бессилия и пассивности, которая занимает пороговое место между двумя жизненными состояниями – «жизнь» и «бесконечность», «жизнь» и «хаос» и т.д.

Адыги осознавая экспрессивную или символическую функцию камыля как ритуального элемента действия, верили, что он способен прокладывать путь между миром человека и миром божеств, создавая звуковую волну, олицетворявшую мировое древо, а значит, соединял верхний и нижний миры, сакральный мир божеств и мир человека. Камыль, как один из элементов мифа, получил свое наименование под сильным воздействием космогонических верований и практик, от природного растительного мира, из которого, собственно, и был изготовлен ставший корневой лексемой продольной флейты адыгов – *камыль* (къамыл – общеадыг.).

Ритуальное звучание камыля с самого начала метафорично: он связывает известный мир чувственно воспринимаемого мифа с неизвестным и невидимым миром хаоса и безмолвия. С его помощью можно постичь таинственное, а также опасное и запредельное. Камыль, как и все «элементы» мифа имеет как известные, так и неизвестные детали, но при этом он сохранил за собой функцию адаптивного механизма в сочетании с охранно-очистительной и сакральной функцией, структурирующей и упорядочивающей неструктурный природный звук и шум домифологического хаоса в музыку.

Собственно, по отношению к камылю мы можем говорить и о мифологической лиминальности музыкального инструмента. В нем заложена родовая связь двухвидовотъединения с миром сакрального. *Первый*

вид – это защитные свойства камыля обеспечивающие и предоставляющие с его помощью место в структуре мифологической картины мира. *Второй вид* – установление и удовлетворение человеком своих побуждений в культовых воззваниях за счет свойств музыкального инструмента и извлекаемой из нее музыки. И в первом и втором случае, камылю отводилась мистическая роль «перехода» в мир сакрального и обратно, а также защитная и карательная власть ее божественной и мистической силы звука, так как звук камыля лиминально подготавливал пространство действий к новому статусу, хотя изначально он был заложен в мифе.

Наделение камыля сакральным и «карающим» звуком в цветосимволике мифа глубоко символично и было сосредоточено изначально в белом и черном концах инструмента и рождающихся в них звуках. *Идеалом* музыкального звучания камыля была спокойная и ритмически размеренная музыка, которую ассоциировали со светлыми и активными силами Неба, тогда как его противоположностью являлись темные и пассивные звуки, соотносимые с Землей. Звучание музыкального инструмента было *строго регламентировано* и во времени и в пространстве мифологической и музыкальной картин мира. Только в этом случае человек мог рассчитывать на положительный результат и ощущения абсолютного спокойствия в достижении своих целей и нарушение законов космоса, согласно древней концепции сакрализации музыкального звука, могло повлечь за собой болезнь, смерть и хаос.

Белый цвет камыля символизировал единую связь, включающую в идеале, как мир живых, так и мертвых. За ним были закреплены правильные соотношения между миром человека и сакральным миром божеств и покровителей и их результатом являлось здоровье, достаток, сила и, конечно же, все доброе. Черный цвет прямо противоположен белому и с ним связаны смерть, хаос, зло. Несмотря на это камыль может строго вписаться в трехфазную схему: *разделение (separation)*, грань *перетекания* между мирами (*margo*, или *limen*, что по-латыни означает «порог») и *восстановление (reaggregation)*. **В первой фазе** обозначен собственно камыль как музыкальный инструмент, наделенный сакральной силой в мифологической и музыкальной картинах мира. **Вторая фаза** – проявление «лиминальности» камыля, как бы промежуточный, где он своим звучанием начинает «рождать» миф, тем самым став одним из важных элементов мифа, который всегда существовал только в настоящем времени. Как «элемент» музыкальной картины мифа, он наделялся магическими и мифическими свойствами, позволяющими ему беспрепятственно выступать самостоятельной единицей мифологической и музыкальной картин мира, а также мог беспрепятственно «перетекать» между границами и мирами. **Третья фаза** – завершающее «перетекание», тем самым восстанавливающее стабильное состояние. Все три фазы закрепляют за камылем как и музыкой озвучившей пространство ритуала и мифа, важнейшие сакральные, профанные и этические права в структурировании традиции и культуры черкесов (адыгов).

Амбивалентность камыля, с одной стороны, и лиминальность, с другой, а также выражение умения «перетекания» из одного уровня в другой, конечно же, соединялись с разнообразием звуковых и защитных символов. Последнее имеет связь с солнцем и луной, тогда как его лиминальность равносильна смерти, хаосу, невидимой тьме, затмению солнца или луны.

Камыль мог занять как активную, так и пассивную позицию, но, несмотря на это, его звучание должно было быть не только услышанным миром божеств, но и соответственно, оно сумело бы подчинить и принять его

ими, с тем, чтобы услышанные могли бы обрести новые оттенки и смогли бы заново сформироваться. И эти «новые» звуки, наделенные особой магической силой, помогли бы в установлении контакта с божественным миром и миром человека.

Камыль выступал как элемент сакрального и секулярного, но при этом сакральное структурирующее раскрывается в культовом воззвании, где сакральный статус является главенствующим, в то время когда секулярное выступает в лиминальной фазе, когда цель уже достигнута и звучание камыля, можно воспринимать, как отблеск сакрального, как смирение и несогласие с результатами действия.

Да, его звуки не потеряли свою магию и волшебство, но теперь их мог получать сам человек по своему желанию. Именно эта точка есть *неизреченное*. Следовательно, как только желание человека и *logos* достигают своего максимума, вновь устанавливается тишина, но уже не хаос, а подготовка к новому содержанию мифа. И наоборот – музыка, соединенная с желанием и логосом, требует своего выражения. Такая эманация была необходима для создания образной разрядки. Неизреченный хаос и тишина стали объектом новых идей при помощи трансдискурсивной интуиции человек спровоцировал бесконечный дискурс. Итак, хаос, тишина и шум составили основу пирамиды, а интуиция и жажда власти привели к вершине – *Музыке*, которая стала носителем неисчерпаемой энергии, силы, тематизма и образности.

«Окультуривание» камыля и его символическая сакрализация в мифологической картине мира один из важнейших вопросов, но при этом нам пришлось апеллировать к эпосу в данном вопросе, а не к мифу. Вероятнее всего, «камыль» уже являлся сакральным музыкальным инструментом и именно удачное стечение обстоятельств позволило человеку взять его в руки и озвучить пространство мифа, тем самым выделив его и звучащую в нем музыку в самостоятельные символы мифологической картины мира.

Таким образом, человек не является создателем сакрального, но при этом, он раздувал мгновение до вечности, всего лишь используя существовавшее, адаптировав его под свои нужды. Эта причина двойственности весьма противоречива, но несмотря на это, интенция музыки и интенция камыля проявились в мифе как символы сакрального, наделенные идеей «чистого сознания» (Э. Гуссерль) и идеальной природы ноэзиса, которые стали музыкальным и сакральным феноменом традиции и культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Нарты. Адыгский героический эпос. Нартхэр. Адыгэ лыхъужь эпос. М.: Главная редакция восточной литературы Наука, 1974. С. 259.
2. Нарты... С. 283.

A.V. GUCHEVA

COLOR AND SOUND STRUCTURATION OF THE SACRED IN THE MUSICAL MODEL OF THE CIRCASSIAN (ADYGHE) WORLD

The article summarizes and analyzes the basic principles and regularities of structuring a closed system of myth as a theogonic process and a single coordinate system in space and time. Considered transdimensional the intuition of the person, allowing to display a unique moment

of creation of a musical instrument – Kamil', which enabled him to obtain from nature natural, to influence the nature and its elements, making the ideological, psychological and mental world, including the laws of interaction between man and deity with calculationsa elements, music, kamy'l' etc. It is the problem of man's power over the forces of nature that has become for us the main philosophical problem of the interaction of man and the world of deities, and music and a musical instrument participated in its solution. It is analyzed how from the silence and mystery of chaos, a person was able to distinguish an artificial «sacred sound», thereby learning to create, subdue, establish power over the «sacred» and control not only the sound, but also the world of deities.

Key words: kamy'l', myth, music, deity, epic, artificial sacred sound, Circassians, Adyghes.

Р.К. Кармов
(г. Пятигорск)

ПЕРВЫЕ УПОМИНАНИЯ ЭТНОНИМА «АБАЗА» В ИСТОРИОГРАФИИ

В статье проводится исследовательский анализ по вопросу установления времени и места первого упоминания этнонима «абаза» в письменных исторических источниках. Разработка данной тематики представляет немалую научную ценность для исследования вопроса этногенеза абазинского народа, актуальность которого на сегодняшний день очень высока. В настоящем исследовании проведен детальный филологический анализ определенных текстовых фрагментов из ряда письменных исторических источников, а также разбор работ различных авторов в данном направлении. Филологический анализ проведен в тесной связке с реконструкцией исторического контекста VII и XII вв., на фоне которого создавались рассматриваемые письменные источники.

Ключевые слова: этноним «абаза», армянский географический трактат «Ашхарацуйца» (VI в.), Абазгия, «Книга Рожера» (1154), арабский географ Мухаммад аль-Идриси, город Матарха (Матраха), абазинские князья Олоу Абас (Olou Abbas).

Термин «абаза» по своему происхождению имеет древние корни, глубоко пронизывающие исторические пласты. Впервые этот тезис озвучил советский лингвист и филолог Георгий Петрович Сердюченко на страницах своей статьи «Абазины», опубликованной в 1940 г.¹ После него данное утверждение в своих научных трудах ретранслировали многие специалисты, в т.ч. известный абазиновед Михаил Семенович Тхайцухов, писавший об этом в своей докторской диссертации (2005)². В качестве традиционного доказательства тезиса о древнем генезисе этнонима «абаза» используется версия его происхождения от более раннего этнонима «абазги», упоминаемого в трудах многих античных и раннесредневековых авторов (II–X вв.), в числе которых были Флавий Арриан, Ликофрон, Псевдо-Орфей, Стефан Византийский, Псевдо-Арриан, Геродот, Прокопий Кесарийский, Анна Комнина и Константин Багрянородный³. В современном кавказоведении версия происхождения абазов от абазгов является наиболее устоявшейся. Кроме того, по утверждению известного кавказоведа Леонида Ивановича Лаврова генетические корни этнонима «абаза» тянутся к используемому в русских летописях XII–XV вв. этнониму «обез». Но данную точку зрения разделяют не все специалисты, отчего вопрос о тождественности терминов «абаз» и «обез» носит дискуссионный характер. При этом, в современной историографии довольно часто упоминаемые в русских летописях исторические факты об абезах многими авторами увязываются именно с абазами (абазинами).

Дальнейшее развитие выше указанного вопроса вырисовывает необходимость выявления факта первого упоминания этнонима «абаза» в исторических источниках. Согласно утверждению М.С. Тхайцухова указанный этноним впервые был упомянут в армянском географическом трактате «Ашхарацуйца» («Армянская география»), который датируется VII веком. Авторство на сегодняшний день приписывается известному армянскому ученому Анании Ширакаци, являвшемуся основоположником

древнеармянского естествознания и оставившего серьезные научные труды в области географии, картографии, астрономии, алхимии, математики, философии и истории; хотя долгое время автором трактата считался «отец армянской историографии» Мовсес Хоренаци (Моисей Хоренский).

В этом масштабном труде, согласно М.С. Тхайцухову, содержится упоминание «прибрежной страны Аваза»⁴. Свои выводы он основывал на сравнительном анализе, который провел известный абхазский историк-кавказовед Виталий Фиронович Бутба⁵. Однако внимательное изучение работы последнего позволило выявить один интересный момент: в текстах В.Ф. Бутбы присутствует термин «Аваза», а не «Абаза». При этом абхазский историк повторяет его дважды; в одном месте своего труда он приводит обрывочную фразу «прибрежной страны Аваза»⁶, а в другом – полную цитату: «...прибрежной страны Аваза, где живут Апсилы и Абазги ...и делит Апхаз от Егерской страны»⁷.

Заинтересовавшись данным моментом, нам удалось выяснить следующее. В своем исследовании В.Ф. Бутба одновременно сослался на два источника, один из которых армяноязычный первоисточник, опубликованный Арсеном Сукрияном в 1881 г., и переведенный на русский язык самим Виталием Фироновичем⁸, а другой – русскоязычный перевод «Ашхарацуйцы», осуществленный и изданный в 1883 г. российским историком-арменистом Керопэ Петровичем Паткановым⁹. Проведенный нами сравнительный анализ указанных двух источников позволили выявить некоторые несовпадения. В книге Керопэ Патканова есть следующая цитата: «...на морском берегу страны Авазов (Abasgi), где живут Апшелы и Абхазы ... и отделяющей Абхазию от страны Егер»¹⁰. Тогда как в книге Арсена Сукрияна, где наряду с армянским текстом «Ашхарацуйцы», имеется его французский перевод, присутствуют следующие слова: «Abazove ... Apsilaeet Abasgi ... Abasgieten Eger»¹¹. Резюмируя все выше описанное, получается следующее: у В.Ф. Бутбы при переводе с армянского языка на русский получается фраза «страна Аваза», у К.П. Патканова – «страна Авазов», а у А. Сукрияна при переводе с армянского на французский – «Abazove». Отсюда вытекает однозначный вывод – данные нестыковки обусловлены лингвистической трансформацией при переводе текстов с одного языка на другой.

В связи с этим можно смело утверждать, что термин «Абаза», зафиксированный в некоторых вариантах перевода текста армянского географического трактата «Ашхарацуйца» (VII в.), является переводческой трансформацией термина «Аваза», являвшегося наименованием небольшой страны, расположенной на территории Абхазии в районе нынешнего г. Пицунда. Другими словами, термин «Аваза» скорее являлся топонимом, нежели этнонимом. Следовательно, время первого упоминания этнонима «абаза» в исторических источниках нельзя датировать VII веком.

Доказательством нашей точки зрения служит исторический контекст VII в., на фоне которого появился новый термин «Аваза». Его появление в VII в. является не какой-то случайностью, а отражением значимых исторических событий и тенденций, происходивших в то время на территории Абхазии и всего юго-восточного побережья Черного моря. Одной из ключевых тенденций того времени было усиление княжества Абазгия (Абастия). На начальном этапе данный вектор поддерживался Византийской империей с целью ослабления сепаратистских устремлений Лазики (Лазского царства, Лазистана, Эгриси), опасные последствия которых в свое время дорого обошлись византийцам. Данные устремления ранее оформились в виде союза с Сасанидским Ираном,

повлекшим за собой новый виток ирано-византийского противостояния, более известный как Лазская война (541–562), сильно истощившая обе державы и вынудившая их заключить «Пятидесятилетний мир» (562), по условиям которого шахиншах Хосров I признавал Лазику в качестве владения Византии. В VII в. византийцы отторгли Абазгию от Лазики и способствовали ее политическому росту. Их выбор был не случайным, а мотивировался объективными обстоятельствами. Во-первых, Абасгия являлась более развитой по сравнению с соседними районами Абхазии. Во-вторых, она обладала военным преимуществом, в основе которого лежало выгодное географическое положение, обеспечивавшее ей гораздо более защищенные, чем у соседей, позиции, что впоследствии продемонстрировала борьба с арабским нашествием в VIII в.

Кроме того, Византия способствовала усилению абазгов (абасгов), намереваясь использовать их военный потенциал против Сасанидов в тяжелой ирано-византийской войне (602–628), которую великий русский историк Лев Николаевич Гумилев назвал «Мировой войной VII века». В 623 г. абасги принимали участие в закавказских походах византийского императора Ираклия I в рамках его Персидской кампании (622–626), в ходе которой он с территории Колхиды начал стратегическое наступление против персов и глубокое вторжение в Иран, вынудив его заключить мир.

В этом же, 623 г. на княжеском троне утверждается Анос – первый князь Абазгии в диване абхазских царей, ставший основателем правящей династии Аносидов. Она была тесно связана с Византией династическими, церковными и политическими узами, а ее представители носили византийские титулы архонтов, егуменов, принципсов. Наряду с этим, Аносиды состояли в кровном родстве и постоянной переписке с представителями византийской элиты в Константинополе, а также с ее ставленниками на местах. Таким образом, в Абасгии появилась наследственная централизованная власть. Кстати, потомками династии Аносидов являлись такие знаменитые фамилии, как абхазские князья Ачба и Чхотуа, абазинские – Лоовы и грузинские – Чхеидзе.

Усилившаяся Абазгия стала активно вмешиваться в политическую жизнь соседних этнически близких абхазских племен – санигов, апсиллов и мисимиан. В начале VI в. она поглотила Санигию, а в 730-х гг. – Апсилию и Мисиминию. Политическое объединение территорий всех этих абхазских княжеств происходило вокруг главного центра Абазгии – Анакопии, которая на всем протяжении VII века развивалась в качестве «национальной» столицы. Анакопийская крепость была возведена в начале VII в. и представляла собой крупнейшее оборонительное сооружение на кавказском побережье Черного моря, цитаделью которой выступали постройки крепости абасгов Трахеи; в конце VII в. была построена внешняя линия крепостных стен при участии византийцев, встревоженных вторжениями арабов. В 738 г. именно здесь будет остановлено крупное вторжение арабов в Закавказье, пытавшихся обойти Черное море через Абхазию и нанести стратегический удар в тыл Византийской империи: в ходе Анакопийской битвы абхазский князь Леон I с небольшими силами разгромил многочисленное арабское войско, возглавляемое Марваном ибн Мухаммедом, более известным как Мерван Кру (Глухой). Позже, в конце VIII в. племянник и преемник прославленного абхазского князя – Леон II, объявил себя независимым абхазским царем и сделал Анакопию столицей Абхазского царства. В итоге, Абазгия смогла объединить абхазские этнические группы в единое государство – Абхазское царство (VIII в.), в лоне которого происходит постепенная консолидация абхазской

народности. Поэтому в исторических источниках примерно с VIII в. вышеперечисленное множество этнических наименований вытесняется новым этнонимом – «абхазы»¹². Вполне возможно, что появление фразы «страна Авазов» в тексте «Армянской географии» (VII в.) было стартовым началом этого процесса лингвистического вытеснения старых этнонимов. Из всего выше сказанного четко видно, что термин «Аваза» связан с исторической тенденцией усиления княжества Абазгия, его превращением в Абхазское царство и формированием абхазской народности, а не с абазями.

Первое упоминание этнонима «абаза» в привязке к территории Северного Кавказа содержится в знаменитом сочинении арабского географа Мухаммада аль-Идриси «Нузхат алм-муштак фи-хтирак алм-афак» («Отрада страстно желающего пересечь мир»), более известному под названием «ал-Китаб ар-Руджжари» («Книга Рожера») и датированному 1154 г. Данную точку зрения отстаивает Михаил Тхайцухов, в докторской диссертации которого есть следующая цитата: «...средневековый город Матрахи, который был расположен на Таманском полуострове в одном из устьев Кубани, принадлежал абазинским князьям Olou Abbas»¹³. Свои выводы он сделал, ссылаясь на фундаментальную работу Евгения Сергеевича Зевакина и Нины Александровны Пенчко по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе, где присутствует фраза «абазские князья Olou Abbas»¹⁴. Указанные авторы получили ее посредством перевода с немецкого языка на русский книги германского историка Вильгельма Гейда (Wilhelm Heyd), изданной в 1885 г., где выше упомянутая фраза звучит «d Olou Abbas»¹⁵. Однако Е.С. Зевакин и Н.А. Пенчко предполагали, что эти князья имели абхазское происхождение. В качестве первоисточника они использовали франкоязычный перевод сочинения аль-Идриси, в котором есть фраза «d Olou Abas (Les Abazes)»¹⁶.

Наиболее глубокий анализ сочинения аль-Идриси провел известный советский археолог и академик Борис Александрович Рыбаков¹⁷. В ходе археологических раскопок ему удалось установить точное месторасположение Матархи и показать ее на современной географической карте¹⁸. Однако в угоду своего тематического вектора он перевел имя владетелей Матархи как «Олуабас»¹⁹, а не Олоу Абас, как первоначально было в источнике, дабы доказать, что они являлись потомками русского князя Олега Святославовича, правившего Тмутараканью до 1094 г.²⁰

На наш взгляд, князья Олоу Абас (Olou Abbas) являлись никем иным как представителями крупнейшего абазинского княжеского рода Лоовых, фамилия которых в различных лингвистических вариантах звучала как Лау или Лоу. Данный факт весьма символичен и значим для нас: то, что владетелями Матархи – ключевого пункта Северо-Восточного Причерноморья, игравшего стратегическую роль на протяжении столетий и притягивавшего к себе особое внимание крупных держав, – были абазинские князья, свидетельствует о большой военно-политической мощи абазин. Проще говоря, в XII в. абазины являлись более чем серьезной силой на Северо-Западном Кавказе.

Подтверждением данного тезиса служат результаты исследований Леонида Ивановича Лаврова по абазинской истории, которые органично дополняют его, формируя достаточно стройную историческую картину.

Во-первых, прародина абазин, включавшая территорию нынешних Адлеровского, Лазаревского и Туапсинского районов Краснодарского края, располагалась совсем рядом. Родина абазинских князей Лоу (Лоовых) – р. Лоо, северо-западнее Сочи, также располагалась относительно близко²¹.

Во-вторых, факт присутствия абазин на Таманском полуострове имеет отражение в исторических источниках. Так, в русских летописях содержится упоминание ряда событий с участием «обезов», судя по которым они являлись ближайшими соседями Тмутараканского княжества. Абазины были связаны с крестовыми походами коалиции русских князей в Половецкую степь в начале XII в., вдохновителем и одним из руководителей которых был знаменитый Владимир Мономах. После страшного разгрома половцев русскими в битве на Сальнице (1111), половецкая орда хана Атрака отступила в северокавказские степи, дойдя до р. Кубань. В русских летописях по этому поводу сказано, что Атрак нашел прибежище в землях абазин, обитавших тогда вблизи Тамани недалеко от половецких степей, где и отсиживался до самой смерти князя Владимира²². В 1118 г. грузинский царь Давид IV Строитель заключил с ханом военный союз, женившись на его дочери Гурандухт, и пригласил половцев переселиться в Грузию для ее защиты от вторжения турок-сельджуков. Вместе с ханом Атраком в Закавказье пришли 40.000 половецких воинов.

Исторические связи абазин не обошли стороной и великого князя киевского Изяслава Мстиславича – искусного русского полководца, прославившегося своей военной хитростью, и главного героя Четвертой междоусобной войны на Руси (1146–1154), которому выпала честь стать одним из первых древнерусских князей названным в летописях «царем». В 1154 г., незадолго до своей смерти, Изяслав женился на абазинской княжне («невесте из «обез»), ставшей его второй женой²³.

Ценную фактуру содержат мемуары дипломата Священной Римской империи барона Сигизмунда фон Герберштейна, который засвидетельствовал, что в начале XVI в. абазинам принадлежало низовье и устье р. Кубань. Вот что он писал по этому поводу: «Около болот Меотиды (Азовского моря – Р.К.) и Понта (Черного моря – Р.К.), при реке Кубани, впадающей в болота, живет народ «афгазы»²⁴.

В-третьих, по соседству было мощное Абхазское царство, в орбите которого развивались и абазины. Вполне возможно, что используя его поддержку, они продвинулись до Керченского пролива, а затем, после ухода русских с Тмутаракани, постепенно утвердились в Матархе. Здесь уместно привести цитату Л.И. Лаврова: «В VII в. возникает абхазское государство с тенденцией расширения не только в сторону юга, но и в сторону севера. Грузинская летопись говорит, что владетель (или царь) Абхазии Леон (VII в.) владел землями до самой р. Кубани. Так ли было в действительности или это преувеличение летописца – сказать трудно, но не подлежит сомнению, что влияние Абхазии в те времена было велико»²⁵.

Аналогичную историческую картину данной эпохи реконструировал адыгейский историк и филолог Рамазан Хаджимусович Трахо, на страницах своего фундаментального труда под названием «Черкесы», впервые изданного в 1956 г. в Мюнхене. Абазины, выше упомянутые князья Олоу Абас, а также цитата из знаменитой книги Мухаммада аль-Идриси выступают органичной частью этой картины. Во избежание громоздких цитат и более четкого оформления логических цепочек рассматриваемого исторического процесса, на наш взгляд необходимо изобразить основные контуры последней путем цитатной нарезки и монтажа, не нарушая логической конструкции автора. В итоге получается следующая историческая картина: «В результате исчезновения хазарского царства (XI в. – Р.К.) Северный Кавказ, в частности Черкесия, вошла в полосу полной политической независимости и экономического преуспевания, и это продолжалось до самого монгольского периода, т.е. до середины XIII в.

Этот период омрачен для Черкесии лишь враждебными отношениями с Аланией... **Господство в степях к востоку от Азовского моря снова переходит к черкесо-абазам.** В этот период связи Черкесии с Византией сохранились по-прежнему, в особенности в религиозном отношении. <...> Когда к концу XI в. пало Тмутараканское княжество русов и черкесы завладели им, архиепископство из Никопсиса было перенесено в Тамань»²⁶.

Далее, развивая описание исторической картины той эпохи, Р.Х. Трахо использует ту самую цитату из книги аль-Идриси, которая детально разбиралась нами выше: «Новая обстановка вокруг Кавказа в XI и XII вв. – переход империи степей к кипчакам на севере и вторжение сельджуков в Малую Азию – не имела глубоких последствий для Черкесии... Арабский географ Эдриси пишет: «Матарха (Тмутаракань-Тамань) цветуща, окружена обработанными полями, виноградниками. Князья ее отважны, предприимчивы и грозны для соседних народов. В городе происходят ярмарки, куда стекаются народы из близких и дальних стран. Князья Матрики носили название Олу Абас». В этот же период, т.е. с 1175 г. начинается эпоха, очень важная для черкесов, торговых и культурных отношений с итальянцами, сначала с Венецией, а потом с Генуей»²⁷.

Кроме того, Р.Х. Трахо приводит интересный факт, являющийся подтверждением присутствия абазин на Таманском полуострове в XIV в.: «Черкесы также помогали Тохтамышу в его борьбе против Тамерлана (Тимурленко). С помощью черкесов Тохтамыш заключает союз в 1394/1395 гг. с мамелюкским султаном Египта, основателем Черкесской династии Беркуком. В результате борьбы двух ханов, Черкесия подверглась вторжению орд Тамерлана. Весной 1395 г. была опустошена Тамань после героического сопротивления, а пригороды Анапы разрушены. Затем Тамерлан проник во владения князей асов (абазов) Бураберди и Бураки (Биберд и Бракий), обитавших тогда еще на Таманском полуострове. Захват черкесских крепостей Таус и Курлат занял у него остаток года»²⁸.

В заключение отметим, датой первого упоминания в историографии этнонима «абаза», в написании «Abas», следует считать 1154 г. К этому времени абазин сформировались как полноценный самостоятельный этнос и как серьезная военно-политическая сила в регионе, с мощью которой нельзя было не считаться. Именно поэтому в целом ряде исторических источников зафиксировано немало фактов участия абазин в ключевых исторических событиях, происходивших на Кавказе в период с XII–XIV вв. Упоминание данного этнонима в географической привязке к Северо-Кавказскому региону подтверждает тезис о стародавнем появлении абазов на территории Северо-Западного Кавказа, точная датировка которого требует отдельного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сердюченко Г.П. Абазин // Газета «Красная Черкесия». 1940. № 288.
2. Тхайцухов М.С. Абазин на Северном Кавказе и в Турции (XVIII–XX вв.): дис. ... док. ист. наук. М., 2005. С. 152.
3. Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1893. Т. 1. С. 222; Бутба В.Ф. Племена Западного Кавказа по «Ашхарацуйцу». Сухум, 2001. С. 73; Анчабадзе З.В. Очерк этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1975. С. 54–55; Проконий Кесарийский. Война с готами. М., 1950. С. 383–384.
4. Тхайцухов М.С. Абазин на Северном Кавказе... С. 153.
5. Бутба В.Ф. Племена Западного Кавказа... С. 73.

6. Бутба В.Ф. Племена Западного Кавказа по «Ашхарацуйцу» // Труды. Сухум, 2005. С. 66.
7. Бутба В.Ф. Племена Западного Кавказа по «Ашхарацуйцу» // Труды... С. 64.
8. *Arsen Soukru*. Geographie de Moise de Corenedapres Ptolemee. Venise, 1881. С. 49
9. Патканов П.К. Из нового списка географии приписываемой Моисею Хоренскому // Журнал Министерства народного просвещения. СПб, 1883. Ч. 226. № 4.
10. Патканов П.К. Из нового списка географии... С. 29.
11. *Arsen Soukru*. Geographie de Moise... С. 25, 26, 35.
12. Бажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. Сухум, 2007. С. 82–99, 116–129, 139–146.
13. Тхайцухов М.С. Абазини на Северном Кавказе... С. 153.
14. Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV веках // Исторические записки АН СССР. М., 1938. Т.3. С. 79.
15. *Heyd W.* Histoire du commerce du Levant au moyna. Leipzig, 1885. S. 207.
16. *P. Amadee Jaubert.* Géographied' Edrisi Par. Paris, 1836. Т. 2. Р. 395.
17. Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси 1154 года // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. М., 1952. Вып. № 43 (XLIII). С. 3–44.
18. Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси... С. 11.
19. Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси... С. 18.
20. Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси... С. 19.
21. Лавров Л.И. Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик, 2009. С. 34.
22. Лавров Л.И. Избранные труды по культуре абазин... С. 38.
23. Лавров Л.И. Избранные труды по культуре абазин... С. 38.
24. Лавров Л.И. Избранные труды по культуре абазин... С. 38–39.
25. Лавров Л.И. Избранные труды по культуре абазин... С. 35.
26. Трахо Р. Черкесы. Мюнхен, 1956. С. 13–14.
27. Трахо Р. Черкесы... С. 15.
28. Трахо Р. Черкесы... С. 16–17.

R.K. KARMOV

THE FIRST MENTION OF THE ETHNONYM «ABAZA» IN HISTORIOGRAPHY

The article provides a research analysis on the issue of establishing the time and place of the first mention of the ethnonym «Abaza» in written historical sources. The development of this topic is of considerable scientific value for the study of the ethnogenesis of the Abaza people, the relevance of which is very high today. In this study, a detailed philological analysis of certain text fragments from a number of written historical sources, as well as an analysis of the works of various authors in this direction. The philological analysis is carried out in close connection with the reconstruction of the historical context of the VII and XII centuries, against which the considered written sources were created.

Key words: ethnonym «Abaza», Armenian geographical treatise «Ashkharatsuytsa» (VI century), Abazgiya, «Book of Roger» (1154), Arab geographer Muhammad al-Idrisi, city of Matarkha (Matrakha), Olou Abbas.

А.А. Остахов
(г. Москва)

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЧЕРКЕССКОГО ВОИНСТВА (XVIII–XIX ВВ.)

Статья рассматривает организационное устройство системы продовольственного обеспечения черкесских воинов как органичное продолжение их тактической системы. В ходе исследования выявлена прямая зависимость военно-продовольственной системы черкесов от их базовых тактических принципов, а также ее преимущества и недостатки.

Ключевые слова: мобильность и внезапность, ближний и дальний набег, оборонительный поход, продовольственное обеспечение, индивидуальный запас провизии, охота, народные обычаи, «особое гостеприимство», отсутствие обоза.

Большой интерес представляет система продовольственного обеспечения черкесского воинства, т.к. принципы его устройства, как зеркало, отражают, с одной стороны, базовые оперативно-тактические принципы адыгов, а с другой – основы их военной организации. С одной стороны отсутствие у черкесов государственности, а вместе с нею и регулярной армии, обусловили соответствующую организационную форму адыгского войска – ополчение, где каждый воин должен был самообеспечиваться всем необходимым для похода, в т.ч. продовольствием. Поэтому в составе черкесского войска отсутствовал продовольственный обоз, а каждый воин имел свой личный запас провизии, который он постоянно возил с собой.

С другой стороны, отсутствие продовольственного обоза у черкесов было обусловлено их главной формой ведения военных действий – набеговыми операциями (или просто набегам), которые были формой практического воплощения двух базовых оперативно-тактических принципов адыгского воинства – мобильности (подвижности, проходимости, маневренности) и внезапности. Ибо наличие обоза не позволило бы черкесам достичь высокой мобильности и внезапности военных действий, без которых осуществление набега невозможно.

На систему продобеспечения адыгского войска большое влияние оказывал характер военных походов, определявшийся их дальностью, длительностью и территорией проведения. Исходя из этого, все походы (операции) черкесов можно разделить на 3 вида:

1. ближние – скоротечные операции (1–3 дня), целью которых было нападение на близлежащие объекты на вражеской территории;
2. дальние – длительные операции с целью нападения на отдаленные объекты на территории неприятеля;
3. оборонительные – длительные операции для защиты аулов на своей территории или на землях соседних адыгских субэтносов.

Во время ближних походов черкесы свободно обходились своими собственными продовольственными запасами. В состав личного запаса провизии каждого бойца входила просяная или ячменная мука, кукуруза, рис, мед, сыр, копченое мясо и кислое молоко (сху). Еда укладывалась

в специальный кожаный мешочек, а напиток заливался в кожаную или медную бутылку, пристегивавшиеся к седлу¹. Интересное свидетельство по этому поводу оставил Э. Спенсера: «...впечатление от дюжины маленьких мешочков, пристегнутых к седлу, вместе с разного рода продуктами, а также дичи, добытой в пути, не способствует, нужно признать, героическому внешнему виду черкесского воина...»².

На привале горец смешивал немного муки с водой, лепил лепешку и жарил ее на костре, используя плоские камни вместо сковороды³. Стоит обратить внимание на тот факт, что черкесы готовили хлебные лепешки не заранее, а во время похода. Причиной, на наш взгляд, было их быстрое затвердение. Доказательством тому служат воспоминания Карла Коха: «Этот хлеб обычно нравится даже новичку, однако его можно есть только в свежем виде. Уже на другой день он становится твердым, а на третий день его может переварить только желудок черкеса»⁴. Однако, согласно К. Коху и Хан-Гирею было еще одно походное блюдо – «хголиль» или «гомил», приготовлявшееся из просяной муки с медом и сохранявшееся чрезвычайно долгое время (до 10–20 лет). Князья и уздени даже хранили старые хголили, как свидетельство своих доблестных походов⁵.

Мясной запас представлял собой небольшие куски говядины, баранины или конины, которые коптили или вялили еще с осени. Это блюдо было предназначено для путешествий и военных походов. Поэтому его готовили заранее: мясо коптили или вялили еще с осени и специально хранили в доме для походов. Сроки его хранения были весьма длительными – 6–7 месяцев. Но черкесы, в отличие от татар, употребляли это блюдо гораздо реже⁶.

В качестве походного напитка горцы использовали особый сорт кислого молока – «скху». Процесс его приготовления сводился к следующим действиям: свежее после надоя коровье молоко кипятили каждое утро и каждый вечер, далее остужали и смешивали с небольшим количеством старого скху, затем давали 3–4 часа настояться до загустения и под конец для придания вкуса добавляли немного ароматизированной «розовой воды» с сахаром⁷. Этот напиток, по свидетельству Э. Спенсера, оставшегося равнодушным к нему, как нельзя лучше подходил для походных условий: «...оно (скху – А.О.) – самое приятное и освежающее питье. Даже сейчас я с благодарностью вспоминаю прелестный холодный глоток, который я часто выпивал, страдая от жары по крайней мере 40° по Реомюру. Необходимо отметить, что только скху придает молоку тот особенный приятный вкус, который мы находим на Востоке, и сохраняет его во время самой жаркой погоды в пригодном для питья состоянии»⁸.

При дальних набегах адыгским воинам уже не хватало индивидуальных запасов провизии, поэтому, когда последние истощались, они питались за счет охоты и грабежа скота у противника. Иногда черкесы дополнительно увеличивали продовольственный запас войска, взяв в поход стадо баранов. Этот способ несколько не ограничивал мобильности адыгских партий: с одной стороны он сильно снижал зависимость горцев от местных ресурсов, а с другой – бараны не обременяли горцев, двигаясь своим ходом.

Кавказские леса, по свидетельству многих путешественников, буквально кишели дичью, которую черкесам, с детства занимавшимся охотой, не составляло особого труда поймать. Вот что по этому поводу писал Э. Спенсер: «Черкес никогда не жалуется, что он не может двигаться из-за неимения обуви или существовать из-за недостатка провизии; ибо, если сумка с аджикой или бутылка с сху опустеет, винтовка обеспечит ему обед до тех пор, пока птица летает в воздухе или дикий зверь бродит в

лесах»⁹. Они охотились на зайцев, оленей, кабанов, диких уток и фазанов, мясо которых было хорошей заменой баранине и говядине¹⁰.

Другим продовольственным источником был вражеский скот, поэтому его грабеж был неотъемлемой частью любого адыгского набега. В связи с тем, что фундаментальным оперативно-тактическим принципом черкесов была высокая мобильность, процесс грабежа скота был отточен до мельчайших деталей и проводился молниеносно. Часть российских историков XVIII–XIX вв. считали это формой проявления «хищнических» порывов горцев, расцениваемых как варварские элементы вполне естественные для родоплеменной культуры кавказских горцев. Другие историки определяли это явление как форму накопления капитала в традиционной экономике горцев, где производительные силы были примитивны. Позднее эта идея была основательно разработана в рамках концепции М.М. Блиева о набеговой экономике горцев. На наш взгляд, присутствие грабежа скота в структуре черкесских набегов было одной из форм удовлетворения продовольственных потребностей черкесских воинов. По своей природе эта проблема всегда была и будет естественной и актуальной для любого воинства мира. Еще великий французский полководец Наполеон Бонапарт говорил об этом: «Армия не может воевать на голодный желудок»¹¹. В его армии данная проблема решалась с помощью реквизиций – конфискации у населения продовольствия, лошадей и повозок для нужд армии¹². После Наполеоновских войн реквизиции практиковались во всех европейских армиях. Другими словами, французы практиковали такую же методику продобеспечения как и черкесы, ибо реквизиции по своей сути ни чем не отличались от грабежа.

Ввиду того, что вражеский скот и лесная дичь были основными источниками провизии в дальних походах горцев, они выработали эффективный способ приготовления мясных блюд в походных условиях. Самым известным из них был шашлык, который позднее широко распространился в рядах кавказского казачества и русской армии. По своему происхождению он был чисто походным блюдом и приготавливался следующим образом: мясо барана, быка, кабана, оленя или птицы разрезалось на небольшие куски и насаживалось на прут, который устанавливался на двух рогатках, воткнутых в землю у костра; в процессе жарки прут крутили до тех пор, пока мясо не зажаривалось со всех сторон, после чего солили и ели. При этом, повар в награду за свой труд получал шкуры съеденных баранов и быков¹³. Как видно, технология приготовления шашлыка была простой и быстрой, что было крайне важно в условиях высокой мобильности черкесских набеговых операций, требовавших высокоскоростных действий буквально во всем. Кстати, по утверждению А. де ла Мотрэ, данная кулинарная методика бытовала и у других народов мира: «Кажется, сама природа научила этот народ (черкесов – А.О.) так легко готовить мясо, так же как у лапландцев, что я видел позже на Крайнем Севере, где жарили мясо приблизительно таким же образом...»¹⁴.

Иначе устраивалось продовольственное обеспечение при оборонительных походах, когда черкесским воинам приходилось идти на помощь соседним адыгским племенам, подвергшимся нападению противника. В этом случае принимающая сторона должна была за свой счет кормить пришедших на помощь воинов, когда у них заканчивался собственный запас провизии.

К примеру, во время осады Анапы в 1828 г. десантной группой князя А.С. Меншикова, на помощь турецкому гарнизону пришли черкесы, которые постоянно атаковали русские штурмовые отряды с тыла, дабы

сорвать приступ. В их числе были не только окрестные натухайцы, но и 8.000 бойцов из отдаленных натухайских и шапсугских аулов. Все они обеспечивались продовольствием аулами анапских натухайцев, на территории которых протекали бои¹⁵.

Однако, если принимающие аулы были бедными, черкесы брали с собой большие запасы продовольствия¹⁶. Мало того, они имели возможность пополнять их во время марша к объекту назначения, ибо могли свободно питаться в попутных аулах. По словам Э. Спенсера эта была традиция «особого гостеприимства»: «Если этот запас продуктов истощается, будь то из-за затянувшегося похода или по иным причинам, воин снабжается вождями и старейшинами первого повстречавшегося с ним племени, ибо черкесы считают **храброго солдата, добровольно вызвавшегося воевать за свою родину, имеющим право на особое гостеприимство**, которое может быть ему оказано, даже большее, чем то, что оказывается менестрелю, воспевающему подвиги их героических предков и рассказывающему о далеких племенах»¹⁷.

Все, выше описанные, способы продовольственного обеспечения сводились к единой цели – избавить адыгское войско от обоза. Его отсутствие было одной из форм военно-организационного обеспечения базовых оперативно-тактических принципов черкесского воинства – мобильности и внезапности. Всегда и везде продовольственный обоз отягощал войско, сильно снижая его мобильность. У черкесских партий его никогда не было, поэтому они могли свободно совершать высокоскоростные и непрерывные марш-броски, а также без проблем преодолевать любую пересеченную местность. Тогда как европейским войскам приходилось периодически останавливаться и дожидаться отставшего обоза, а в случае длительных походов, когда провизия заканчивалась – высылать гонца на базу и ждать подхода специальных отрядов с провиантом; если противнику удавалось их уничтожить, войско вынуждено было прекращать экспедицию и возвращаться обратно.

Наряду с этим, у черкесов появлялся еще один козырь – свобода оперативного маневра и возможность увеличения радиуса действий. Они не были привязаны к продовольственным базам, поэтому могли свободно маневрировать на оперативных просторах и расширять радиус своих набегов. Чего не наблюдалось в европейских армиях XVII–XVIII вв., мобильность которых долгое время была ограничена магазинной системой обеспечения: войско сильно зависело от магазинов снабжения, поэтому фактически было привязано к ним и не могло сильно отрываться от них.

Желая сохранить, выше перечисленные, оперативно-тактические преимущества, даваемые отсутствием обоза, черкесы всячески пытались избежать его появления в своих партиях. Одним из способов была пролонгация личных запасов провизии с помощью умеренности питания. Эта привычка вырабатывалась у людей целым комплексом бытовых традиций и обычаев черкесской культуры, которые специально дискредитировали процесс приема пищи в массовом сознании и умаляли его роль в жизни народа.

Во-первых, у адыгов не было четкого графика питания. Обычно они ели два раза в день и только тогда, когда были сильно голодны¹⁸.

Во-вторых, они не имели традиции питаться всей семьей за одним общим столом. Отец, мать и дети питались отдельно и в разное время, при этом первый – в одном углу, вторая – в другом, а третьи – где придется. Общий стол ставился только при гостях¹⁹.

Стоит отметить, две эти традиции практиковались как высшими, так и низшими сословиями адыгского общества; среди высших сословий

они блюлись особенно строго. Однако, по свидетельству К. Коха, с распространением ислама в Черкесии эти традиции стали исчезать в некоторых ее районах: появился четкий график питания и общесемейная трапеза²⁰.

В-третьих, несмотря на многочисленность и разнообразие блюд адыгской кухни, повседневная пища была весьма умеренной и скромной, мало отличаясь от походной²¹. В будние дни черкесы ели очень мало, но по праздникам или по приезду дорогих гостей они готовили большое количество блюд. Так, натухайский старшина Дешеноко-Темрюк по случаю приезда к нему в гости анатолийского сераскира Гассан-Паши, устроил праздник с богатым угощением из 120 блюд, который Н. Дубровин сравнил с лукулловым пиром²².

Кстати, аналогичные традиции бытовали в Древней Спарте. Ее жители практиковали крайне скудное питание, а своих юношей специально недокармливали, вырабатывая в них терпеливость и выносливость. По словам Плутарха, этот обычай имел сугубо практическое назначение: «Вот чем объясняется недостаток питания: оно было скудным для того, чтобы юноши привыкли к постоянному голоду и могли его переносить. Спартанцы считали, что получившие такое воспитание юноши будут лучше подготовлены к войне, так как будут способны долгое время жить почти без пищи, обходиться без всяких приправ и питаться тем, что попадет под руку»²³. Основной повседневной пищей спартанцев была черная похлебка, состоявшая из свиных ног, крови, чечевицы, уксуса и соли. Согласно преданиям, это специфическое блюдо было под силу только спартанскому желудку²⁴.

В-четвертых, воздержание и умеренность в пище были возведены в черкесской культуре в ранг добродетели и считались похвальным качеством²⁵. Даже народная пословица гласила: «Печали желудка легко забываются, а не скоро лишь муки сердечные»²⁶.

В-пятых, выработке у черкесов умеренности в еде, по словам Т. Лапинского, способствовали тяжелые условия их жизни – перманентная внешняя угроза и стихийные бедствия: «Зато они переносят с редкой выносливостью голод, когда подвергаются этому во время неприятельских набегов, падежа скота и нашествия саранчи. Эти три бича с незапамятных времен не оставляют их почти ни одного года в покое»²⁷.

В итоге, благодаря привычке умеренного питания адыгский воин, по утверждению И. Бларамберга, мог растягивать свой личный запас провизии на 2–3 недели, тогда как русскому солдату его хватило бы на 2–3 дня²⁸. Помимо этого, черкесы, по словам Э. Спенсера, «закаляемые в том, что мы называем лишениями, с младенчества и практикуя **воздержание** в высокой степени, которая считается здесь добродетелью, они переносят все превратности войны не только без сетования, но с бодростью»²⁹.

Другим способом пролонгации продовольственных запасов была убыхская методика, основанная на принципе разделения труда. В составе каждого подразделения («отдельного огня») специально выделялись кашевары и дровосеки, выполнявшие хозяйственные функции: первые – таскали в походах котлы и готовили пищу для всего отделения, а вторые – обеспечивали их дровами, строили шалаши на привалах и разрабатывали труднопроходимые дороги. Кашевары ежедневно принимали от каждого воина поровну часть его личного запаса провизии и из этого готовили в котлах еду на все подразделение. Обычным походным блюдом убыхов была крутая пшенная каша или суп из мяса и пшена, сильно приправленный стручковым перцем. Последний заменял им водку, т.к. хорошо согревал

и укреплял организм. Незыблемость этой рациональной методики была подкреплена народными обычаями убыхов, строго запрещавшими воину расходовать свою провизию без ведома целого отделения. С одной стороны, это правило поддерживалось с помощью наказаний – если воин подъядал свой запас тайком, его подвергали всеобщему позору; с другой – за счет суеверных предрассудков: убыхи расценивали факт такого поступка как дурное предзнаменование неудачи или какого-либо несчастья³⁰. В итоге, данная методика позволяла убыхам дисциплинировать расход продовольствия в войске, тем самым растягивая его запас на долгое время.

Но все-таки, основным гарантом отсутствия обоза в составе адыгского войска был грабёж скота. Пролонгация собственных запасов провизии, несмотря на все свои достоинства, обладала ограниченным эффектом и не могла полностью решить проблему. При затягивании похода, продовольствие, даже при самом умеренном расходе, все равно заканчивалось и горцам приходилось пополнять его с помощью грабежа. Отсюда важное место в составе военной добычи черкесов всегда занимал скот.

В связи с этим адыгская культура содержала в себе комплекс обычаев нацеленных на выработку у мужчин навыков искусного воровства. При этом данные навыки были заточены под базовые оперативно-тактические принципы адыгского воинства – мобильность и внезапность: горец должен был уметь воровать с одной стороны – молниеносно, а с другой – бесшумно и незаметно. Доказательством тому служит следующий обычай: если черкес грабил ловко и незаметно, то пострадавшие не имели права обижаться на него; но если он попадался на краже – его подвергали всеобщему позору и жестоко наказывали.

К примеру, во время строительства укрепления за Кубанью в 1848 г., черкесский князь из соседнего аула снабжал русский отряд дешевым мясом. Позже выяснилось, что это было мясо скота угнанного князем у своих подданных, которые не обижались на него, т.к. грабёж проводился ловко³¹. Другими словами, данный обычай мотивировал горца учиться воровать тихо и быстро.

Полноценная отработка грабительских навыков происходила в ходе наездничества (Зеклуа), где молодежь оттачивала все выше перечисленные способы добычи продовольствия. Это хорошо показывает следующая цитата Хан-Гирея: «Весна и осень суть два времени в году, которые можно назвать у черкесов наездническими. Тогда князья, собрав партии молодых дворян, выезжают, как они говорят, в поле, где, избрав удобное место, располагаются в шалашах на всю осень или весну. Здесь каждому из них открываются занятия, исправляемые ими с полным удовольствием: служители и другие из молодежи **разъезжаются по ночам в аулы за добычею, пригоняют быков и баранов для пищи**, что иногда, смотря по удобности, делают и днем, также посылают в **близлежащие аулы за провизиею, которую нельзя приобретать молодечеством**, как-то: за пшеном, молоком, сыром и прочее. Между тем лучшие наездники **отправляются в дальние племена, там угоняют табуны лошадей**, захватывают людей и с такою добычею возвращаются к своим товарищам, которые, всякую ночь пируя за счет оплошных жителей окрестных аулов, ждут их с нетерпением»³². Затем, эти отточенные «хищнические» навыки широко применялись во время военных походов, обеспечивая черкесские партии продовольствием. В итоге видно, грабительские («хищнические») обычаи адыгской культуры имели практическое назначение, т.к. были нацелены на выработку у воинов навыков добычи провизии.

Аналогичные обычаи, имевшие практическое назначение, бытовали у древних спартанцев и были широко известны. Своих детей они приучали воровать, используя в качестве основного стимулятора скудное питание. Вот что по этому поводу писал Плутарх: «Ужин их был всегда недостаточен для того, чтобы они сами находили способы удовлетворять своим нуждам таким образом привыкали к смелости и проворству»³³. Согласно спартанскому обычаю все мальчики по достижении определенного возраста «должны были воровать все что угодно, но только не попадаться»³⁴. Поэтому они, как только представлялся удобный момент, постоянно обкрадывали сады или какие-либо хранилища, нападая на спящих и халатных стражников. Более дерзкие обворовывали общественные столовые для старших мужей («фидитии», «сисситии»), что требовало большой хитрости и осторожности.

Если мальчик попадался на краже, его публично и больно секли бичом на жертвеннике богини Артемиды (Орфии), наказывая не за воровство, а за отсутствие проворства при его осуществлении. Это наказание, несмотря на техническую простоту, было жестоким – многие дети умирали под ударами бича. Поэтому юные спартиаты страшно боялись его и любой ценой старались не попадаться на грабежах. Именно с этим связано предание о мальчике укравшем лисенка. Когда его обнаружили люди, он спрятал последнего под плащ. Рассерженный зверек стал грызть его брюхо до самых внутренностей. Но мальчик, из боязни уличения в воровстве, переносил дикую боль без единого звука. Когда же люди ушли, он упал мертвым. По мнению Плутарха, данный случай не вымысел, ибо у детей страх перед наказанием за кражу был настолько велик, что они готовы были переносить любую боль³⁵. Кстати, сходство между спартанскими и черкесскими обычаями грабежа, которые в российской историографии получили название «хищнических», первым подметил Хан-Гирей³⁶.

Описанные выше обычаи затачивали систему продобеспечения черкесов преимущественно под принцип мобильности, но некоторые традиции были ориентированы на принцип внезапности.

Во-первых, в каждом адыгском доме еда на случай похода была приготовлена заранее. Это позволяло черкесу при объявлении военных сборов моментально собрать свой личный запас провизии и сразу же выступить в поход.

Во-вторых, обеспечению внезапности черкесских набегов в немалой степени способствовал обычай гостеприимства, носивший в ряде случаев чисто военные оттенки. Если у партии истощался продовольственный запас, ее вождь посылал одного из своих воинов в ближайший аул. Его жители щедро снабжали партию провизией (молоком, просом, баранами), оставляя ее поблизости от места стоянки, при этом они, следуя адыгскому этикету, не спрашивали у посланцев о численности, составе и маршруте движения их партии. Как точно подметил Н. Дубровин: «Таков был обычай, выведенный из практической жизни черкеса»³⁷. Поэтому, во времена Кавказской войны, если партия совершала нападение на объекты кордонной линии, то покровительствовавшие ей жители попутного аула «с чистою совестью показывали, что не знают кто были хищники», ибо действительно не видели никого в лицо. Такая ситуация наблюдалась в т.н. «мирных аулах» горцев, которые не воевали с Россией, но в то же время были отличным оперативным плацдармом для набегов своих враждебно настроенных соплеменников. Другими словами, обычай гостеприимства, распространявшийся не только на отдельного путника, но и на целое войско, позволял сохранить в тайне движение партии, обеспечивая тем самым внезапность ее наступления.

Наряду с множеством достоинств, система продобеспечения черкесов имела серьезный недостаток – отсутствие возможности проведения длительных операций; он проявлялся во время затяжных оборонительных походов, когда черкесам приходилось сталкиваться с длительным вторжением неприятеля на свою территорию. Адыгское войско, израсходовав ограниченную провизию за 8–10 дней, начинало рассыпаться, т.к. воины вынуждены были возвращаться в родные аулы для пополнения съестных припасов³⁸. Следствием этого было постоянное колебание численности адыгского войска, отчего страдала его боеспособность. Дополнительные осложнения приносили тяжелые погодные условия, еще более усиливавшие это колебание. Так, по воспоминаниям А. Фонвиля, его войско из-за этого не могло перейти в решительное контрнаступление, упустив благоприятный момент после победы над русским отрядом в бою около р. Пшехи в 1863 г.: «К несчастью, вслед за тем наступили холода, и горцы, не имея возможности забирать с собою большие запасы провизии, были вынуждены каждый раз, когда она у них выходила, возвращаться к себе в аулы, так что мы решительно не могли определить, какими силами мы можем располагать. <...> Горцы привезли наши орудия, и мы расположились на позиции на одном холме, в расстоянии часа ходьбы от неприятеля; аванпосты наши заняли все промежуточное пространство. К сожалению, наличное число наших сил беспрестанно подвергалось таким колебаниям, что мы решительно ничего не могли предпринять»³⁹. Отсюда неприятель мог использовать этот недостаток в своих интересах. Именно так и поступал генерал А.А. Вельяминов, специально проводивший затяжные экспедиции в Черкесии и Чечне.

По мнению А.А. Вельяминова, причиной этого недостатка было отсутствие специальной продовольственной службы и слабость воинской дисциплины⁴⁰. Данная точка зрения является частично верной, но односторонней, ибо генерал смотрел на проблему сквозь призму организационных механизмов регулярной армии европейского образца. На наш взгляд, проблема была обусловлена отсутствием возможности кормления в аулах, расположенных в районе ведения боевых действий, ибо они заранее оставались жителями, переселявшимися в безопасное место. В противном случае, черкесские воины, пользуясь правом особого гостеприимства, могли свободно питаться в защищаемых ими аулах, избегая рассыпания своего войска.

Подведем итоги. Организационный стержень системы продовольственного обеспечения черкесского воинства естественным образом был подогнан под его базовые оперативно-тактические принципы – мобильность и внезапность. Наиболее ярко их отпечаток выражался в отсутствии провиантского обоза в адыгском войске. Вместо него черкесы удовлетворяли свои продовольственные потребности за счет личных запасов провизии, привычки умеренного питания, охоты, бараньих стад, отгона скота у противника и традиции «особого гостеприимства». При этом, характер военных походов, которые по дальности перехода и типу боевой задачи условно делились на ближние, дальние и оборонительные, определял выбор какого-либо из перечисленных способов продобеспечения в качестве приоритетного. Сложившаяся естественным образом система продовольственного обеспечения являлась одним из существенных факторов обеспечения высокой оперативно-тактической мобильности черкесского воинства, однако в некоторых ситуациях она негативно влияла на его численность, тем самым снижая уровень боеспособности. Надежным гарантом прочности данной системы выступали адыгские

народные обычаи и традиции, укоренявшие ее организационные основы в повседневном быту черкесов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999. С. 69.
2. *Спенсер Э.* Описание поездок по Западному Кавказу, включая путешествие через Имеретию, Мингрелию, Турцию, Молдавию, Галицию, Силезию и Моравию, в 1836 году Эдмундом Спенсером, эсквайром, автором «Описания поездок в Черкесию» / Перевод с английского К.А. Мальбахов. Нальчик, 2008. С. 79–80.
3. *Спенсер Э.* Описание поездок по Западному Кавказу... С. 79.
4. *Кох К.* Путешествие по России и в кавказские земли // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост., ред. переводов, введ. и вступ. ст. к текстам В.К. Гарданова (далее – АБКИЕА). Нальчик, 1974. С. 608.
5. *Кох К.* Указ. соч. С. 607; *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 238.
6. *Де ла Мотрэ А.* Путешествие господина А. де ла Мотрэ в Европу, Азию и Африку... // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 138; *Бларамберг И.* Указ. соч. Нальчик, 1999. С. 41; *Дубровин Н.* Черкесы (адыге) // Документы и материалы по истории адыгов. Нальчик, 1991. Вып. 1. С. 25.
7. *Спенсер Э.* Путешествия в Черкесию. Майкоп, 1994. С. 97; *Де ла Мотрэ А.* Указ. соч. С. 138; *Кох К.* Указ. соч. С. 607.
8. *Спенсер Э.* Путешествия в Черкесию... С. 97.
9. *Спенсер Э.* Путешествия в Черкесию... С. 43.
10. *Де ла Мотрэ А.* Указ. соч. С. 138; *Спенсер Э.* Описание поездок по Западному Кавказу... С. 79–80.
11. Сайт «Афоризм». URL: <https://www.aphorism.ru/comments/wwwhw914upl.html> (Дата обращения: 5.10.2020).
12. *Энгельс Ф.* Пехота // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е издание. М., 1959. Т. 14. С. 375.
13. *Де ла Мотрэ А.* Указ. соч. С. 139; *Кох К.* Указ. соч. С. 608; *Хан-Гирей.* Указ. соч. С. 253.
14. *Де ла Мотрэ А.* Указ. соч. С. 139.
15. *Бларамберг И.* Указ. соч. С. 112.
16. Там же. С. 41.
17. *Спенсер Э.* Описание поездок по Западному Кавказу... С. 80.
18. *Кох К.* Указ. соч. С. 607–608; *Дубровин Н.* Указ. соч. С. 26.
19. *Дубровин Н.* Указ. соч. С. 26.
20. *Кох К.* Указ. соч. С. 608.
21. *Де Бесс Ж.-Ш.* Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и в Константинополь в 1829 и 1830 гг. // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 341; *Лапинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. С. 113.
22. *Бейтуганов С.Н.* Кабарда: история и фамилии. Нальчик, 2007. С. 542.
23. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания // Сайт «Античная литература». URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1439000300#12> (Дата обращения: 5.10.2020).
24. Там же.
25. *Дубровин Н.* Указ. соч. С. 27; *Спенсер Э.* Путешествия в Черкесию... С. 43.
26. *Дубровин Н.* Указ. соч. С. 25.
27. *Лапинский Т.* Указ. соч. С. 113.
28. *Бларамберг И.* Указ. соч. С. 69.
29. *Спенсер Э.* Путешествия в Черкесию... С. 43.
30. *Дубровин Н.* Указ. соч. С. 243.

31. Дубровин Н. Указ. соч. С. 17.
32. Хан-Гирей. Указ. соч. С. 252.
33. Плутарх. Сравнительные жизнеописания // Сайт «Античная литература». URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1439000300#12> (Дата обращения: 5.10.2020).
34. Плутарх. Изречения спартанцев // Плутарх. Застольные беседы. Ленинград, 1990. С. 57.
35. Там же.
36. Хан-Гирей. Указ. соч. С. 326, 329.
37. Дубровин Н. Указ. соч. С. 17.
38. Бларамберг И. Указ. соч. С. 41.
39. Фонвиль А. Последний год войны Черкесии за независимость. 1863–1864 гг.: Из записок участника-иностранца. Нальчик, 1991. С. 32.
40. Акты кавказской археографической комиссии / Под ред. А.П. Берже. Тифлис, 1881. Т. 8. С. 769.

A.A. OSTAKHOV

FOOD SUPPLY OF THE CIRCASSIAN ARMY (XVIII–XIX cent.)

In this article the organizational structure of the food supply system for Circassian soldiers as an organic extension of their tactical system are examined. During research the direct relationship of the military food system of the Circassians from their basic tactical principles, and its advantages and disadvantages are identified.

Key words: mobility and suddenness, near and far raid, defensive campaign, individual stock of provisions, hunting, cattle robbery, folk customs, «special hospitability», no baggage train.

Асият М. Абаева, Асуана М. Абаева
(г. Нальчик)

ВКЛАД ЯКОБА РАЙНЕГТСА В РАЗВИТИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО КАВКАЗОВЕДЕНИЯ XIX ВЕКА

Материалом для данной статьи, посвященной учению немецкого этнографа и дипломата Якоба Райнегтса, послужил фундаментальный труд ученого «Общее историко-топографическое описание Кавказа»¹, собранный Энохом Шрёдером из рукописей путешественника. Райнегтс освещает вопросы, ставшие предметом многочисленных споров в научных кругах Европы XIX века. Цель данного исследования вызвана необходимостью источниковедческой базы этнографии Кавказа, а также важностью упорядочения научных трудов представителей кавказоведения XIX века. Делается вывод о том, что Райнегтс и другие путешественники XVIII–XIX веков не только внесли огромный вклад в развитие европейской ориенталистики, но и оказали значительное влияние на формирование общественного мнения о народах Кавказа.

Ключевые слова: этнография, немецкие публицисты, экспансия, европейская ориенталистика, кавказоведение, сведения путешественников о Кавказе.

В российской и европейской историографии Кавказ и его роль на международной арене всегда освещаются совершенно по-разному. В данном контексте Кавказ следует рассматривать не как географическое пространство, а как определенное культурно-историческое единство. В связи с этим необходимо отметить особую важность двусторонних контактов российских и европейских специалистов по изучению этого сложного и пестрого в этнокультурном отношении региона не только России, но и всего мира².

Как известно, в европейских архивах собрана богатая библиотека литературы о кавказских народах, написанная европейскими учеными, путешественниками, послами и дипломатами, посещавшими в свое время Кавказ с разными целями. Однако, проблема состоит в том, что отечественные ученые до последнего времени не имели доступа к зарубежным архивам, а следовательно, многие труды зарубежных авторов, представляющие неограниченную важность для современного кавказоведения, либо им неизвестны, либо не переведены на русский язык, а, в лучшем случае, переведены частично, хотя в них содержатся ценные исторические и этнографические сведения о кавказских народах.

Интерес европейских ученых и путешественников к данному региону и населяющим его народам возрос к концу XVIII века. Повышенное внимание к Кавказу было спровоцировано колониальной политикой европейских стран, что повлекло за собой необходимость в знаниях о покоренных народах. Изучение Кавказа также связано с развитием в Западной Европе ориенталистики, которая в течение XIX века постепенно перенимает у колониализма концепции евроцентризма.

В это время Кавказ особенно активно стали посещать как немецкие и политические деятели, так и представители научной общественности Германии. Наиболее известны отечественным кавказоведам работы таких

немецких исследователей, как Паллас, Гюльденштедт, Кох, Клапрот, Нойманн, Лерх и т.д. К разряду путешественников, посетивших Кавказ с разными целями, но собравших ценные материалы об их истории и культуре, хотя и не всегда имеющие научный характер, относится ученый, дипломат, путешественник и авантюрист Якоб Райнегтс, автор «Общего историко-топографического описания Кавказа»³.

Якоб Райнегтс родился 28 ноября 1744 года в городе Айсleben. По другим данным, согласно «Биографическому словарю Королевства Австрии», изданному в 1873 году, Райнегтс родился в Австрии и провел там значительный период своей жизни. Его настоящим именем было Элих (Ehlich), его звали, как и его отца, Христиан Рудольф Элих. Отец ученого был цирюльником в Айсlebenе. Лишь позднее, когда Якоб стал актером, он взял себе фамилию Райнегтс. Христиан Рудольф Элих младший решил пойти по стопам отца и в 1762 году он уже был помощником цирюльника в Лейпциге, где он изучал медицину вплоть до 1768 года. Он мечтал посетить Восток, родину медицины и алхимии⁴. Позднее он посещал Академию ориенталистики, изучал там языки, необходимые ему для выполнения своего плана. Якоб знакомился с миллионерами, которые приехали с Востока или хотели его посетить, а также с проживающими в Вене армянами, греками, турками и интересовался у них не только о государственном устройстве их страны, о ее законах, обычаях, торговле и языках, но также и о том, как европейскому путешественнику следовало бы там себя вести⁵.

Переломным моментом в жизни Райнегтса стало знакомство с венгерским графом Йоханном Кохари. Графа очень заинтересовали планы Якоба. В середине 1776 года они тайно покидают Венгрию и отправляются на Восток. Лишь из бумаг Райнегтса, опубликованных после его смерти, мы можем кое-что узнать о его дальнейшей судьбе⁶.

В октябре 1777 года граф Кохари и авантюрист Райнегтс прибыли в Константинополь, отсюда в столицу Великой Армении, город Эрзерум⁷. В 1778 году по приглашению князя Ираклия он отправился в Тифлис. Князь Ираклий назначил его своим врачом и, согласно его рассказам, за услуги, оказанные этому князю, он получил денежное вознаграждение. В 1780 году по поручению Ираклия он объездил весь Кавказ⁸.

4 августа 1781 года из Тифлиса он прибыл в российскую пограничную крепость Моздок и познакомился с командующим на Кубани русским генералом Фабрицианом Прониц, штаб-квартира которого находилась в Ставрополе. Именно тогда российский двор вынашивал план подчинения князей южного Кавказа, когда Райнегтс прибыл в Россию из Грузии, где он сыграл такую важную роль и снискал благосклонность и дружелюбное отношение царя Ираклия. Фабрициан привез его в Санкт-Петербург, с тем чтобы представить его князю Потемкину, верховному командующему армии на Кубани. Райнегтс был очень хорошо принят императрицей Екатериной⁹. В том же 1781 году он был послан в качестве парламентаря в Грузию, где должен был убедить Ираклия признать господство России. Последующие 3 года ученый посвятил тому, чтобы под защитой Ираклия и в качестве русского посла, поближе познакомиться с Кавказом. С русскими дипломатическими миссиями он совершает пять путешествий на Кавказ и склоняет царя подписать Георгиевский трактат (1783), признававший вассальную зависимость Грузии от России¹⁰. Выполнив поручение императрицы, в 1785 году он вернулся в Санкт-Петербург, получил за предоставленные государству услуги приличное жалование и, вначале в качестве эксперта, а позднее в качестве придворного советника

был взят службу в Императорскую медицинскую коллегию. После этого Райнегтс получил ранг коллежского советника, был ученым секретарем медицинской коллегии, директором школы при институте для молодых хирургов. В 1789 году Потемкин взял его с собой в Молдавию как парламентаря в войне с турками, откуда он в декабре следующего года вернулся в Санкт-Петербург, где в марте 1793 года умер¹¹.

Каковы были реальные цели путешествия Райнегтса на Кавказ, сказать трудно. Во-первых, Райнегтс, будучи хорошо образованным человеком, владел несколькими языками и состоял на службе у Екатерины II. Так, Нойманн пишет о целях пребывания Райнегтса на Кавказе в своей книге «Россия и черкесы»: «Россия отправляла ученых и инженеров исследовать кавказские земли. Правительство платило шпионам и авантюристам, как и бывшему цирюльнику по имени Райнегтс, для того, чтобы из их сообщений, заметок и описаний получить информацию для реализации своих дальнейших планов»¹². Во-вторых, находясь на Кавказе, а позднее в Санкт-Петербурге, Райнегтс постоянно вел активную переписку со своими знакомыми и родственниками из Германии, а также отправлял им свои очерки и путевые записки о Кавказе. Подробные описания геологической структуры, географических особенностей, а также нравов и обычаев местного населения, сделанные путешественником, могли представлять собой на тот момент особый интерес не только для Российской, но и других европейских держав, мечтавших покорить Кавказ. Возможно, Райнегтс вел двойную игру: он уговаривал Петербург подчинить весь Кавказ, выдавал себя там за полномочного русского посла, а между тем хранил бумаги, выданные ему английскими дипломатами¹³. Однако, для констатации того, что авантюрист Райнегтс являлся двойным агентом, либо, что под маской ученого-путешественника скрывался информатор Германии о кавказском регионе, мы не имеем достаточной доказательной базы. Точно известно лишь то, что после отъезда из Венгрии в 1776 году об авторе не осталось никаких сведений, кроме документальных данных и фактов, собранных издателем его труда господином Герстенбергом¹⁴. Биографический очерк, который нам предлагает Герстенберг, подтверждает, что сам Райнегтс по натуре являлся авантюристом, и его нельзя было назвать серьезным человеком, так как, если он рассказывал что-то о себе, то во второй раз от него можно было услышать уже совершенно другую историю¹⁵.

За время пребывания в Грузии, с 1778 по 1785 год, в своих частых научных экспедициях по Кавказу он тесно познакомился с культурой и бытом горских народов и собрал о них богатый этнографический материал. В результате своих путешествий по Грузии Райнегтс составил «Краткое описание истории Грузии», отрывок из которого вошел в третий том книги Палласа «Новые северные доклады по физическому и географическому описанию земли и народностей», а по поручения российского правительства он подготовил «Сообщения о Грузии», опубликованные в «Политическом журнале» в 1783 году¹⁶. Однако целью всей его исследовательской деятельности на Кавказе было составление общего историко-топографического описания этого региона, завершить и сдать в печать которое Райнегтс не успел. Путешественник оставил огромное количество рукописных материалов, содержащих ценные сведения по истории и культуре народов Кавказа. Данные манускрипты оказались в руках Фридриха Эноха Шредера, учителя из Санкт-Петербурга, который представил их общественности с некоторыми дополнениями и исправлениями в виде «Общего историко-топографического описания

Кавказа, из оставленных Райнегтсом бумаг», которое было издано в двух томах в Готе в 1796 и 1797 годах¹⁷.

«Общее историко-топографическое описание Кавказа» Якоба Райнегтса является одним из первых фундаментальных трудов о Кавказе, вышедших из-под пера европейских исследователей. Данный труд уникален тем, что содержит не только сведения о топографии и геологии региона, но и энциклопедические данные, касающиеся истории и этнографии населяющих его народов.

Первая часть исследования, изданная в 1796 году, начинается с вводного слова Фридриха Эноха Шрёдера, собравшего путевые записки Райнегтса. Шрёдер сообщает, что Райнегтс посещал Кавказ пять раз, а собрать такой богатый материал ему помогла исследовательская жилка, дополняющая владение языками большинства из исследуемых им народов, а также, знание Востока, вообще. Шрёдер отмечает, что изучению культуры и быта кавказских народов способствовал переход автора в магометанскую религию, благодаря чему тот снискал доверие первых семейств и был вхож в их дома, и, тем самым, открыл для себя такие источники, которые были недоступны для остальных путешественников.

Повествование предваряет общая характеристика ландшафта, границ, геологических и климатических особенностей Кавказских гор. Далее автор дает нам краткую справку об истории народов, населяющих регион, об их происхождении, о разнообразии их языков и делает предположение, что каждое племя, имеющее свой особенный язык, является остатком одной большой нации, а Кавказ с незапамятных времен был подвержен многочисленным вражеским нашествиям различных народов. Вновь прибывшие народы, по мнению автора, притесняли древних жителей, в результате чего они были загнаны в горы. Этим и объясняет ученый наличие на Кавказе такого разнообразия племен и языков. Изучив предания кавказских народов и отобрав из них самые, на его взгляд, правдоподобные, а также, основываясь на фрагментах из «Истории Дербента», Райнегтс выделяет пять эпох, соответствующих процессам заселения Кавказа различными племенами. Самой древней эпохой исследователь называет эпоху лезгин, ко второй эпохе он относит гиссров и хазаров, третья эпоха представлена монголами, за которыми последовали на Кавказ арабы. Пятая, последняя, эпоха, ознаменована завоеваниями Чингиз-Хана и завершается опустошительными набегами Тимурленга и Батыя. Однако, Райнегтс отмечает, что на Кавказе проживают и такие народы, историю которых нельзя отнести ни к одному из данных периодов. Особый интерес у ориенталиста вызвал тот факт, что наряду с магометанами и христианами на Кавказе проживают народности, для которых все еще характерно идолопоклонничество.

Несмотря на название, труд Райнегтса не сводится лишь к описательной характеристике кавказских племен, так как автор не только систематизирует накопленные им знания, но и предпринимает попытку периодизации истории Кавказа в целом. В поисках истины и стремясь к объективности в своих предположениях и умозаключениях, Райнегтс, как настоящий ученый, проводит анализ собранного им материала, изучив все версии и теории о происхождении и истории кавказских народов, выдвинутые как его современниками, так и античными писателями, такими как Плиний, Страбон, Геродот. Сам автор следующим образом определяет цель своего этнографического исследования: «Между тем, я хотел бы распределить наиболее, на мой взгляд, достоверные из услышанных от них версий по выше упомянутым пяти эпохам, и, руководствуясь границами этих

народов, как самым лучшим путеводителем, сообщить верные данные обо всех народах и племенах, которые населяют Кавказ»¹⁸.

Второй том труда представляется нам более упорядоченным и систематизированным и состоит из четырех частей: из содержательного предисловия от издателя И.Д. Герстенберга, описания Райнегсом Западного и Южного Кавказа, его размышлений об остатках древних готв в Крыму, и, наконец, биографического очерка, в котором Герстенберг собрал все известные ему факты и документальные данные о жизни Райнегса. Здесь мы находим описание земли, истории и религиозных обрядов таких народов, как абхазы, лазы, аланы саоны, личху, глоби, мамминзоны, фитторы, мингрелы, лечхуми. Естественно, Райнегс, проведя длительный период времени в Грузии, при дворе царя Ираклия II, оставил огромное количество рукописей о данной стране. Автор приводит интересные сведения о самой Грузии, о государстве иберов, о провинции Картвел, касающиеся ландшафтных особенностей и геологии данной территории, подробно рассказывает об истории, общественном строе, обычаях и укладе народов, населяющих ее.

Данная работа стала настольной книгой и путеводителем по Кавказу для зарубежных ученых и путешественников XIX века, писавших о кавказском регионе. Так, Дюбуа де Монпере называет книги Гюльденштедта и Райнегса своими «проводниками в горах Кавказа»¹⁹. Карл Нойманн в своем знаменитом очерке «Россия и черкесы»²⁰ также неоднократно ссылается на исследование Райнегса, давая описание истории и быта горских народов.

Однако, труд Райнегса, а в особенности, его первый том, явился объектом резкой критики со стороны представителей европейской научной общественности XIX века. Автора называли «недобросовестным ученым», аргументируя это тем, что в работе встречаются некорректные географические названия, которые не упоминает ни один из исследователей Кавказа, и приводятся неверные сведения о горских народах²¹. Так, Йоханн Беккманн, придворный советник и профессор экономических наук из Германии, следующим образом характеризует данный труд: «Все, о чем можно прочесть в обоих томах, очень сильно изменено и искажено. И я не могу быть уверен в том, что все это вышло из-под пера Райнегса, так как неизвестно, сколько всего редактор Шрёдер, работающий частным учителем в Санкт-Петербурге, выбросил или изменил»²². Автор статьи, опубликованной в 1829 году в немецком этнографическом журнале «Hertha» и посвященной научному наследию Потоцкого, отнес исследование путешественника Райнегса к книгам, «которые уж точно не сделают чести нашей и без того бедной произведениями о путешествиях немецкой литературе. Несмотря на то, что тот самый Райнегс, учитывая его отношения с Потемкиным и с российским двором, имел больше возможностей в поездках, чем граф Потоцкий, во всем, что касается северных склонов Кавказа, а именно там побывал сам Потоцкий, от его вершин и до течений Терека и Кубани, работа Райнегса содержит столько же ошибок, сколько и слов»²³. Сам Потоцкий равным образом не лестно отзывался об исследовании путешественника. Потоцкий утверждает, что карта в немецком издании Райнегса имеет лишь незначительное сходство с описанными землями, и считает немецкий вариант карты менее корректным, нежели русский рукописный перевод, сделанный лично ученым. Почти все эти ошибки, полагает Потоцкий, должны быть отнесены на счет некоего квартирмейстера (Штадор или Штэдор), путевые заметки которого содержатся и в труде Райнегса, а остальные ошибки вытекают из имевшихся тогда некорректных карт. Несмотря

на данные неточности, Потоцкий считает, что такие страны, как Грузия, Армения, Дагестан и Ширван, которые Райнегтс сам посетил, он описал «*passablement bien*» (довольно хорошо)²⁴.

Господин Клапрот, однако, сообщает, что в первой части сильно искажены названия, кроме этого, к изданию труда подошли не особо добросовестно, что может навредить репутации Райнегтса. Так, Клапрот, являющийся последователем Потоцкого, приводит в своей работе²⁵ некоторые данные из «Общего историко-топографического описания Кавказа», которые считает неверными. К примеру, название тигур и уйтигур, которым Рейнегтс обозначает дугоров, Клапрот считает заблуждением и предполагает, что так называет данные племена один из соседних народов²⁶. Лезгины или леги, лекси, согласно Рейнегтсу, называют себя одинаково, Гюльденштедт же, по словам Клапрота, так не считает. При этом Клапрот говорит: «А также с трудом верится, что для обозначения всех этих различных племен здесь используется одно общее название»²⁷. Кроме этого, Клапрот обвиняет Райнегтса в том, что тот никогда не был в описываемых им местах, так как в его труде приводятся «несколько совершенно неверных географических данных»²⁸. Не согласен Клапрот и со следующими выводами Райнегтса: «К северо-востоку от лацев у самого начала разделения Керавнских и Гордиэских гор расположены поселения немногочисленного бедного народа, название которого аланы; татары называют его «оэтэ» или «эдеки алан». Данный народ говорит на особом диалекте древнего кавказско-татарского языка и этим отличается от другого многочисленного народа, населяющего на юге и юго-востоке самые высокогорные долины Главного хребта, и говорит на отдельном языке. Он называет себя «цон»; соседи называют его по-разному: «соан», «сонты», «цинты», а населенные ими горные долины Цуанети»²⁹. По мнению Клапрота, «здесь произошла путаница»³⁰. Сваны, считает Клапрот, проживают на юго-востоке от большого черкесского племени кемургей или темиргой, которым правят князья рода Айтек. И далее он заключает, что Рейнегтс, вероятно, получил свои данные от татаров, которые на своем языке называют этот род «айтекки алан», так как «ал» и в большом количестве «алан» означает «рода», то есть «айтекки алан» значит «род Айтек». Их, по мнению Клапрота, Рейнегтс и посчитал аланами³¹. Подвергает сомнению исследователь и предположение Райнегтса о том, что Маджар был основан монголами, после того как они победили лезгов и хиссров (хазаров) и захватили их владения. Клапрот отмечает, «*Porta Suman*», которая, по словам Райнегтса, расположена между Эльбрусом и Джуман-Тау, одной из многочисленных ошибок Райнегтса, и что ни один из древних писателей не писал о ней³². Критик находит, что версия Райнегтса о происхождении слова «Кабарда» от названия реки Кабар в Крыму и от названия села Дах не заслуживает похвалы³³. Многие черкесы, пишет Клапрот, и сейчас называют себя «Кабарда», а именно, один уздень (дворянин) из рода Тамби, на реке Кишбек, впадающей в Баксан, а «кабардиш» на их языке также означает «кабардинский черкес». Клапрот не соглашается с Райнегтсом и Палласом в том, что этот народ некогда проживал в Крыму, но покинул эти края и отправился к своим нынешним местам проживания. Далее исследователь приходит к выводу, что, на самом деле, там сохранились развалины замка, который татары называют Черкес-кермен, а местность между реками Кача и Бельбек, верхняя половина которой все еще называется Кабарда, они называют Черкес-тюз, т.е. Черкесская долина. Однако, Клапрот не считает это достаточным поводом для того, чтобы утверждать, что черкесы вышли из

Крыма. Напротив, вполне возможно, по его мнению, что они проживали одновременно на равнине к северу от Кавказа и в Крыму, откуда вероятно и были вытеснены татарами под предводительством Бату-хана³⁴.

В своей книге Клапрот называет Райнегтса авантюристом и пишет, что «его очень поверхностное описание этих гор, в котором половина приведенных фактов ошибочны или ложны, было сокращено недобросовестным редактором и может быть в некоторой степени полезно лишь тому, кто сам хорошо знаком с Кавказом и в состоянии обнаружить ошибки»³⁵.

Сам Клапрот, в свою очередь, не избежал критики со стороны Монпере, который утверждает, что «все то, что Клапрот сообщает о Кавказе, лишь компиляция из книг Гюльденштедта и Райнегтса, а это является подтверждением предположения о том, что многие европейские авторы, писавшие о Кавказе, сами никогда там не бывали, а бесчестно присваивали сведения и факты о Кавказе из трудов посетивших Кавказ ученых и путешественников»³⁶. Такого же мнения о Клапроте придерживался и путешественник Карл Штюккер, посетивший Кавказ в конце XIX века. Автор очерка «Нравы и обычаи в Турции и Черкесии»³⁷ обвиняет Клапрота в том, что тот не совершал многих поездок, о которых сообщает в своих записках, а использовал имеющиеся на тот момент исследования других ученых³⁸.

Известный немецкий исследователь Нойманн, считавший Райнегтса авторитетным ученым и неоднократно обращавшийся в своем очерке «Россия и черкесы» к «Общему историко-топографическому описанию», не во всем соглашается с его автором. Он опровергает утверждение ученого о существовании у кабардинцев ритуала жертвоприношения людьми. Райнегтс сообщает, что «до недавнего времени у кабардинцев бытовал жестокий обычай, приносить в жертву людей» и, как он слышал, еще во время его пребывания на Кавказе, «все еще встречались случаи такой жестокости». Они, по заверениям автора, «убивают плененных или купленных ими рабов на могилах своих отцов или братьев с тем, чтобы души умерших обрели покой». Далее Райнегтс делает вывод, что «этот варварский обычай еще существуют у народов Азии». Нойманн не только отрицает данный факт, но и предполагает, что «Райнегтс либо сам был обманут, либо намеренно лжет для того, чтобы в интересах России очернить этот народ перед европейцами»³⁹.

Карл Нойманн, разделяя мнение большинства исследователей о том, что в «Общее историко-топографическое описание Кавказа» вошли не все его материалы, высказывает предположение о том, что при печати путевых записок Райнегтса было опущено все, что могло раскрыть планы российского правительства⁴⁰.

Герстенберг, обращаясь к читателям в предисловии ко второму тому «Общего историко-топографического описания», пытается пролить свет на сложившуюся вокруг данного исследования неоднозначную ситуацию. Подтолкнуло его к этому решению то обстоятельство, что первый том стал объектом повышенного внимания научной общественности, он вызвал не только похвалу, но и нарекания критиков по поводу отсутствия порядка и взаимосвязи между отдельными главами, что посчитали непростительной ошибкой покойного Райнегтса. Просмотрев манускрипт ученого, Герстенберг находит, что он не готов к печати, так как содержит разного рода ошибки, повторения слов, а также целых абзацев, которые, по его словам, могут быть отнесены лишь на счет редактора. Издатель в спешке попытался исправить опечатки и ошибки, вычеркнуть повторяющиеся

фрагменты, однако нарушать последовательность он не имел права, потому как не знал, сам ли Райнегтс собрал свои рукописи в таком порядке, изменение которого могло привести к потере оригинальности текста. Шредер же объяснил большое количество допущенных в тексте ошибок неразборчивостью почерка автора. Герстенберг отмечает, что многие собственные имена и географические названия автор приводит на арабском, грузинском, или татарском языках, ни одним из которых Шредер не владел, а это могло привести к их неправильному прочтению. По мнению издателя, «долгом редактора было связать между собой беспорядочные рукописные материалы, а не вносить самовольно в текст поправки и, тем более, не выбрасывать целые абзацы»⁴¹. Поэтому, добавляет Герстенберг, упреки рецензентов должны быть адресованы больше господину Шредеру, нежели самому автору, так как Райнегтс был разносторонне образованным человеком, имел степень доктора медицины, освоил горное дело, изучал ориенталистику, а также свободно владел несколькими иностранными языками, такими как русский, грузинский, персидский, турецкий, татарский, и не мог допустить тех грубых ошибок и неточностей, которые вызвали резкую критику в научных кругах.

Проанализировав критические замечания представителей научной общественности Европы XIX века в адрес Райнегтса, следует подчеркнуть, что западные исследователи Кавказа XIX века не всегда использовали достоверные, проверенные источники для своих описаний, так как в своих трудах они ссылаются как на трактаты античных историков, так и на народные предания легенды, выдуманные и рассказанные самими представителями горских народов. Но были и такие авторы, которые в коммерческих целях сочиняли настоящие путевые заметки о Кавказе, не покидая своего кабинета и переписывая целые главы из работ своих соотечественников. Это приводило к тому, что такие нечестные авторы заимствовали для своих выдуманных историй ошибки, неточности или преувеличения, которые переходили из одной книги в другую. В результате, такие, не имеющие ничего общего с действительностью данные, начинали восприниматься европейским читателем как отражение реальной жизни кавказских горцев, что определенным образом повлияло на формирование общественного мнения о народах Кавказа.

Изучив сведения о кавказских народах, собранные автором в труде под названием «Общее историко-топографическое описание Кавказа», а также рассмотрев некоторые выдвинутые им гипотезы, ставшие причиной полемики между такими учеными, как Нойманн, Клапрот и Потоцкий, стоит отметить, что Якоб Райнегтс наряду с другими представителями западного ориентализма конца XVIII века внес неоценимый вклад в изучение истории и культуры народов Кавказа. Данный труд также оказал огромное влияние на исследовательскую деятельность многих европейских ученых, посетивших вслед за Райнегтсом Кавказские горы с целью ознакомления с проживающими здесь народами и их многогранной культурой.

Учитывая специфику и характер европейской литературы XIX века о Кавказе, труд Райнегтса можно отнести к разряду исследований, представляющих особый интерес с этнографической точки зрения, так как автор на самом деле посещал описываемые им места. Данный факт имеет немаловажное значение и при верификации аутентичности сведений, сообщаемых зарубежными авторами о данном регионе. Известия путешественников, на наш взгляд, являются ценным и содержательным источником, который, однако, должен использоваться в полном объеме и при условии научно-критического подхода.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Reineggs J.* Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. 1 B. Gotha und St. Petersburg: bei Gerstenberg und Dittmar, 1796. 294 с.
2. *Абаева А.М., Абаева А.М.* Якоб Райнеггс и проблема Кавказа в европейской ориенталистике XIX века // История науки и техники. 2016. № 10. С. 47.
3. *Reineggs J.* Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. 2 B. Hildesheim und St. Petersburg: bei Gerstenberg und Dittmar, 1797. 432 с.
4. *Wurzbach C.* Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich. Von Dr. Constant von Wurzbach, 25 Theil. Wien: Druck und Verlag der k. k. Hof- und Staatsdruckerei, 1873. 426 с. С. 200.
5. Lexikon der vom Jahr 1750 bis 1800 verstorbenen teutschen Schriftsteller, 11 Band. [ausgearb. von J.G. Meusel]. Leipzig: Bei Gerhard Fleischer, dem Jüngern, 1811. 502 с. С. 148.
6. *Wurzbach C.* Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich. Von Dr. Constant von Wurzbach, 25 Theil. Wien: Druck und Verlag der k. k. Hof- und Staatsdruckerei, 1873. 426 с. С. 201.
7. Там же. С. 202.
8. Lexikon der vom Jahr 1750 bis 1800 verstorbenen teutschen Schriftsteller, 11 Band. [ausgearb. von J.G. Meusel]. Leipzig: Bei Gerhard Fleischer, dem Jüngern, 1811. 502 с. С. 146.
9. Там же. С. 148.
10. *Строев А.* Те, кто поправляет Фортуны. Авантюристы Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 398 с. С. 295.
11. Lexikon der vom Jahr 1750 bis 1800 verstorbenen teutschen Schriftsteller, 11 Band. [ausgearb. von J.G. Meusel]. Leipzig: Bei Gerhard Fleischer, dem Jüngern, 1811. 502 с. С. 148.
12. *Neumann K. F.* Russland und die Tscherkessen. Stuttgart und Tübingen: Cotta'sche Buchhandlung, 1840. 154 с. С. 37.
13. *Маркова О. П.* Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М.: Наука, 1966. 322 с. С. 165.
14. Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen unter der Aussicht der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften, 1 Band, 93 Stück, den 11. Junius 1798. Göttingen: Gedruckt bey Johann Christian Dietrich. 1040 с. С. 921.
15. Там же. С. 928.
16. *Wurzbach C.* Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich. Von Dr. Constant von Wurzbach, 25 Theil. Wien: Druck und Verlag der k. k. Hof- und Staatsdruckerei, 1873. 426 с. С. 201.
17. *Reineggs J.* Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. 2 B. Hildesheim und St. Petersburg: bei Gerstenberg und Dittmar, 1797. 432 с. С. 11.
18. *Reineggs J.* Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. 1 B. Gotha und St. Petersburg: bei Gerstenberg und Dittmar, 1796. 294 с. С. 62.
19. *Montpereux F.D.* Reise um den Kaukasus, zu den Tscherkessen und Abchasen, nach Kolchis, Georgien, Armenien und in die Krim. II Band. Darmstadt: Druck und Verlag von E.W. Leske, 1843. 644 с. С. 370.
20. *Neumann K.F.* Russland und die Tscherkessen. Stuttgart und Tübingen: Cotta'sche Buchhandlung, 1840. 154 с.
21. *Reineggs J.* Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. 2 B. Hildesheim und St. Petersburg: bei Gerstenberg und Dittmar, 1797. 432 с. С. 10.
22. *Beckmann J.* Physikalisch-ökonomische Bibliothek, 20 Band. Göttingen: im Bandenhoek- und Ruprechtschen Verlage, 1799. 647 с. С. 100.
23. Hertha, Zeitschrift für Erd-, Völker- und Staatenkunde, 14 Band. Stuttgart und Tübingen: in der J.G. Cotta'schen Buchhandlung, 1829. 640 с. С. 107.
24. Там же. С. 108.
25. *Klaproth J.* Reise in den Kaukasus und nach Georgien: Unternommen in den Jahren 1807 und 1808, auf Veranstaltung der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. Enthaltend eine vollständige Beschreibung der kaukasischen Länder

und ihrer Bewohner. Halle und Berlin: Buchhandlungen des Hallischen Waisenhauses, 1812. 1373 с.

26. Там же. С. 17.

27. Там же. С. 18.

28. Там же. С. 81.

29. *Reineggs J.* Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. 1 B. Gotha und St. Petersburg: bei Gerstenberg und Dittmar, 1796. 294 с. С. 15.

30. *Klaproth J.* Reise in den Kaukasus und nach Georgien: Unternommen in den Jahren 1807 und 1808, auf Veranstaltung der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. Enthaltend eine vollständige Beschreibung der kaukasischen Länder und ihrer Bewohner. Halle und Berlin: Buchhandlungen des Hallischen Waisenhauses, 1812. 1373 с. С. 85.

31. Там же. С. 85.

32. Там же. С. 527.

33. Там же. С. 560.

34. Там же. С. 561.

35. Там же. С. 3.

36. *Montpereux F. D.* Reise um den Kaukasus, zu den Tscherkessen und Abchasen, nach Kolchis, Georgien, Armenien und in die Krim. II Band. Darmstadt: Druck und Verlag von E.W.Leske, 1843. 644 с. С. 370.

37. *Stücker C.* Sitten- und Charakterbilder aus der Türkei und Tscherkessien. Berlin: Verlag von Reinhold Schlingmann, 1862. 288 с.

38. *Дзамихов К.Ф., Абаева А.М., Абаева А.М.* «Карл Штюккер и вопросы историографии Кавказа первой половины XIX в.» // История науки и техники. 2015 г. № 11. С. 39–43. С. 41.

39. *Neumann K. F.* Russland und die Tscherkessen. Stuttgart und Tübingen: Cotta'sche Buchhandlung, 1840. 154 с. С. 103.

40. Там же. С. 57.

41. *Reineggs J.* Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. 2 B. Hildesheim und St. Petersburg: bei Gerstenberg und Dittmar, 1797. 432 с. С. 12.

ASIYAT M. ABAEVA, ASUANA M. ABAEVA

JACOB REINEGS'S CONTRIBUTION INTO THE DEVELOPMENT OF THE EUROPEAN CAUCASUS STUDIES OF THE XIX-th CENTURY

The material for this article, devoted to the teachings of the German ethnographer and diplomat Jacob Reineggs, was the fundamental work of the scientist «General Historical and Topographic Description of the Caucasus», collected by Enoch Schroeder from the traveler's manuscripts. Reineggs covers issues that have become the subject of numerous disputes in the scientific circles of Europe in the XIX-th century. The purpose of this study is caused by the need for a source study base for the ethnography of the Caucasus, as well as the importance of streamlining the scientific works of representatives of Caucasian studies in the XIX-th century. It is concluded that Reineggs and other travelers of the XVIII-th – XIX-th centuries not only made a huge contribution to the development of European Orientalism, but also had a significant impact on the formation of public opinion about the peoples of the Caucasus.

Key words: ethnography, German publicists, expansion, European orientalism, Caucasian studies, travelers' information about the Caucasus.

Асият М. Абаева, Асуана М. Абаева
(г. Нальчик)

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КАВКАЗЕ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ ГЕРМАНИИ XIX ВЕКА

Статья посвящена проблеме освещения культуры и истории народов Кавказа на страницах научных периодических изданий. Материалом для данного исследования послужила одна из публикаций, которые появлялись на страницах журнала «Das Ausland» в 1837 году в рамках рубрики «Русские на Кавказе». Целью данного исследования является анализ формирования «образа» кавказского этноса в общественном сознании сквозь призму общественно-политической обстановки, сложившейся в Европе к началу XIX века.

Ключевые слова: Запад, Восток, Европа, Россия, Кавказ, кавказские этносы, культура и обычаи, этнография, политика европейского колониализма.

Кавказ к началу XIX века оказался в центре внимания европейской научной и политической общественности. Вызвано такое пристальное внимание было особенностью географического положения Кавказской горной системы и ее статусом естественной границы между Европой и Азией. Этот процесс был стимулирован глобальной территориальной экспансией европейцев, в ходе которой они столкнулись с народами и культурами, совсем не похожими на их собственные¹. К началу XIX века Кавказ становится своеобразным «яблоком раздора» в отношениях между Российской империей, Великобританией и Османской империей.

С ростом политической напряженности повышалась и привлекательность региона в глазах научной общественности Европы. Такие известные немецкие исследователи, как Клапрот², Райнегтс³, Нойманн⁴, Кох⁵ и т.д., труды которых содержат ценный этнографический материал о кавказских народах, посещают Кавказ именно в этот период. Помимо путешественников регион стали посещать не только историки и этнографы, но и военные и дипломаты, как, например, отставной офицер английского легиона Карл Штюккер⁶, пребывание которого на Кавказе было непосредственно связано с созданием профессиональной армии в Черкесии. Политический интерес западных самодержцев к кавказскому региону повышал его привлекательность и в глазах научной общественности и интеллигенции Европы. В связи с особенностями международной обстановки, сложившейся в европейской части евразийского континента, у западной общественности возникла необходимость в объективной систематической информации о событиях на Кавказе, о народах, населяющих его, а также об их истории и культуре, потому как в XIX веке данный регион становится стратегически важным объектом для колониальных государств.

Одним из периодических изданий, которые в данный период взяли на себя роль своеобразного информатора европейской общественности о событиях, развивающихся на Кавказе, об истории и культуре его жителей, был журнал «Das Ausland» («Зарубежье»). Данный журнал является одним самых популярных географических журналов XIX века. С 1828 по 1893 годы он издавался группой известных редакторов одновременно в

нескольких местах, 1828 по 1852 годы он печатался ежедневно, а после 1857 года «Das Ausland» выходит один раз в неделю. Энциклопедичность данного издания повышает его ценность в качестве источника для исследований в области истории и культуры. В журнале «Das Ausland» публикуется корреспонденция со всех континентов, доклады путешественников, географические и исторические новости, статистические отчеты о торговле и промышленности, обычаях и традициях, а также карты, планы и фотографии, в качестве литографического приложения⁷.

В 1837 году журнал выпускает ряд статей о Кавказе под рубрикой «Русские на Кавказе».

Особенностью таких периодических изданий, несмотря на их научную направленность, было отражение политических взглядов и идей, царивших в тот период в обществе. Научные труды этнографов и путевые заметки различных путешественников, посетивших Кавказ с разнообразными целями, как известно, издавались малым тиражом и, зачастую, были доступны лишь узкому кругу исследователей. В связи с этим возрастает роль периодических изданий в информировании представителей европейских и политических кругов с культурой и историей Кавказа.

В данном случае приводится перевод текста статьи из рубрики «Русские на Кавказе»⁸, опубликованной в журнале «Das Ausland», в выпуске № 320, от 16 ноября 1837 года.

«Еще несколько лет назад, когда речь заходила о черкесах или других народах Кавказа, их считали никем иным, как подданными России; она владела огромными территориями на юге Кавказа и имела безграничную власть на севере этих гор. Почему же маленькие слабые народности, проживавшие между этими территориями, не хотели признавать господство мощной империи? Однако, некоторые обстоятельства, как Июльская революция и восстание в Польше, которые получили отклик и на далеком Кавказе, и ненависть врагов России открыли эту долгое время нарывающую рану, а сама Россия уже не скрывает того, что ежегодно в эти земли отправляет армии, для того чтобы полностью подчинить себе Кавказ. Господство России на всем северном склоне Кавказских гор, а также в высокогорных ущельях и в восточных отрогах до сих пор вызывает сомнение у европейцев. Потому что как на западе храбрые черкесы отражают нападения русских, а также сами довольно часто совершают набеги на территорию врага, так и еще несколькими годами ранее дагестанцы, многочисленные, в большинстве своем лезгинские жители восточной «горной страны», это – значение слова «Дагестан», которая имеет выход в Каспийское море, гнали русских вплоть до обеих крепостей Тарту и Дербент, и они едва не попали в руки расвирепевшего племени. После смертоносных сражений, о которых мы можем в подробностях узнать лишь из русских источников, в некоторой степени удалось их принудить к подчинению, но, русские сведения, все же, необходимо принимать с долей скептицизма, для того чтобы оправдать утверждение, что все горские племена, возможно с единственным исключением осетин, которые длительное время состояли в рабстве у соседствующих грузин, выказывали русским либо категоричное сопротивление, либо далеко неоднозначное послушание.

По причине уединенности этих народов и их почти абсолютной, удерживаемой русскими изолированности, очень много важных фактов о них остаются для неизвестными, так как мы можем черпать информацию лишь из русских или русифицированных сообщений. Даже о численности народности мы не можем знать определенно: по неполным данным Платона Зубова в его «Картина Кавказского края» все население высокогорья

от одного моря до другого составляет не более 1 000 000 душ, в то время как другие источники население всего перешейка определяют не мене чем в 4 000 000 душ. Эти данные едва ли очень далеки от реальности, так как такое слабое население, как приводят русские, при всей своей храбрости навряд ли могло бы сопротивляться русским так долго и с таким успехом.

Из каких частей состоит население горной зоны, мы все еще не можем сказать с точностью по причине того, что наше знание местных языков, что в данном случае очень важно, остается все еще крайне недостаточным.

Но эта тема сейчас является предметом общественного внимания, и мы с определенной долей уверенности можем утверждать, что многие народы Кавказа, например, лезгины, которых причисляют к самым диким, имеют свою литературу, в то время как не так давно были найдены даже лезгинские книги, переведенные с арабского языка. Учитывая то обстоятельство, что практически во всех частях Кавказа обнаружены развалины христианских церквей, по праву можно утверждать, что эти народы занимали когда-то более высокую ступень культурного развития, и лишь по причине непрерывных войн, которые они вели в течение последних столетий то против турков, а то, когда уже турки обеспечили номинальный перевес их господству, между собой или же против русских, они в итоге снова скатились до уровня дикости.

Можно, конечно, особо не отклоняясь от правды, отважиться на утверждение, что население самого перешейка никогда полностью не было покорено. Чего было искать древнему завоевателю среди этих отчасти бедных народов, которые никогда и не были богаты? Такие покорители народов как Чингисхан и Тимур искали, вероятно, проход в более богатые области Передней Азии, а их захватнические походы могли загнать в ущелья гор отдельные племена; но какую же цель они могли преследовать, добившись непосредственно господства над этими народами, основанного на собственном управлении. Турки, поначалу – соперники, а позднее последователи тимуридов в покорении Западной Азии и Восточной Европы, довольствовались лишь тем, что больше и больше обращали кавказские племена в ислам, силой религии перетягивали их на свою сторону и использовали их как полезных союзников и своеобразный авангард против северного врага. Все эти чужеземные завоеватели не затрагивали непосредственно жизнь народа, они либо проносились мимо, подобно урагану, либо довольствовались лишь в большей степени номинальным господством; но русские хотят большего, им нужно контролировать отношения между расположенными на юге и на севере Кавказа провинциями, а проживающие здесь народы должны будут для поддержания этих отношений служить им и платить пошлину, и, в конце концов, постепенно вынуждены будут подчиниться форме правления остальных провинций. Современное европейское господство в определенной степени приведет к европейским формам правления, а русские и французы узнали к своему большому сожалению, одни – на Кавказе, а другие – в Северной Африке, что не все народы подчиняются этим формам правления так добровольно, как слабые и податливые индусы. Неуверенное продвижение русских на Кавказе до Петра Великого лишь с его приходом к власти приобрело преимущественно военный политический и последовательный характер. Первый шаг русские предприняли с востока, когда они укрепили свои позиции в результате разгрома татарского ига Астрахани (1554 г.), что привело их также и к завоеванию Терки, который раньше носил татарское название Тюмен. Кабардинцы, вероятно, уставшие от непрекращающихся набегов кочующих татаров, обратились к русским за помощью, и, кажется,

содействовали осаде города Тюмен на берегу Терека (в 1557 г.), который был восстановлен под названием Тарки или Терки и заселен русскими жителями: по крайней мере, между ними было взаимное согласие, так как несколькими годами ранее (1555 г.) ватага черкесов шла с русскими отрядами против Ливонии, в 1561 году Иван Васильевич женился на черкесской княжне, а через двадцать лет черкесы, населявшие окрестности Бештау (ныне Пятигорск), притесняемые набегами татар, уже были под защитой русских, а в то же самое время князь Грузии, Александр, решил обратиться к России за помощью и даже присягнул царю на верность. Насколько прежние отношения отличались от нынешних, можно судить по тому, что шах Аббас, проинформированный об этом особым русским посольством, согласился подчиниться Кахетии при условии, как пишет Зубов, «что предпримет все меры для предотвращения нападений на персидские провинции, со стороны горских племен, что также ранее было обещано. В результате, русские полки направились к Тереку с целью подчинения горских племен, многие из которых, следуя примеру Кахетии, покорились России». Этот пример довольно показателен для прежнего положения вещей. Шах Аббас (1557–1629 гг.) поднял Персидскую империю из глубокого упадка: он снова отвоевал у турков Ирак-Араби, Месопотамию, Таврис и Армению, забрал у узбеков Хорасан, у Португальцев – остров Ормуз, у монголов – Каңдагар, и, следовательно, имел много сильных врагов со всех сторон, и лишь к концу своего правления смог обратиться на север: поэтому он был вполне доволен, когда Россия, которая в то время не представляла опасности для Персии, взяла за узды горские племена, которые вдохновлялись Портой, уставшей от внутренних неурядиц, на вторжения в персидские земли. В то время Россия играла в кавказских вопросах по сравнению с двумя другими великими державами, Портой и Персией, весьма незначительную роль, хотя, кажется, что она была бы не против играть большую роль, и уже в то время попыталась оказать влияние на христианские народы Кавказа.

С тем чтобы эффективнее управлять кавказскими племенами, она построила на реке Койсу город с одноименным названием (1594), а Борис Годунов решил пойти против шамхала города Тарку, но тот собрал все проживающие в округе племена и нанес ответный удар по армии русских, в результате чего они вернули свои прежние границы. Последовавшие за этим волнения в России в период правления Лжедмитрия помешали дальнейшему достижению данных целей, а планы царя Бориса жениться на грузинской принцессе больше не могли содействовать делу, не имеющему поддержки в виде силы оружия. Между тем, все еще существовал союз между русскими и племенами, населяющими подножье горы Бештау, так как воевода Терки с их помощью потушил восстание (в 1625 году), на которое небезызвестная Марина, супруга последнего Лжедмитрия, спровоцировала казачий полк. Конечно, значение такого, возможно и быстрого, поражения не кажется особенным, так как казаки не покорялись долгое время, а их разбойные нападения препятствовали торговле на Дону и на Волге, и даже один раз ограбили персидский город Решт. И, уже казалось, что Терки у них в руках, так как Зубов отмечает, что этот город в 1670 году снова был укреплен.

Только с Грузией поддерживались в некоторой степени отношения, или, скорее, возобновились снова, когда Грузия, наказанная шахом Аббасом за свою любовь к России, смогла немного передохнуть, в то время как Персия снова была ослаблена под влиянием суфийских волнений. Как пишет Зубов, правитель Мингрелии, Лео Дадиан, в 1638 году, в следующем году – король Кахетии, Теймураз, а в 1650 году – король Имеретии,

Александр, присягнули на верность России; но, как бы там ни было, именно Теймураз повторно просил Россию о помощи, которая, однако, то ли по причине войны с Польшей, то ли по причине войны с Турцией или с крымским ханом, ему предоставлена не была, одним словом, Россия чувствовала себя тогда недостаточно сильной для такого серьезного мероприятия.

Рассмотрев отношения России с кавказскими племенами и странами, мы можем сделать следующие выводы: вначале Россия не имеет отношений ни с Турцией ни с Персией, но дело ее освобождения от татаро-монгольского ига продолжается, в результате чего она получает приоритет на Каспийском море в виде города Астрахани. Опасность, угрожающая как кавказским народам, так и русским со стороны татар, приводит к союзу первых, который, однако, очень быстро был разорван, когда Россия решила за это распространить на них свою власть, а кавказцы между тем с помощью турков положили конец стремлениям русских. Позднее западное побережье Каспийского моря, попавшее на короткое время в руки турков, снова вернулось во владение персов, тем более что русские при этом не смогли никак повлиять на ситуацию, а единоверная с ними Грузия была брошена на произвол судьбы. Россия к этому времени была на юге настолько слаба, что не имела на Черном море ни одной позиции, и даже донские казаки либо поднимали восстания, либо вообще проявляли лишь очень неоднозначную покорность. Так обстояли дела к концу XVII века».

Рубрика «Русские на Кавказе» представляет особый интерес для историков с точки зрения роли Кавказа на международной политической арене в XVII–XIX веках, хотя, стоит отметить, что в данном издании прослеживается идея общеевропейской конфронтации по отношению к Российской империи. Несмотря на некую субъективность умозаключений и выводов, содержащихся в тексте статей, именно издания периодической печати, в силу своей доступности, становятся основным источником сведений о Кавказе и о сложившейся вокруг него обстановке.

В настоящее время материалы периодических изданий Европы XIX века, а в данном случае Германии, содержащие сведения о народах Кавказа, являются наименее изученным источником знаний по сравнению с путевыми заметками, мемуарами и очерками путешественников. Таким образом более детальное внимание к сообщениям зарубежных средств массовой информации XVIII–XIX веков позволит представителям отечественного кавказоведения взглянуть на проблему развития этнических стереотипов о кавказских народах, а также на процесс формирования «образа» Кавказа в европейском общественном сознании с нового исторического ракурса.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Абаева А.М., Абаева А.М.* Исследовательская деятельность Г. Мерцбахера и этнографическая карта кавказского высокогорья. // Социально-политическое и культурное пространство Центрального и Северо-Западного Кавказа в XVI – начале XX в.: направления и динамика интеграционных процессов. Сборник научных статей по материалам региональной научной интернет-конференции (г. Нальчик 19–30 октября 2015 г.). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. С. 122–132. С. 122.

2. *Klaproth J.* Reise in den Kaukasus und nach Georgien: Unternommen in den Jahren 1807 und 1808, auf Veranstaltung der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. Enthaltend eine vollständige Beschreibung der kaukasischen Länder und ihrer Bewohner. Halle und Berlin: Buchhandlungen des Hallischen Waisenhauses, 1812. 1373 с.

3. *Reineggs J.* Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. 1 B. Gotha und St. Petersburg: bei Gerstenberg und Dittmar, 1796. 294 с.

4. *Neumann K.F.* Russland und die Tscherkessen. Stuttgart und Tübinge: Cottasche Buchhandlung, 1840. 154 с.

5. *Koch K.* Reise durch Russland nach dem kaukasischen Isthmus in den Jahren 1836, 1837 und 1838. Stuttgart und Tübingen: J.G. Cotta, 1842. 1102 с.

6. *Карл Штюккер.* Нравы и обычаи в Турции и Черкесии / Руков. научного проекта К.Ф. Дзамихов. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. 170 с.

7. Das Ausland. Ein Tagblatt für Kunde des geistigen und sittlichen Lebens der Völker // <https://www.degruyter.com/view/serial/35865>.

8. Das Ausland. Ein Tagblatt für Kunde des geistigen und sittlichen Lebens der Völker. № 320. Stuttgart und Tübingen: J.G. Cotta, 1837. S. 1277–1279.

ASIYAT M. ABAEVA, ASUANA M. ABAEVA

FORMATION OF OPINIONS ABOUT THE CAUCASUS
IN THE PUBLIC CONSCIOUSNESS OF GERMANY
IN THE XIX CENTURY

The article is devoted to the problem of coverage of the culture and history of the peoples of the Caucasus on the pages of scientific periodicals. The material for this study was one of the publications that appeared on the pages of the magazine “Das Ausland” in 1837 under the rubric “Russians in the Caucasus”. The purpose of this study is to analyze the formation of the “image” of the Caucasian ethnos in the public consciousness through the prism of the socio-political situation that had developed in Europe by the beginning of the XIX-th century.

Key words: West, East, Europe, Russia, Caucasus, Caucasian ethnic groups, culture and customs, ethnography, policy of European colonialism.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бгажноков Барасби Хачимович, доктор исторических наук, заведующий сектором древней истории и археологии ИГИ КБНЦ РАН, заслуженный деятель науки КБР.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.
Тел. 8 (8662) 42-19-26
E-mail: kbigi@mail.ru

Бакушев Марат Артурович, кандидат исторических наук, археолог-специалист ООО «Археологическое общества Кубани».

344065, Ростов-на-Дону, ул. Чехова 62, оф. 5. ООО «Археологическое общество Кубани».

Тел. +7 (988) 519-39-15
E-mail: bakart@mail.ru

Березин Сергей Яковлевич, специалист Центра археологических исследований Армавирского государственного педагогического университета.

352901, Краснодарский край, г. Армавир, ул. Чичерина 12, кв. 16.
Тел. +7 (928) 261-40-50
E-mail: cosmodesantnik@mail.ru

Березин Яков Борисович, старший специалист научно-исследовательского института и Музея антропологии МГУ, г. Москва.

357700, Ставропольский край г. Кисловодск, ул. К. Цеткин 22А, кв. 12.
Тел. + 7 (962) 401-81-52
E-mail: yakov_berezin@mail.ru

Бурков Сергей Борисович, СНС отдела систематизации археологических материалов ГБУ «Институт истории и археологии РСО-А».

362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46.
Тел. +7 (928) 098-80-42
E-mail : sergeyburkov59@yandex.ru

Фоменко Владимир Александрович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора древней истории и археологии ИГИ КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.
Тел. 8 (8662) 42-42-74
E-mail: kbigi@mail.ru

Гучева Анджела Вячеславовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнологии ИГИ КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.
Тел. 8 (8662) 42-46-97
E-mail: kbigi@mail.ru

Кармов Руслан Карнетович, аспирант Северо-Кавказского института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС).

357502, Ставропольский край, г. Пятигорск, ул. Дунаевского 5.
Тел. +7 (960) 431-13-07
E-mail: karmovruslan@bk.ru

Остахов Анзор Александрович, кандидат исторических наук, начальник Информационного центра генерального директора АО «СКТБЭ».

129226, г. Москва, ул. Сельскохозяйственная 12.
Тел. +7 (903) 281-78-30
E-mail: sktbe@intelhim.ru

Абаева Асият Мусаевна, преподаватель цикла социально-гуманитарных дисциплин Медицинского колледжа Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова.
360000, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.
Тел.: +7 (928) 709-47-17
E-mail: asiatg@mail.ru

Абаева Асуана Мусаевна, преподаватель цикла социально-гуманитарных дисциплин Медицинского колледжа Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова.
360000, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.
Тел.: +7 (938) 691-25-35
E-mail: asu_ana@inbox.ru

THE AUTHORS OF THIS ISSUE

Bgazhnokov Barasbi Hachimovich, Doctor of History, head sector of the ancient history and archeology IHR KBSC RAS.
18 Pushkin street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-19-26
E-mail: kbigi@mail.ru

Bakushev Marat Arturovich, Candidate of history, specialist-archaeologist of Kuban Archaeological society, LLC. 344065, Rostov-on-Don, Russian Federation.
62 Chekhov street, «Kuban Archaeological society», LLC.
Tel: +7 (988) 519-39-15
E-mail: bakart@mail.ru

Berezin Sergey Yakovlevich, specialist of the Center for archaeological research of the Armavir state pedagogical University, Armavir.
12 Chicherina street, apt. 16
Krasnodar region, Armavir 352901
Ph. +7 (928) 261-40-50
E-mail: cosmodesantnik@mail.ru

Berezin Yakov Borisovich, Senior Specialist, Research Institute and Museum of Anthropology, Moscow State University, Moscow.
22A K. Zetkin street, apt. 12.
Stavropol Territory, Kislovodsk 57700
Ph. +7 (962) 401-81-52
E-mail: yakov_berezin@mail.ru

Burkov Sergey Borisovich, senior research assistant of the Unit of Systematization of Archeological Materials of the State Budgetary Institution «Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania».
46 Vatutina Street
Vladikavkaz 362025
Ph. +7 (928) 098-80-42
E-mail : sergeyburkov59@yandex.ru

Fomenko Vladimir Aleksandrovich, Candidate of History, assistant professor, senior researcher of the ancient history and archeology sector IHR KBSC RAS.
18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-42-74
E-mail: kbigi@mail.ru

Gucheva Angela Vyacheslavovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher Ethnology Sector IHR KBSC RAS.
18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph.8 (8662) 42-46-97
E-mail: kbigi@mail.ru

Karmov Ruslan Karnetovich, post-graduate student of The North Caucasus institute – branch of the Russian academy of national economy and public administration at the President of the Russian Federation (RANEPA).
5 Dunaevsky street,
Pyatigorsk, Stavropol Krai, Russia 357502
Ph. +7 (960) 431-13-07
E-mail: karmovruslan@bk.ru

Ostakhov Anzor Aleksandrovich, Candidate of History, head of the General Director's information center of the stock-company «SKTB».

12 Selskokhozastvena Street
Moscow city 129226
Ph. +7 (903) 281-78-30
E-mail: sktbe@intelhim.ru

Abaeva Asiyat Musaevna, Lecturer of the cycle of social and humanitarian disciplines of the Medical College of the Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekova

173 Chernyshevsky Street
360000 Nalchik
Ph. +7 (928) 709-47-17
E-mail: asiatg@mail.ru

Abaeva Asuana Musaevna, Lecturer of the cycle of social and humanitarian disciplines of the Medical College of the Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekova

173 Chernyshevsky Street
360000 Nalchik
Ph. +7 (938) 691-25-35
E-mail: asu_ana@inbox.ru

Научное издание

**АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ
СЕВЕРНОГО КAVКАЗА**

**ВЫПУСК
10**

Макет и техническое редактирование
А.В. Гергоковой

Подписано в печать 24.11.2020 г. Формат 70x108 1/16. Palatino Linotype
Усл. печ. л. 13,3. Тираж 500 экз. (1-й завод – 50 экз.). Заказ № 266

The federal state budgetary science establishment
The Kabardian-Balkarian institute of humanitarian research
360000, KBR, Nalchik, 18 Pushkin's street
Ph.: 8 (8662) 42-50-94
e-mail: kbigi@mail.ru

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований»
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.
Тел. 8 (8662) 42-50-94
e-mail: kbigi@mail.ru